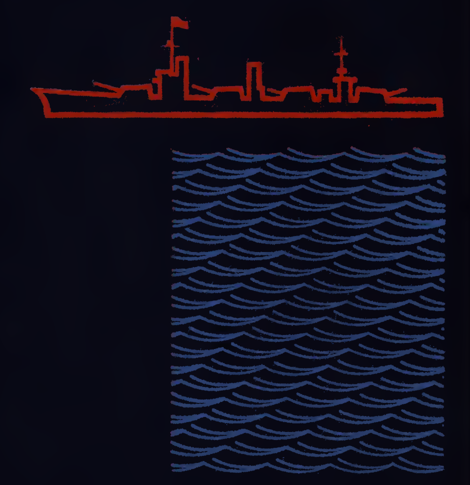
И.Т.Сирченко

ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ В.И.ЛЕНИНА...

И.Т.Сирченко

ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ В.И.ЛЕНИНА...

[ПОТОПЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА в 1918 г.]

Москва «Мысль» 1979

9(С)22
С 40

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научный редактор *А. И. Мельчин*

$С \frac{10604\text{-}015}{004(01)\text{-}79}$ 69-79. 0505000000

ВВЕДЕНИЕ

Неиссякаем общественный интерес к истории Великой Октябрьской социалистической революции, самоотверженной борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. И это не случайно. Мы располагаем многочисленным ярчайшим и непревзойденным по силе идейно-морального воздействия историческим материалом для показа великой преобразующей силы теории марксизма-ленинизма и воспитания советских людей на боевых и революционных традициях нашего народа, Коммунистической партии. Идейное наследие Октября играет огромную роль в воспитании всех трудящихся, и особенно молодого поколения, в духе коммунистического мировоззрения. «Не может быть сознательным рабочим тот,— писал В. И. Ленин,— кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения» [1].

О героической борьбе советского народа за победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата создано много работ. Однако не все стороны многогранной деятельности Коммунистической партии и ее гениального вождя В. И. Ленина в период подготовки и проведения Октябрьской революции, борьбы за Советскую власть, организации разгрома объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции получили достаточное отражение в советской исторической литературе. Так, заслуживает всестороннего научного исследования одна из самых драматических страниц истории иностранной военной интервенции и гражданской войны — борьба Коммунистической партии и Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота германскими империалистами в 1918 г. В мае — июне 1918 г. вопрос о Черноморском флоте тесно переплетался с судьбой Брестского мира, с судьбой Советской власти. «Вопрос о флоте,— говорил 16 июня 1918 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин,— в центре всей акции германской дипломатии. Все последующие, все дальнейшие переговоры, все возможные соглашения поставлены в зависимость от этого

пункта»[2]. Борьба за предотвращение захвата Черноморского флота германскими империалистами имела огромное международное, военно-политическое и социальное значение. В ней как в фокусе отразился целый этап борьбы советского народа под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным против интервенции германского империализма, внутренней контрреволюции, социал-предательских партий меньшевиков и эсеров, украинских буржуазных националистов, а также против авантюристической политики «левых коммунистов» и троцкистов. Этому острому моменту ожесточенной классовой борьбы огромное внимание уделял В. И. Ленин. Все директивы и приказы о спасении кораблей Черноморского флота от захвата Германией подписаны В. И. Лениным или отдавались по его указанию.

Изучение этого вопроса имеет не только познавательное, но и воспитательное значение. Характеризуя преемственность революционных и боевых традиций трудящихся Новороссийска, Л. И. Брежнев в речи 7 сентября 1974 г., посвященной вручению городу-герою Новороссийску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», говорил: «В суровые годы гражданской войны новороссийцы показали беззаветную верность революции. Здесь, в Цемесской бухте, в 1918 году по приказу вождя нашей революции В. И. Ленина была потоплена эскадра Черноморского флота, которую пытались захватить войска империалистической Германии»[3]. Патриотическому подвигу моряков-черноморцев посвятили вдохновенные страницы своих произведений такие выдающиеся советские писатели, как А. Н. Толстой, К. А. Федин, К. Г. Паустовский, драматург А. Е. Корнейчук.

Борьба большевистской партии за матросские массы Черноморского флота в период подготовки Октября, участие моряков-черноморцев в борьбе за установление Советской власти на юге страны, мероприятия Советского правительства по спасению Черноморского флота в связи с оккупацией германскими войсками Украины и Крыма и потопление Новороссийской эскадры в Цемесской бухте — все эти вопросы привлекали внимание советских историков и научной общественности сразу же после окончания гражданской войны.

Уже в 20-х годах были опубликованы воспоминания участников этих событий. В 1923 г. вышла в свет книга командира эсминца «Керчь» В. А. Кукеля «Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г.». В ней автор разоблачает измышления белогвардейских фальсификаторов истории Черноморского флота и на большом фактическом материале восстанавливает правду о событиях, разыгравшихся на флоте в Севастополе и Новороссийске. В 1925 г. в журнале «Пролетарская революция» № 6 была опубликована его статья «Потопление Черноморского флота в в июне 1918 г.». Эти публикации, а также записка В. А. Кукеля «Освещение событий, происшедших на Черноморском флоте при падении Севастополя и «Новороссийской трагедии» 1918 г.» [4] представляют большой интерес, так как в них подробно освещаются обстоятельства потопления флота в Новороссийской бухте.

Об острой политической борьбе среди личного состава Черноморского флота во время его пребывания в Новороссийске и о напряженной борьбе коммунистов и руководимых ими революционно настроенных моряков за выполнение приказа В. И. Ленина о потоплении флота рассказывает в своих воспоминаниях «Потопление Черноморского флота в 1918 г.» председатель судового комитета эсминца «Лейтенант Шестаков» моряк коммунист С. М. Лепетенко [5]. Статья С. М. Лепетенко представляет несомненный интерес для исследователей, но ввиду краткости изложения и мемуарного характера в ней не дается исчерпывающей характеристики этого чрезвычайно сложного вопроса. Такой же характер носят и статьи В. Лукина «Уничтожение части судов в Новороссийской бухте в июне 1918 г.» [6] и «Черное море в руках Германии» [7].

Первой значительной работой о Черноморском флоте в период подготовки Октябрьской революции и упрочения Советской власти явилась книга В. К. Жукова «Черноморский флот в революции 1917—1918 гг.», вышедшая в свет в 1931 г. На большом фактическом материале автор показывает рост революционных настроений среди личного состава Черноморского флота накануне Октября, участие моряков-черноморцев в борьбе за Советскую власть в Крыму, на Украине и на Дону, а также усилия Советского правительства по

спасению флота от захвата Германией. Будучи непосредственным свидетелем и участником описываемых событий, автор приводит большое количество документов и материалов, часть из которых в последующем была утрачена. Так, до сего времени в архивах не найдены дела № 81 и 82 Морского генерального штаба, документы из которых мы находим в книге В. К. Жукова. В 1932 г. эта работа была переиздана, причем во второе издание автор включил значительное количество новых документов. Книга написана простым и ярким языком. Правда, встречаются отдельные неточности в освещении и оценке ряда событий и их участников, но это ни в коей мере не снижает ценности труда В. К. Жукова, к которому приходится обращаться каждому исследователю этого периода в истории Черноморского флота.

Как видим, все вышеуказанные работы принадлежат перу активных участников событий и поэтому представляют бесспорный интерес для исследователей. Однако воспоминания В. А. Кукеля, С. М. Лепетенко и В. Лукина не носят научно-исследовательского характера, в них почти отсутствует анализ военно-политической обстановки того времени. Не свободна от недостатков и работа В. К. Жукова, главными из которых являются поверхностный анализ классового состава противостоящих сил и слабый показ руководящей и организующей роли Коммунистической партии.

Историко-партийный отдел Крымского обкома ВКП(б) выпустил в 1922—1932 гг. десять сборников «Революция в Крыму», куда вошли статьи активных участников революции и гражданской войны в Крыму и на Черноморском флоте, а также документы по истории Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны. Большой интерес представляют статьи активного участника революционного движения в Крыму и на Черноморском флоте Ю. П. Гавена (Ян Дауман), посланного Центральным Комитетом партии в октябре 1917 г. в Севастополь для укрепления большевистской организации. Ю. П. Гавен дает правдивое освещение событий того времени в Крыму и на Черноморском флоте, показывает острую борьбу большевиков за рабочих, солдат и матросов, находившихся

в плену мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров.

События, развернувшиеся на Черноморском флоте в 1917 — первой половине 1918 г., нашли некоторое отражение в трудах историков Великой Октябрьской социалистической революции и начального периода гражданской войны в Крыму и на Северном Кавказе, опубликованных в 20-х и 30-х годах. О пребывании основных боевых сил флота в Новороссийске и его затоплении упоминается в работах Н. Л. Янчевского «Гражданская борьба на Северном Кавказе», т. II (Ростов-на-Дону, 1927), И. Борисенко «Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г.», т. I (Ростов-на-Дону, 1930), и некоторых других. Однако в этих работах судьбе Черноморского флота отводится всего лишь несколько страниц, причем в ряде случаев события освещаются неверно.

Из историков гражданской войны на Северном Кавказе тему борьбы Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота Германией частично осветил И. Разгон в книге «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1918 гг.» (М., 1941). Однако исследование И. Разгона не лишено элементов субъективизма в оценке деятельности отдельных руководителей партийных и советских органов и фактических ошибок. Так, вслед за В. К. Жуковым Разгон допускает неточность в определении численности военных моряков, прибывших из Севастополя в Новороссийск. Согласно И. Разгону, личный состав Новороссийской эскадры достигал 5 тыс. человек[8]; в действительности же на всех судах было около 3500 моряков[9].

Огромное значение для исследования избранной нами темы имеют ленинские документы и материалы, обнаруженные и опубликованные в последние годы. В их числе шифрованная радиограмма от 13 июня 1918 г. за подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова, содержащая категорическое требование о немедленном уничтожении базировавшихся в Новороссийске судов. Радиограмма была найдена и расшифрована только в октябре 1959 г. и впервые опубликована в 1960 г. в журнале «Исторический архив». Большой интерес представляют резолюции, письма, записки, разговоры по прямому проводу В. И. Ленина о Черно-

морском флоте, впервые включенные в Полное собрание его сочинений, а также в Ленинские сборники XXXVI и XXXVII. Борьба В. И. Ленина за предотвращение захвата Черноморского флота кайзеровской Германией ярко показана в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, впервые опубликованных в 1964 г. в «Военно-историческом журнале».

Наиболее полно ленинские материалы по данной теме приводятся в 5-м томе биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» (М., 1974). Ряд важных документов и материалов за подписью В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, Г. В. Чичерина по исследуемой проблеме содержится в сборниках: «Документы внешней политики СССР», т. I (М., 1957), «Декреты Советской власти», т. I и II (М., 1957), «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. I—III (М., 1957, 1967), «Борьба за власть Советов в Крыму», т. I—II (Симферополь, 1957, 1961), «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине» (Киев, 1963).

В сборниках документов «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями» большой интерес представляет переписка с руководителями Таврической губернской и Севастопольской городской большевистских организаций. Письма Секретариата ЦК РСДРП(б) показывают, какое огромное значение партия придавала большевизации личного состава Черноморского флота. Для характеристики внутрипартийной борьбы на Черноморском флоте в период подготовки и проведения Октября важное значение имеют письма Н. И. Островской, посланной в июле 1917 г. ЦК РСДРП(б) в Севастополь для укрепления руководства большевистской организацией.

Следует отметить издание в 1963 г. Институтом истории Академии наук Украинской ССР и Центральным государственным архивом Военно-Морского Флота сборника «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», куда вошли главным образом документы и материалы об участии моряков Черноморского флота в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг. Многие документы публикуются впервые. Сборник снабжен обширными и интересными комментариями и примечаниями, которые зачастую имеют самостоятельное научное значение. К сожалению, сборник лишь отчасти

восполняет пробел в публикации документов и материалов о Черноморском флоте в период Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны. Многие интересные документы, хранящиеся в ЦГА ВМФ и в других центральных и местных архивах, в него не вошли.

Борьба Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота Германией освещена в 3-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1957). Однако при изложении материала о потоплении Черноморского флота допущено несколько ошибок. Так, на с. 140 говорится: «На рассвете 19 июня вблизи Туапсе был потоплен и эсминец «Керчь»... На следующий день в Новороссийск прибыли в сопровождении двух миноносцев немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау», действовавшие в составе турецкого флота, но ушли ни с чем: Новороссийский порт и рейд были пусты». Во-первых, германо-турецкая эскадра прибыла в Новороссийск не 20 июня 1918 г., а 28 июня 1918 г.[10] Во-вторых, легкий крейсер «Бреслау» не мог входить в состав немецкой эскадры, так как он еще в январе 1918 г. подорвался на английских минах у острова Имброс[11]. В-третьих, целью прибытия в Новороссийск германо-турецкой эскадры был не захват советского Черноморского флота, так как вечером 18 июня, когда оставшиеся в Новороссийске военные корабли были уже затоплены, над городом появился немецкий гидроплан, который сделал несколько кругов над портом, обнаружил пустой рейд и улетел. Летчики доложили германскому командованию о потоплении Черноморского флота[12]. В-четвертых, нельзя сказать, что германо-турецкая эскадра ушла «ни с чем»: немцам удалось увести почти все транспортные и торговые пароходы, находившиеся в Новороссийске[13].

Исследуемая проблема получила освещение в ряде статей сборника «Борьба большевиков за власть Советов в Крыму» (Симферополь, 1957), написанных на основе большого фактического материала с привлечением документов из местных и центральных архивов и воспоминаний активных участников событий. Однако в некоторых статьях упрощенно показывается борьба большевиков за массы, имеет место ошибочное толкование вопросов об эвакуации и потоплении флота.

Событиям на Черноморском флоте в 1917 — первой половине 1918 г. уделил значительное внимание П. Н. Надинский во второй части «Очерков по истории Крыма» (Симферополь, 1957). В работе использованы архивные документы, газеты тех лет, воспоминания участников революционных событий, но вместе с тем ряд исторических фактов нуждается в уточнении. Так, требует пересмотра односторонняя оценка П. Н. Надинским событий 23—25 февраля 1918 г. в Севастополе. Автор очерков пытается полностью оправдать стихийное выступление моряков в эти дни, приведшее к массовым грабежам, арестам и расстрелам. «Взрыв возмущения матросской массы,— пишет П. Н. Надинский,— вылился в массовый террор, который имел целью защиту революции от посягательств ее врагов...» [14] Иную оценку этим событиям мы находим в выступлениях Главного комиссара Черноморского флота В. В. Роменца, руководителей Севастопольского Совета и Областного военно-революционного комитета Н. А. Пожарова, Ю. П. Гавена, О. Х. Алексакиса и других на II Общечерноморском съезде, который проходил с 17 февраля по 2 марта 1918 г. и уделил большое внимание этому вопросу. В принятой резолюции съезд постановил: «Заклеймить самым энергичным образом позорные выступления, бывшие в Севастополе в течение трех кошмарных ночей» [15]. Борьбе Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота Германией П. Н. Надинский уделил всего четыре страницы, причем при характеристике обстоятельств эвакуации флота и определении количества кораблей, ушедших в Новороссийск, возвратившихся в Севастополь и затопленных в Цемесской бухте, допущены серьезные фактические ошибки.

В работе Г. И. Семина «Севастополь» (М., 1955) и в коллективном труде «История города-героя Севастополя. 1917—1957» (Киев, 1958) субъективистски ошибочно показана роль большевистских руководителей Севастополя и Крыма Н. И. Островской и Ю. П. Гавена. Так, в «Истории города-героя Севастополя» говорится: «Большой вред борьбе за пролетарскую революцию нанесла неправильная директива председателя Севастопольской организации большевиков Н. Островской, прибывшей в Севастополь в середине августа

1917 г.»[16]. Имеется в виду выступление Н. И. Островской против огульного приема в партию, о чем она сообщала ЦК РСДРП(б) в письме от 9 сентября 1917 г. Деятельность Н. И. Островской в Севастополе получила высокую оценку в письме Секретариата ЦК РСДРП(б) от 19 сентября 1917 г.: «Результаты Вашей работы, конечно, могут только приветствоваться, ибо ничего, кроме полного одобрения, не могут заслужить»[17]. Роль другого посланца Центрального Комитета партии — Ю. П. Гавена освещается также неверно. «Трудности в работе большевиков,— пишут авторы книги,— увеличились еще в связи с тем, что приехавший осенью в Севастополь вместе с Пожаровым Ю. Гавен допустил в своей деятельности крупные политические ошибки, группируя вокруг себя неустойчивые и оппозиционные элементы»[18]. Изученные архивные документы не подтверждают этого обвинения. Ю. П. Гавен полностью оправдал аттестацию секретаря ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасовой, данную ему в письме Н. И. Островской от 27 октября 1917 г.: «...Гавен... несомненно, может провести любую кампанию и быть ответственным работником на любом посту...» Коммунисты Н. К. Сапронов, В. С. Чистяков и другие деятели революции в Крыму писали в своих воспоминаниях: «Работая в Севастопольском комитете партии, возглавляя Севастопольский военно-революционный комитет, Ю. П. Гавен твердо и последовательно проводил в жизнь линию большевистской партии, беззаветно боролся за установление и упрочение Советской власти в Крыму»[19]. Исходя из неправильной оценки деятельности Н. И. Островской и Ю. П. Гавена, авторы книги пытаются бездоказательно противопоставить им большевика балтийца Н. А. Пожарова, посланного вместе с Ю. П. Гавеном в Севастополь. В действительности все три посланца ЦК РСДРП(б) сплоченно боролись за превращение Черноморского флота в могучую военную силу революции на юге страны. Вопросу об эвакуации Черноморского флота из Севастополя и о потоплении его в Новороссийске в «Истории города-героя Севастополя» отводится только три страницы, события освещаются схематично, с фактическими неточностями.

В 1962 г. вышла в свет монография Р. Н. Мордвинова «Курсом «Авроры»», в которой довольно подробно

освещаются процесс формирования Советского Военно-Морского Флота и его боевые действия по защите завоеваний Октября в период с ноября 1917 по март 1919 г., и в частности события на Черноморском флоте в первой половине 1918 г. Работа Р. Н. Мордвинова в значительной мере устраняет отмеченные в ранее изданной литературе недостатки в освещении ряда вопросов исследуемой нами темы, но, к сожалению, не полностью. Так, в разделе «Эвакуация Черноморского флота в Новороссийск и его затопление» в односторонне отрицательном плане показана роль главного комиссара флота Н. П. Авилова-Глебова и уполномоченного Совнаркома РСФСР И. И. Вахрамеева в претворении в жизнь приказа В. И. Ленина о затоплении Черноморского флота. Не точно характеризует Р. Н. Мордвинов и позицию органов Советской власти и жителей Новороссийска накануне потопления флота. «Новороссийские городские власти,— пишет он,— стремились оказывать на флот всякое давление. Так, например, 17 июня по их призыву в городе состоялась демонстрация под лозунгами, призывавшими моряков не топить корабли, а оборонять ими город. На корабли были посланы делегации от рабочих с такими же призывами» [20]. В действительности дело обстояло значительно сложнее. До 17 июня 1918 г. Новороссийский Совет выступал против потопления флота, но митинги и демонстрации, проходившие в городе 17 июня, имели своей целью воспрепятствовать уводу А. И. Тихменевым кораблей в Севастополь. Несмотря на отмеченные недостатки, Р. Н. Мордвинов наиболее полно исследует вопрос о борьбе Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота Германией.

Из исторической и мемуарной литературы, вышедшей в свет к 50-летию Советской власти и в той или иной мере освещающей тему, необходимо отметить коллективные труды «Боевой путь Советского Военно-Морского Флота» (М., 1967), «Черноморский флот» (М., 1967), мемуары С. Н. Баранова «Ветер с Балтики» (М., 1967), книгу В. Е. Баранченко «Гавен» в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1967), а также работу Г. Семина и А. Никитиной «Посланцы Ленина» (Симферополь, 1967). Но, к сожалению, эти работы мало углубили изучение вопроса о судьбе Черноморского флота в первой половине 1918 г.

События на Черноморском флоте в исследуемый период нашли частичное отражение в переводных работах Э. Людендорфа «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.», т. 2 (1924), М. Гофмана «Записки и дневники. 1914—1918» (1929), О. Чернина «В дни мировой войны. Воспоминания бывшего министра иностранных дел» (1923), Г. Лорея «Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг.» (1934, 1938). Наибольший интерес с точки зрения избранной нами темы представляет книга Г. Лорея, которая содержит фактический материал для характеристики положения в странах германского блока.

Таким образом, обзор литературы по исследуемой проблеме дает возможность сделать вывод, что история борьбы Коммунистической партии и Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота Германией в 1918 г. в советской исторической литературе изучена еще недостаточно. Задача советских исследователей — разоблачить фальсификаторов истории, правдиво показать самоотверженную борьбу советского народа под руководством Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина за победу диктатуры пролетариата над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции.

Руководящими методологическими источниками для написания монографии автору служили произведения В. И. Ленина и решения Коммунистической партии и Советского правительства, в которых дается ключ к правильному и глубокому пониманию всего многообразного комплекса грандиозных событий Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны. Основатель и вождь Коммунистической партии В. И. Ленин являлся вдохновителем и организатором победы Великой Октябрьской социалистической революции, с первых же дней существования Советского государства возглавил его оборону от внутренней и внешней контрреволюции. «Во главе партии, руководившей величайшей в истории революцией,— говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— стоял гениальный мыслитель, несгибаемый революционер — Владимир Ильич Ленин. Он был идейным вдохновителем и организатором революции... Ленин разработал важнейшие

теоретические и практические проблемы строительства социализма и коммунизма»[21]. Все, что было сказано или написано В. И. Лениным в этот период, имеет исключительное значение в качестве первостепенного источника. Ленин придавал огромное значение работе партии среди военных моряков, созданию и укреплению Военно-Морского Флота Советской республики, спасению Балтийского и Черноморского флотов от захвата кайзеровской Германией. По указанию В. И. Ленина вопросом о спасении Черноморского флота занимались Я. М. Свердлов, Г. К. Орджоникидзе, Г. В. Чичерин, И. В. Сталин, И. И. Вахрамеев, Н. П. Авилов-Глебов, В. М. Альтфатер, Е. А. Беренс и др.

При работе над монографией автор использовал документы и материалы восьми центральных и местных архивов. Наибольшее количество документов по исследуемой проблеме было найдено в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. К сожалению, период пребывания флота в Новороссийске в мае—июне 1918 г. представлен довольно бедно: часть документов до сих пор не расшифрована (ф. 342, оп. 1, д. 204), многие материалы вообще утрачены в связи с затоплением кораблей. Чтобы восполнить недостаток архивных документов, автору пришлось при освещении этого периода привлекать воспоминания активных участников и очевидцев событий. Помимо ЦГА ВМФ автор работал в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и в Центральном государственном архиве Советской Армии. Кроме того, изучены документы Партийного и Государственного архивов Краснодарского края. В монографии использованы отдельные документы из Центрального государственного архива Абхазской АССР, филиала Государственного архива Краснодарского края в г. Новороссийске и периодическая печать того времени. Автором изучены также рукописные фонды Центрального военно-морского музея, и в частности воспоминания И. И. Вахрамеева, В. Ф. Гридина, И. К. Парсаданова, рукописные фонды Новосибирского историко-краеведческого музея, где хранятся воспоминания

В. В. Роменца, Н. Г. Бойко, Н. Д. Гамова, М. Ф. Долгова, С. Г. Островерхова, Г. Н. Плотникова.

Большое значение при подготовке монографии имели беседы автора с непосредственными участниками описываемых событий Б. М. Подвысоцким, В. Ф. Гридиным, Н. Д. Гамовым, Ф. М. Карнау-Грушевским, И. В. Вотяковым и др. За присланные письма, воспоминания, советы и указания автор выражает всем этим товарищам свою искреннюю благодарность.

Автор монографии поставил своей задачей:

во-первых, показать политическую обстановку на Черноморском флоте в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, многогранную деятельность Коммунистической партии по завоеванию матросских масс под знамя большевизма и активное участие моряков-черноморцев в борьбе за установление Советской власти на юге страны;

во-вторых, исследовать сложные условия, в которых оказался Черноморский флот после оккупации Украины германскими войсками, и показать упорную борьбу Советской республики за предотвращение захвата флота Германией в Севастополе;

в-третьих, раскрыть международные и военно-политические обстоятельства, принудившие Советское правительство пойти на уничтожение основных боевых сил Черноморского флота в Новороссийске.

Глава I. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. Большевистская партия в борьбе за массы матросов Черноморского флота в период подготовки Октября

Февральская буржуазно-демократическая революция, совершенная рабочими и крестьянами, увенчала победой многолетнюю самоотверженную борьбу передовых сил народов России, смела царское самодержавие и вывела страну на путь свободы.

После февральской победы развитие революции в стране пошло с невероятной быстротой. «Русская революция дала то,— говорил В. И. Ленин,— чем она резко отличается от революций в Западной Европе. Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие...» [1] Февральская революция обеспечила народным массам России — одного из самых деспотических государств мира — политическую свободу в рамках буржуазной демократии и создала предпосылки для перехода к новому, социалистическому этапу революции.

В ходе Февральской революции российский пролетариат, опираясь на опыт революции 1905—1907 гг., создал Советы рабочих и солдатских депутатов — органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но одновременно с Советами начали формироваться и органы власти буржуазии. Таким образом, в стране образовалось двоевластие — Временное правительство буржуазии и помещиков и Совет рабочих и солдатских депутатов. Получилось своеобразное переплетение двух диктатур — диктатуры буржуазии и революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. В двоевластии состояла главная особенность Февральской революции,

которая определила условия и характер борьбы за победу социалистической революции.

В результате Февральской революции были завоеваны широкие политические свободы, многомиллионная мелкобуржуазная масса потянулась к политике, но не могла сразу разобраться в сложной политической обстановке, в целях и лозунгах всех действовавших тогда политических партий. «Гигантская мелкобуржуазная волна,— писал В. И. Ленин,— захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» [2].

На гребне мелкобуржуазной волны поднялись к руководству революционными организациями мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. По причине политической наивности, недостаточной сознательности и организованности трудящиеся массы поддались демагогической пропаганде этих соглашательских партий, так как верили, что они способны выполнить революционные требования о прекращении войны, разделе помещичьей земли, об установлении 8-часового рабочего дня. Эсеры и меньшевики получили большинство в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в армейских и судовых комитетах. К соглашателям примыкали другие мелкобуржуазные партии — трудовики, народные социалисты, бундовцы.

Выйдя после Февральской революции из подполья, большевистская партия развернула кипучую деятельность по собиранию, организации и сплочению своих сил. Уже в конце апреля 1917 г. численность партии превышала 100 тыс. членов [3]. Партия руководила созданием и укреплением Советов, армейских и судовых комитетов, усиливала влияние в них большевиков. По призыву большевиков по всей стране восстанавливались ранее существовавшие и создавались новые профессиональные союзы. Партия развернула в массовых организациях огромную работу по политическому просвещению и революционному воспитанию трудящихся, разоблачала буржуазный характер Временного правительства, соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, боролась за углубление и развитие революции.

Преодолев огромные трудности, 3 апреля 1917 г. в Петроград возвратился из эмиграции основатель и вождь большевистской партии В. И. Ленин. В Апрельских тезисах и работах, дополняющих, разъясняющих и развивающих их, Ленин дал исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные русской революцией. Он научно охарактеризовал своеобразие переживаемого Россией момента как переход от демократического к социалистическому этапу революции и четко определил общественные силы, которые призваны его совершить,— пролетариат и беднейшее крестьянство.

* * *

В борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революции наряду с рабочими и солдатами важную роль играли моряки Военно-Морского Флота.

Известно, что царский флот был тесно связан с крупной промышленностью и рабочими центрами страны. Во время строительства военных судов, их стоянок, ремонта военные моряки общались с рабочими. Сознательные пролетарии вовлекали матросов в революционную работу, знакомили с опытом классовой борьбы. Объективные потребности флота в технически грамотных новобранцах вынуждали царское правительство призывать во флот рабочую молодежь, знакомую с техникой, что способствовало росту пролетарской прослойки во флоте. Многие выходцы из фабрично-заводских рабочих были не только самыми активными участниками, но и руководителями матросских восстаний. Поэтому царское правительство после революции 1905—1907 гг. неоднократно пыталось изменить систему комплектования флота, однако отказаться от набора во флот рабочей молодежи оно не могло [4]. Политическое бесправие, жестокая палочная дисциплина, произвол офицеров, выходцев из дворянства и крупной буржуазии, презиравших «нижних чинов», порождали у матросов царского флота жгучую ненависть к классовым врагам.

Наличие во флоте значительной пролетарской прослойки, общение матросов с рабочими судоремонтных заводов и портовых городов, сам уклад флотской жизни способствовали пробуждению политического соз-

нания матросов, создавали благоприятные объективные условия для формирования на флоте военных большевистских организаций. Революционная пропаганда большевистской партии находила среди матросов живой отклик и поддержку. У военных моряков сложились замечательные революционные традиции.

Наиболее сильным флотом России был Балтийский. Здесь действовала крепкая большевистская организация, которая работала под руководством Петербургского и Центрального комитетов РСДРП(б). Моряки Балтийского флота были одной из самых надежных военных сил большевистской партии в дни Октябрьской революции, в борьбе за власть Советов.

Вторым по военной мощи в России был Черноморский флот. К октябрю 1917 г. за ним числились 2 новых линейных корабля, 7 старых линейных кораблей, 3 крейсера, 23 эскадренных миноносца, 4 миноносца, 15 подводных лодок, 3 канонерских лодки, 14 минных и сетевых заградителей, 3 авиатранспорта (гидрокрейсера), 18 быстроходных сторожевых катеров (охотников за подводными лодками), 21 посыльное судно (сторожевые корабли) и 64 тральщика. В состав Черноморского флота входила также транспортная флотилия. Она насчитывала около 100 судов, осуществлявших грузовые перевозки на Черном и Азовском морях. Часть транспортов имела артиллерийское вооружение для борьбы с подводными лодками. В состав Черноморского флота входили несколько отрядов гидроавиации, береговые батареи и морская дивизия, оборонявшая устье Дуная. На судостроительных заводах Николаева в 1917 г. для Черноморского флота строились 1 линейный корабль, 4 легких крейсера, 4 эскадренных миноносца, несколько подводных лодок и тральщиков типа «Эльпидифор» [5].

В начале 1917 г. личный состав Черноморского флота насчитывал 47 735 матросов и 27 787 солдат сухопутных частей, всего 75 522 матроса и солдата [6].

Основные боевые силы Черноморского флота базировались в Севастополе. Только небольшие отряды мелких боевых и вспомогательных кораблей находились в Одессе, Сулине, Новороссийске, Батуме, Керчи, Ризе и Трапезунде. «Черноморский флот,— писал капитан I ранга В. С. Шломин,— обладавший большой подвижностью и маневренностью, мощным артилле-

рийским вооружением, большими транспортными возможностями, представлял собой значительную военную силу. Это позволяло ему решать не только специфические задачи на море, но и оказывать большое влияние на обстановку в прибрежных районах действиями артиллерии и авиации, высадкой десантов. Флот мог выделить отряды моряков для посылки в отдаленные от моря районы страны, а также использовать речные театры для действий своих кораблей и гидроавиации» [7].

В февральские дни внутренняя обстановка на Черноморском флоте оказалась более сложной и противоречивой, чем на Балтийском. Черноморский флот прошел те же этапы революционного развития, что и вся страна, но процесс большевизации матросских масс здесь проходил более медленно, чем на Балтийском флоте, и не был полностью завершен к октябрю 1917 г. Особенности развития революционного движения в Черноморском флоте в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции определялись историческими, социальными и национальными факторами.

В годы первой русской революции моряки Черноморского флота шли в авангарде борьбы против царского самодержавия. Броненосец «Потемкин» в июне 1905 г. первым поднял знамя восстания. Одиннадцать дней гордо реял красный флаг над революционным кораблем. В. И. Ленин дал высокую оценку этому первому переходу крупной военной части на сторону революции. «...Броненосец «Потемкин»,— писал В. И. Ленин,— остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования *ядра революционной армии»* [8].

В ноябре 1905 г. в Севастополе вспыхнуло восстание моряков Черноморского флота, поддержанное солдатами гарнизона, рабочими порта и железнодорожниками. 12 ноября образовался Совет матросских, солдатских и рабочих депутатов, в котором руководящее влияние имела социал-демократическая военная организация. Через Совет восставшие выдвинули политические требования. Военное руководство восстанием возглавил революционный демократ лейтенант П. П. Шмидт. 15 ноября он поднял красный флаг на

крейсере «Очаков» и объявил себя командующим флотом. 14 судов Черноморской эскадры, в том числе броненосец «Св. Пантелеймон» (бывший «Потемкин»), примкнули к мятежному крейсеру [9].

Несмотря на то что восстания моряков на Черноморском флоте потерпели поражение, царское самодержавие было смертельно напугано ими и пыталось в корне уничтожить революционный дух на флоте. Царское правительство обрушило на Черноморский флот жестокие репрессии. Активные участники восстаний были расстреляны, революционные организации разгромлены. Однако полностью «очистить» флот от революционных элементов не удалось. Славные революционные традиции «Потемкина» и «Очакова» жили в сознании черноморцев. Весной 1912 г. моряки Черноморского флота решили поднять восстание вместе с балтийцами, но по доносу провокатора была раскрыта революционная организация на линкоре «Иоанн Златоуст». В октябре состоялся суд над революционными матросами: 10 человек были казнены, 106 приговорены к каторжным работам [10]. Полицейскому разгрому подверглись все революционные организации флота.

В 1916 г. царским властям удалось нанести новый удар по революционным силам Черноморского флота. Репрессии обрушились прежде всего на большевиков, как самых решительных борцов против самодержавия и империалистической войны. Меньшевики же и эсеры, стоявшие на позициях оборончества, в основном остались на свободе, сохранили свои кадры. Перед Февральской революцией на Черноморском флоте и в Севастополе не было оформленной большевистской организации, существовали лишь разрозненные группы большевиков, которые вели подпольную работу, что, безусловно, отрицательно сказывалось на уровне политического сознания и организованности матросских масс и ослабляло революционное движение во флоте.

Под давлением революционных выступлений во флоте царское правительство вопреки интересам укрепления флота еще в 1906—1907 гг. пошло на изменение социального состава матросов в сторону уменьшения пролетарской прослойки. Черноморский флот стал комплектоваться в значительной части из зажиточных и кулацких слоев крестьянства богатых губерний

юга Украины: Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Харьковской, Николаевской, Херсонской. К началу первой мировой империалистической войны процент матросов из рабочих на Черноморском флоте значительно уменьшился. Об этом, в частности, свидетельствует тревожная телеграмма начальника штаба Черноморского флота Морскому генеральному штабу о необходимости «повышения процента грамотности для призываемых во флот новобранцев», так как «незначительный процент грамотности вынуждает к посылке в школы людей малоразвитых и не дает возможности производить ускоренные выпуски без ущерба для дела» [11].

Во время войны флот пополнялся за счет призванных из запаса, среди которых было значительное количество рабочих. Однако перед Февралем в классовом составе матросских масс Черноморского и Балтийского флотов наблюдались некоторые особенности. Так, если фабрично-заводские рабочие в Балтийском флоте составляли 30,80%, то в Черноморском — 23,77%; выходцы из крестьян в Балтийском флоте — 24,88%, в Черноморском — 34,72%, причем доля зажиточных крестьян и кулаков в Черноморском флоте была значительно большей, чем в Балтийском [12].

Одним из факторов, оказавших влияние на развитие революционного движения в Балтийском и Черноморском флотах в период подготовки Октябрьской революции и борьбы за установление диктатуры пролетариата, был национальный состав матросских масс. Д. А. Гаркавенко приводит следующие примерные данные: среди балтийцев было около 73% русских, 15% украинцев, 7% белорусов и 5% других национальностей; в Черноморском флоте — около 65% украинцев, 28% русских и несколько менее 7% других национальностей. Нельзя не согласиться с утверждением Д. А. Гаркавенко о том, что «наличие большого количества матросов-украинцев при слабости интернациональной большевистской организации позволило украинским буржуазным националистам отравить сознание части матросов Черноморского флота ядом буржуазного национализма, внести раскол в матросскую среду и в известной мере затормозить их революционное движение» [13].

Революционная деятельность на Черноморском

флоте еще более осложнилась после назначения в 1916 г. командующим флотом махрового монархиста вице-адмирала А. В. Колчака. С первых же дней он начал проводить политику «кнута и пряника». С одной стороны, Колчак усилил политический сыск. Офицерам было вменено в обязанность тщательно следить за поведением и настроением каждого матроса и солдата. Всех «политически неблагонадежных» Колчак отправлял на фронт, в отдаленные гарнизоны, на береговые посты, а также на другие флоты и флотилии. Только в 1916 г. он выслал с флота свыше 1 тыс. матросов, из них не менее 600 «смутьянов». К концу 1916 г. морская тюрьма в Севастополе и другие места заключения были переполнены [14]. С другой стороны, Колчак всячески старался войти в доверие к матросам, с помощью наиболее отсталых элементов пытался разрядить назревавшие революционные настроения.

Личный состав Черноморского флота не испытывал сильного революционизирующего влияния пролетариата, какое оказывали рабочие Петрограда, Кронштадта, Риги и Ревеля на моряков Балтики. Его основная база — Севастополь — была закрытой военно-морской крепостью, не имела крупных промышленных предприятий, многочисленного рабочего класса. К тому же в начале войны власти арестовали или мобилизовали в армию многих рабочих Севастополя, участвовавших в революционной деятельности. В связи с увеличением объема судоремонтных и других работ для флота на морской завод и в порт было принято много рабочих, выходцев из зажиточных и кулацких семей, укрывавшихся от мобилизации в армию и на флот.

Суда Черноморского флота вели боевые операции круглый год. Активные боевые действия, временное базирование отдельных кораблей и целых соединений в удаленных портах, таких, как Батум, Ризе, Трапезунд, Констанца, Сулина, разобщали матросов, ослабляли их связи с рабочими Севастополя, Николаева, Одессы, Херсона и других промышленных городов. Удаленность и изоляция флота от крупных пролетарских центров крайне затрудняли революционную работу среди матросских масс.

В итоге события Февральской революции на Черноморском флоте и в Севастополе развертывались относительно мирно и спокойно. После Февраля революци-

онная борьба в Черноморском флоте и Севастополе не получила такого размаха и острого политического характера, как в Балтийском флоте. До июня 1917 г. командующим Черноморским флотом оставался монархист Колчак, будущий «верховный правитель» сибирской контрреволюции. После Февральской революции буржуазия предпринимала меры к тому, чтобы оградить Черноморский флот от влияния большевистской партии. Но все усилия эсеров и меньшевиков направить моряков-черноморцев против социалистической революции и Советской власти потерпели полный провал.

Известие о начале революции в Петрограде командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак получил уже 26 февраля, когда он находился в Батуме на совещании с главнокомандующим Кавказской армии по вопросам совместных действий армии и флота. Колчак решил скрыть от народа, моряков события в Петрограде. Более того, он «немедленно послал секретное телеграфное приказание коменданту Севастопольской крепости прекратить почтовое и телеграфное сообщение Крымского полуострова с остальной Россией и передавать только телеграммы и почту, адресованные командующему флотом и его штабу» [15]. Но слухи о свершившейся революции, свержении самодержавия и образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов начали проникать в Севастополь.

Командующий флотом понял, что дальше скрывать факт победы революции не только бесполезно, но и опасно, так как инициатива могла перейти к матросам. 2 марта Колчак отдал распоряжение о восстановлении связи с Крымом и подписал приказ, в котором только намеками сообщил о событиях в Петрограде. Колчак запугивал матросов и солдат тем, что «сведения об этих событиях дойдут до неприятеля, который постарается ими воспользоваться для нанесения... неожиданного удара». Он призывал «приложить все труды и силы для достойного великой России окончания войны». Колчак приказывал всем чинам Черноморского флота и вверенным ему сухопутным войскам «продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед государем императором и родиной» [16].

Под видом возросшей угрозы Черноморскому флоту и Севастополю со стороны противника Колчак начал систематически выводить корабли в море для выпол-

нения различных боевых заданий. Так он поступил и 2 марта, отправив основные боевые силы флота в море. После возвращения судов, чтобы предотвратить революционные выступления, 5 марта командующий флотом организовал в Севастополе торжественное молебствие и парад войск гарнизона. Колчаку и реакции удалось сорвать общегородскую демонстрацию рабочих, солдат и матросов, однако массовые митинги в городе все же состоялись.

Особенно многолюдный митинг возник во второй половине дня во флотских казармах. На нем присутствовало около 10 тыс. матросов, солдат и рабочих. Несмотря на агитацию эсеров и меньшевиков за продолжение войны, поддержку Временному правительству и единение офицеров, солдат и рабочих, большевикам и революционно настроенным матросам удалось вызвать на митинг Колчака и предъявить ему революционно-демократические требования. На митинге был избран временный Военно-исполнительный комитет в составе 20 матросов и солдат. Судовые и армейские комитеты стали создаваться на кораблях, во флотском полуэкипаже, в полках, батальонах и ротах гарнизона. Вначале командование флота не признавало выборные демократические органы. Однако рост влияния этих организаций на матросские и солдатские массы заставил Колчака не только признать комитеты, но и послать в них представителей от офицеров и кондукторов.

8 марта во флоте был оформлен Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК) в составе выборных депутатов от офицеров армии и флота, солдат и матросов. В него вошли 14 офицеров и кондукторов и 15 матросов и солдат [17]. ЦВИК в подавляющем большинстве состоял из эсеров и меньшевиков, которые всячески поддерживали Временное правительство и ратовали за продолжение империалистической войны. Это был орган, на который опирался Колчак в борьбе с революционным движением во флоте.

В марте 1917 г. в Севастополе образовались Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов. Чтобы не потерять влияния на рабочих и солдат, эсеро-меньшевистские руководители ЦВИК решили объединиться с Севастопольским Советом рабочих и солдатских депутатов. 30 марта по решению

согласительной комиссии Совет и комитет объединились в одну организацию под общим названием Севастопольский Совет депутатов армии, флота и рабочих. В Совет вошли 163 депутата. Совет избрал Центральный исполнительный комитет (ЦИК). В июне 1917 г. Совет был переименован в Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов. Большинство в этом Совете принадлежало эсерам и меньшевикам. В первом составе Совета было только четыре большевика: А. И. Калич, С. Г. Сапронов, И. Л. Сюсюкалов и И. Н. Клепиков.

Классовый состав Черноморского флота обусловил сильные оборонческие настроения среди значительной части матросов и большое влияние мелкобуржуазных партий эсеров на флоте и меньшевиков в Севастополе. После свержения самодержавия эсеровская организация на флоте насчитывала всего несколько сот человек, а к концу июля 1917 г. она уже состояла из 27 тыс. членов [18]. Значительно выросла и организация меньшевиков. Объединенная социал-демократическая организация, как называли себя меньшевики, к концу июля насчитывала 4—5 тыс. членов [19]. Эсеры и меньшевики возглавляли все общественные организации на флоте и в городе.

Кроме эсеров и меньшевиков в Севастополе активно действовала партия кадетов, которая объединяла в своих рядах буржуазную интеллигенцию, домовладельцев, купцов, духовенство и высший офицерский состав. Вокруг кадетов группировались реакционные элементы, стремившиеся сохранить старые порядки, господство буржуазии. Их вождем был ярый контрреволюционер адмирал Колчак. Партия кадетов выдвинула его кандидатуру в Учредительное собрание [20].

После Февральской революции в Севастополе, на кораблях, базах и в портах Черноморского флота начали действовать различные буржуазно-националистические организации: Севастопольская украинская рада, Великорусское вече, Союз молдавских воинов, Белорусский союз, Мусульманский комитет. Летом 1917 г. в Крыму возникла татарская буржуазно-националистическая партия «Милли-фирка». Она пыталась создать свои ячейки и в Севастополе, но, поскольку татар в городе было мало, успеха не имела [21]. Наиболее активную деятельность на флоте развернула Севасто-

польская украинская рада, выдвинувшая реакционный лозунг «украинизации» Черноморского флота. Носителями националистических идей были представители буржуазии и контрреволюционное офицерство. Они, спекулируя на национальных чувствах матросов и солдат, вели националистическую пропаганду с целью разъединения и ослабления сил черноморцев в борьбе против Временного правительства, за дальнейшее углубление революции. Националистические организации пользовались широкой поддержкой соглашательских партий и всех контрреволюционных элементов, пытались не допустить победы социалистической революции.

Командующий Черноморским флотом Колчак открыто поддерживал эсеров, рассылал их агитаторов по кораблям. Эсеры не оставались в долгу. Они из кожи лезли вон, чтобы поднять авторитет командующего и создать ему широкую популярность. Этот преступный блок эсеров с Колчаком после Февральской революции сложился в борьбе с большевиками за массы как внутри Черноморского флота, так и за его пределами. Колчак прилагал все усилия, чтобы превратить Черноморский флот в оплот контрреволюции на Юге России. В мае 1917 г. командованию флотом и социал-предателям из Севастопольского Совета удалось послать от имени моряков Черноморского флота многочисленную делегацию в Петроград, на Балтийский флот, по фронтам и городам страны. Состав делегации был специально подобран. Возглавлял ее зачисленный Колчаком в личный состав флота эсер Ф. Баткин. Делегация должна была «разоблачать большевиков» и агитировать за Временное правительство и продолжение империалистической войны «до победного конца». В Балтийском флоте делегация получила должный отпор, а ее глава Баткин был разоблачен как враг революции. После позорного провала в Гельсингфорсе он не рискнул явиться в Кронштадт. Недолго продержался на Черноморском флоте и сам адмирал Колчак.

С первых дней легального существования большевики Черноморского флота развернули политическую и организаторскую работу в массах, хотя тяжелые годы революционного подполья и гонений нанесли огромный урон их организации. В сложных условиях засилья меньшевиков и эсеров революционную агитацию

на предприятиях, кораблях и в частях гарнизона вели большевики И. Н. Клепиков, А. И. Калич, И. К. Ржаников, С. Г. Сапронов, И. А. Назукин, И. Финогенов, В. А. Игнатенко, Г. Д. Булатников, А. Горячко, И. Л. Сюсюкалов, З. Прокофьев, А. Арутюнян, Зайцев, Михайлов и др. [22]

«В Севастополе в первые дни после Февральской революции,— вспоминал С. Г. Сапронов,— когда значительная масса матросов оказалась захваченной добросовестным оборончеством, открыто выступать с большевистскими речами не везде было безопасно. Буржуазия с помощью эсеров и меньшевиков раздувала в несознательной массе матросов ненависть к большевикам. Всякого, кто выступал с большевистскими речами, враги старались заклеймить кличкой «шпион», «предатель». Эта чудовищная клевета, пущенная провокаторами, стала распространяться по флоту, и бывали случаи, когда заподозренных в большевизме людей избивали до полусмерти». Поэтому депутатов-большевиков всегда сопровождали на заседания Совета вооруженные солдаты и матросы. Это было необходимо: по мере развития большевистской пропаганды усиливались угрозы и террористические действия против большевиков [23].

Большевики Севастополя, несмотря на свою малочисленность, постепенно завоевывали авторитет в массах. Их правдивая революционная агитация находила отклик и поддержку. Уже 4 апреля 1917 г. судовой комитет линкора «Три святителя» принял обращение, в котором призвал матросов, солдат и рабочих Севастополя не верить лживой пропаганде буржуазной печати, а выписывать и читать только революционные газеты, в том числе большевистскую «Правду». Возобновление издания «Правды» горячо приветствовали авиаторы Черноморского флота. «Мы, матросы воздушной станции «Бухта Нахимова» авиации Черноморского флота, в количестве 157 человек,— говорилось в их приветствии,— все, как один, шлем братский привет газете «Правда». Только ее считаем защитницей наших кровных интересов, указывающей нам верный путь к закреплению полной, нами завоеванной свободы» [24].

Большевики использовали все возможности для того, чтобы вырвать из-под влияния социал-шовини-

стов матросские массы и завоевать их на сторону революции. Когда в середине марта Колчак начал готовить флот к присяге Временному правительству, большевики флота развернули агитацию под лозунгом «Временному присягать не будем, присягать лишь постоянному». Ряд кораблей и частей гарнизона отказались от присяги. Когда пролетариат и гарнизон Петрограда выдвинули требование устранить Милюкова и Гучкова из правительства, большевики в Севастопольском Совете присоединились к нему и в свою очередь потребовали удалить из флота Колчака и его контрреволюционное окружение. Большевики активно участвовали в организации чествования героев революции 1905 г., возвратившихся во второй половине апреля 1917 г. в Севастополь. Их встреча вылилась в мощную демонстрацию протеста против буржуазии. Под давлением революционных масс эсеро-меньшевистский исполком Севастопольского Совета вынужден был организовать поиски, а затем торжественное перенесение и захоронение останков расстрелянных царскими властями моряков-революционеров в братские могилы и принять ряд решений об увековечении их памяти[25].

По свидетельству Ю. П. Гавена, во второй половине апреля 1917 г. в Севастополе и на Черноморском флоте была окончательно оформлена первая в Крыму самостоятельная большевистская организация. На собрании большевиков, состоявшемся между 15—18 апреля 1917 г., был избран комитет РСДРП(б), в состав которого вошли С. Г. Сапронов (председатель комитета), И. К. Ржаников (секретарь), И. Л. Сюсюкалов (казначей), И. Н. Клепиков, А. И. Калич и Михайлов (члены)[26]. На этом же собрании обсуждались Апрельские тезисы В. И. Ленина, наметившие курс на переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Собрание приняло решение поручить всем членам партии и сочувствующим проводить на кораблях и в частях гарнизона беседы с матросами и солдатами, разъяснять им задачи, поставленные В. И. Лениным. Большевистская организация создала свои ячейки и группы среди матросов полуэкипажа, минной и подводной бригад, солдат артиллерийского полка и рабочих мастерских военного порта.

Партийная организация большевиков Севастополя распространяла на кораблях и в воинских частях большевистские листовки и прокламации, а также газеты ЦК РСДРП(б) «Правда» и «Солдатская правда», екатеринославскую «Звезду», харьковский «Пролетарий» (орган Донецко-Криворожской областной организации большевиков), которые более или менее регулярно доставлялись в Севастополь. В мае 1917 г. Севастопольская большевистская организация установила связь с ЦК РСДРП(б) через А. И. Калича, члена Севастопольского комитета большевиков. По заданию большевистского комитета он входил в состав упоминавшейся выше черноморской делегации. В Петрограде он посетил ЦК партии и привез текст открытого письма В. И. Ленина, адресованного делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов; в нем вождь партии большевиков призывал немедленно взять землю у помещиков. Севастопольский большевистский комитет размножил это письмо в количестве 500 экземпляров и распространил среди солдат и матросов [27].

Огромное значение в деле распространения и упрочения влияния большевиков среди матросских масс и вовлечения их в борьбу за победу социалистической революции имела встреча в мае 1917 г. в Петрограде, во дворце Кшесинской, делегации минной бригады с В. И. Лениным. Кроме В. И. Ленина на встрече присутствовали А. М. Коллонтай и В. А. Антонов-Овсеенко. «Когда тов. Ленин узнал,— вспоминает член делегации В. Перевалов,— что мы посланы командами судов Черноморского флота, он сказал, когда вернетесь обратно в Черноморский флот, скажите всем военным морякам, рабочим и крестьянам, что настает время брать власть в свои руки. Пора рабочим и крестьянам самим управлять страной, пора отобрать землю, фабрики и заводы у помещиков и фабрикантов. Надо прекратить империалистическую войну, ибо она не в интересах рабочего класса. Нужно организовать власть Советов. Эти слова,— продолжает В. Перевалов,— навсегда врезались мне в память и хранятся в сердце. И с этой поры нас не смущали никакие слухи и никакие уговаривания». Возвратившись в Севастополь, В. Перевалов выступал с докладами на эсминце «Керчь» и других кораблях. Он рассказал

матросам, что именно Ленин и большевики отстаивают интересы рабочих и крестьян, выступают за передачу фабрик и заводов в руки трудового народа, ведут борьбу за прекращение империалистической бойни, что власть должна быть передана Советам. Его правдивые слова производили огромное впечатление на моряков. «Офицерство пробовало продолжать свои нападки на большевиков,— заключает Перевалов,— но успеха уже не имело» [28].

Центральный Комитет РСДРП(б), В. И. Ленин и Я. М. Свердлов внимательно следили за развитием революционных событий на юге страны, неустанно заботились о большевизации Черноморского флота. Учитывая огромные трудности, в которых приходилось работать большевикам Севастополя, ЦК партии оказывал им разностороннюю помощь. В Севастополь направлялись большевистские газеты, литература, приезжали делегации революционных балтийских моряков, пропагандисты, партийные работники. Уже в конце апреля 1917 г. в Севастополе побывала тов. Тимофеева, пропагандист ЦК РСДРП(б) (Мария Тимофеевна Рейнгольд, участница революционного движения с 1903 г., соратница Н. К. Крупской). Она выступала на нескольких собраниях, где разъясняла программу и тактику партии, Апрельские тезисы В. И. Ленина [29].

24 мая 1917 г. в Севастополь прибыла первая делегация моряков революционной Балтики. Она привезла Апрельские тезисы В. И. Ленина и революционную литературу. Члены делегации выступали на кораблях и среди солдат, на заседаниях исполкома Севастопольского Совета, митингах и собраниях рабочих. Они рассказывали о революционных событиях в Петрограде, деятельности большевистской партии и В. И. Ленина. Революционная пропаганда балтийцев имела большой успех: она была близка и понятна каждому матросу и солдату. А контрреволюционное командование флота во главе с Колчаком скрывало правду о революционных событиях в стране, изливало потоки лжи и клеветы на большевистскую партию.

Искусственно сдерживаемая в течение трех месяцев революционная энергия матросов, солдат и рабочих Севастополя под воздействием пропаганды балтийцев и большевистского комитета начала прорываться наружу. На митингах и собраниях матросы и солдаты

требовали отозвать разъезжавшую по фронтам и городам страны черноморскую эсеровскую делегацию, арестовать и разоружить контрреволюционное офицерство, ликвидировать реакционный Черноморский союз офицеров, образовавшийся в апреле 1917 г. 4 июня Колчак телеграфировал военно-морскому министру Керенскому: «Не имевшая сначала успеха агитация большевиков, прибывших в Севастополь с делегацией балтийских матросов, в течение последних дней получила сильное распространение. Большевики направили силы на Севастополь, так как им важно разрушить создавшийся здесь порядок... положение заметно ухудшается» [30]. Заручившись поддержкой Керенского, накануне побывавшего в Севастополе, Колчак решил перейти в наступление на революционных моряков флота и расправиться с ними. Он отдал приказ о выводе из строя линкоров «Три святителя», «Синоп», эсминца «Жаркий» и некоторых других боевых кораблей, экипажи которых отличались наиболее активными революционными выступлениями.

Возмущенные действиями командующего флотом, матросы начали производить обыски и разоружать офицеров. Несколько офицеров было арестовано. Созванное по инициативе большевиков 6 июня 1917 г. собрание делегатов от матросов, солдат и рабочих Севастополя после упорной борьбы с социал-предателями постановило: «Адмирал Колчак и начальник штаба капитан I ранга Смирнов, как возбудившие своими действиями матросские массы, отстраняются от занимаемых должностей» [31]. Вопрос об их аресте был передан на экстренное рассмотрение судовых и полковых комитетов. Делегатское собрание постановило немедленно отобрать у офицеров холодное и огнестрельное оружие. 10-тысячный митинг матросов единодушно одобрил эти решения. Эсеро-меньшевистский исполком Севастопольского Совета, чтобы не потерять влияния на массы, вынужден был принять постановление о сдаче офицерами оружия в судовые комитеты и потребовал от командования флотом отменить приказ о разоружении кораблей. Колчак дал согласие на разоружение офицеров лишь после того, как ему доложили, что нет «никакого способа избежать кровопролития». Сам Колчак отказался сдать свой кортик и в злобе выбросил его за борт.

Реальная угроза дальнейшего обострения политического положения на Черноморском флоте вынудила Временное правительство 8 июня отозвать Колчака. В тот же день при содействии американской военно-морской миссии он бежал из Севастополя. В командование флотом временно вступил контр-адмирал В. Лукин. Для контроля над деятельностью командования флотом из матросов была создана «комиссия десяти» под председательством Никитина [32].

Изгнание из Черноморского флота контрреволюционера Колчака было событием большого политического значения. Авторитет местных руководителей эсеров и меньшевиков, скомпрометировавших себя поддержкой Колчака, сильно пошатнулся, что способствовало ускорению большевизации личного состава флота. Влияние большевиков на флоте начало быстро расти. Если к середине мая большевистская организация Севастополя и флота имела 25 членов, то через месяц в ее рядах уже насчитывалось 50 членов и 100 сочувствующих. Большевики шаг за шагом отвоевывали матросские массы у эсеро-меньшевистских соглашателей. После июньских выборов в состав Севастопольского Совета вошли 12 большевиков.

Несмотря на усиление влияния и рост числа членов, большевистская организация флота и Севастополя продолжала работать в исключительно трудных условиях. Во всех местных органах власти меньшевики и эсеры использовали численное превосходство своих фракций. Чтобы поднять их авторитет и не допустить нового взрыва революционного движения, в Севастополь были направлены видные эсеро-меньшевистские лидеры: сенатор Зарудный, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, Алексинский, Бунаков-Фундаминский, Борисов и др. Буржуазное Временное правительство, напуганное июньскими событиями, назначило на Черноморский флот генерального комиссара с диктаторскими полномочиями. Вначале эту должность занимал меньшевик Борисов, а затем эсер Бунаков-Фундаминский. Борисов стал его помощником. Социал-предатели вели широкую печатную пропаганду. Эсеры издавали газету «Свободный Юг», а меньшевики — газету «Прибой». Большевики же не имели своего печатного органа: типографии города отказывались печатать их листовки и литерату-

ру. Поэтому им приходилось вести главным образом устную агитацию и пропаганду. Большевистских агитаторов нередко лишали слова на митингах и собраниях, не пускали на корабли; имели место попытки физической расправы. За революционное выступление был сброшен в море и едва не погиб большевик И. Финогенов[33]. Одурманенные соглашателями, моряки избили матроса большевика Михайлова и несколько других агитаторов. Были попытки расправиться с членом большевистского комитета популярным оратором А. И. Каличем.

После июльских событий в Петрограде деятельность большевиков Севастополя еще более осложнилась. По всей стране прокатилась неистовая кампания клеветы, травли и террора, направленная против большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Контрреволюционная волна докатилась и до Севастополя. Вдохновляемая эсерами и меньшевиками, перешла в наступление на большевиков и севастопольская буржуазия. 10 июля 1917 г. толпа, возглавляемая социал-предателями, разгромила помещение городского комитета большевистской партии, арестовала часть членов комитета, некоторых избила[34]. Начались аресты революционных матросов. Большевистский комитет перешел на полулегальное положение.

Несмотря на преследования, большевики Севастополя продолжали свою революционную деятельность. 13 июля 1917 г. городской комитет РСДРП(б) обратился с письмом в исполнительный комитет Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов с требованием обеспечить неприкосновенность фракции большевиков. В ответ на это исполком Совета постановил опубликовать воззвание с призывом ко всем гражданам Севастополя о недопущении «всяких насилий», так как это нарушает «неприкосновенность личности». Сам факт, что в период разгула контрреволюции большевики Севастополя и флота смогли сохранить свою фракцию в Совете, был крупной победой, знаменовавшей рост влияния большевиков в массах.

О росте революционных настроений в Черноморском флоте свидетельствовал гневный протест большевистски настроенных матросов и солдат против введения Временным правительством 12 июля 1917 г. смертной казни на фронте. Команды эсминцев «Ка-

питан Сакен» и «Керчь» писали в своей резолюции: «Глубоко возмущены введением в рядах революционных войск позорной для свободной страны смертной казни и категорически требуем отмены ее и военно-полевых судов. Мы презираем не только смертную казнь, но и тех, кто ее требует»[35]. Июльские события открыли матросам глаза на контрреволюционную природу Временного правительства, на предательскую политику эсеро-меньшевистских руководителей Севастопольского Совета, которые пытались доказать целесообразность введения смертной казни как гарантии того, что солдаты будут воевать.

Состоявшийся в конце июля — начале августа 1917 г. VI съезд РСДРП(б) свои решения подчинил главной задаче — подготовке пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию при наличии нового массового революционного подъема. «Правильным лозунгом в настоящее время,— подчеркивалось в резолюции съезда,— может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема». Съезд высказался против какого бы то ни было объединения с меньшевиками-оборонцами. В организационном отчете ЦК партии, с которым выступил Я. М. Свердлов, говорилось, что к моменту созыва съезда на юге Украины, включая Херсон и Севастополь, имелось около 7 тыс. членов партии. «В этом районе,— отмечал Я. М. Свердлов,— сильнее, чем где бы то ни было, оборонческое течение...»[36]

Центральный Комитет РСДРП(б) принимал все меры к тому, чтобы укрепить позиции и авторитет большевиков Севастополя, вырвать Черноморский флот из-под влияния меньшевиков и эсеров и превратить его в вооруженный оплот пролетарской революции на юге страны. В июле 1917 г. для усиления деятельности большевистской организации Черноморского флота Центральный Комитет партии направил в Севастополь Надежду Ильиничну Островскую (Нину), члена РСДРП(б) с 1911 г., активную участницу революции 1905—1907 гг., профессиональную революционерку, которая работала в Крымском подполье еще до Февральской революции. Направляя Н. И. Островскую в

Председатель
Севастопольской организации большевиков
Надежда Ильинична Островская

Севастополь, Я. М. Свердлов дал ей подробные указания по организации большевистской пропаганды на Черноморском флоте.

Немало усилий и находчивости пришлось приложить Н. И. Островской, чтобы попасть на базу Черноморского флота. В Симферополе она провела совещание с руководителями большевистских организаций и групп Крыма, на котором присутствовали председатель Евпаторийского комитета РСДРП(б) Ж. Миллер, Я. Тарвацкий от симферопольских большевиков и др. На совещании было избрано временное Таврическое

бюро РСДРП(б), которое приняло решение созвать первую Таврическую губернскую конференцию большевиков. Конференция состоялась в первых числах октября 1917 г. Н. И. Островская под предлогом поездки на лечение получила пропуск в Севастополь. Она была избрана председателем Севастопольской организации большевиков и депутатом городского Совета от солдат крепости. Несмотря на тяжелую болезнь, Н. И. Островская, опытный партийный работник и талантливый организатор, развернула кипучую деятельность. «Тов. Островская, прибывшая в Севастополь 8—9 августа,— вспоминает участник севастопольских событий того времени В. К. Жуков,— в течение одной-двух недель подняла на ноги не только маленькую организацию большевиков, но и весь Черноморский флот и Севастополь. От ее речей сразу повеяло северным ветром большевизма. Спустя несколько дней после ее приезда в комитет посыпались массовые просьбы частей и кораблей «прислать для доклада Нину Островскую», даже от тех частей, которые раньше не решались пускать к себе ораторов большевиков. Их тянуло непреоборимое любопытство: «А что скажет Островская, настоящая большевичка из центра?»» [37]

Корниловский мятеж стал поворотным пунктом в развитии революционного движения на Черноморском флоте. Он значительно подорвал влияние эсеров и меньшевиков на матросские массы и поднял авторитет большевистской партии. После корниловщины процесс большевизации черноморцев пошел более быстрыми темпами. В письме в ЦК партии от 9 сентября 1917 г. Н. И. Островская, характеризуя политическую обстановку на флоте и в Севастополе, указывала, что большевизм растет «не по дням, а по часам... Трудно охватить всю массу, точно приливом неуклонно катящуюся к нам. Через три недели перевыборы Совета. Он вселяет негодование тем, что выносит эсеровско-меньшевистские резолюции, тогда как на судах они носят характер большевистский — часто плохо оформленный». Островская просит прислать двух опытных партийных работников для укрепления большевистской организации. «Авторитет наш растет и крепнет,— сообщала она в ЦК партии 14 сентября 1917 г.— Это Вам скажут посланные резолюции» [38]. Севастопольская большевистская организация благо-

даря помощи ЦК партии в августе значительно усилила политическую работу на военных кораблях Черноморского флота, в частях гарнизона и на предприятиях города.

Под давлением революционно настроенных моряков Севастопольский Совет создал по примеру Балтийского флота Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот). Выборы в Центрофлот проходили во второй половине августа 1917 г. в обстановке обострения политической борьбы в стране и на Черноморском флоте. Делегаты избирались по одному от 1 тыс. избирателей сроком на три месяца. Открытие первого торжественного заседания Центрального комитета Черного моря состоялось 30 августа 1917 г. В его состав вошли 48 представителей частей и кораблей, находившихся в портах Севастополе, Одессе, Измаиле, Николаеве, Сулине, Керчи, Очакове, Новороссийске и Батуме. В Центрофлот в подавляющем большинстве были избраны эсеры, меньшевики, анархисты и беспартийные, а его председателем стал «беспартийный анархист» Е. Н. Шелестун. По замыслу эсеров и меньшевиков Центральный комитет должен был всеми средствами поддерживать боеспособность флота и объединять все военно-морские комитеты Черноморского флота. Центрофлот был обязан отчитываться в своих действиях перед общечерноморским съездом. Права Черноморского Центрофлота были значительно уже, чем Центробалта. Согласно уставу, Центральный комитет Черноморского флота являлся высшим демократическим органом, но все хозяйственные, административные и технические вопросы решались совместно с командующим флотом и генеральным комиссаром Черного моря. Все постановления Центрофлота должны были проводиться в жизнь приказом командующего флотом [39].

Соглашатели из Севастопольского Совета рассчитывали с помощью Центрофлота подчинить своему влиянию весь Черноморский флот. Однако под влиянием большевиков и революционно настроенных матросов Центрофлот по ряду вопросов занял более левую позицию, чем Севастопольский Совет. После образования Центрофлота влияние Севастопольского Совета на общий ход политической жизни во флоте ослабло, авторитет его среди матросов и солдат все бо-

лее и более падал. Так, например, 11 сентября 1917 г. Центральный Комитет Черноморского флота вынес резолюцию по вопросу о власти, в которой указывалось, что «выходом из создавшегося гибельного для России и революции положения является немедленная передача власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [40]. В резолюции же Севастопольского Совета говорилось о необходимости сохранить власть в руках коалиционного Временного правительства.

15 сентября 1917 г., согласно решению делегатского собрания, Центральный комитет Черноморского флота постановил временно поднять на всех судах Черноморского флота красные флаги и сигнал «Да здравствует Российская демократическая республика!». Спустя несколько дней Севастопольский Совет вынужден был присоединиться к решению Центрофлота. По окончании этой демонстрации большинство команд военных судов категорически отказались спустить временно поднятые красные флаги, и Центрофлот принял решение вопрос о флагах оставить открытым до Учредительного собрания [41].

Учитывая важное значение Черноморского флота для юга страны в условиях нараставшей социалистической революции, Центральный Комитет РСДРП(б) внимательно следил за развитием политических событий в Севастополе и Крыму. Деятельностью большевиков Севастополя и Крыма особенно интересовались Я. М. Свердлов и Е. Д. Стасова. В письмах Ж. Миллеру и Н. И. Островской они постоянно спрашивали о работе партийных организаций, об их численности и составе, о количестве поступлений большевистских газет и литературы, давали оценку проделанной партийной работе и советовали, как ее улучшить.

ЦК партии в начале октября направил в Севастополь члена Латышской социал-демократии с 1902 г., делегата V Лондонского съезда РСДРП, профессионального революционера-большевика Ю. П. Гавена (Ян Дауман) и активного участника революционного движения на Балтийском флоте, члена РСДРП(б) с 1916 г. Н. А. Пожарова. Перед отъездом Ю. П. Гавен получил от Я. М. Свердлова директиву: «Вопрос о взятии власти пролетариатом — вопрос нескольких дней. Во всех крупных центрах пролетарские силы уже до-

статочно созрели. На Юге же, особенно в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается полное засилье социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ваша задача — превратить Севастополь в революционную базу Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом Юга» [42].

Преодолев преграды, чинимые властями Симферополя, Ю. П. Гавен и Н. А. Пожаров прибыли в Севастополь и включились в активную партийную работу. Оба они были избраны в состав Севастопольского большевистского комитета. Вскоре Гавен вошел в состав Таврического областного комитета РСДРП(б), а Пожаров был избран секретарем Севастопольского комитета РСДРП(б).

В результате широко развернутой Севастопольским комитетом большевиков политической работы в настроении масс, особенно моряков Черноморского флота, произошли глубокие изменения. Они все решительнее порывали с социал-предателями и переходили на сторону большевистской партии. Об успешной большевизации Черноморского флота свидетельствовал и тот факт, что на проходивших в сентябре и октябре 1917 г. собраниях и митингах матросов и солдат повсеместно принимались резолюции с требованием передать власть в руки Советов. На II Всероссийский съезд Советов моряки Черноморского флота послали шесть большевиков: Ф. П. Зинченко, В. В. Ковальского, Д. Н. Марулина, В. М. Петрищева, Т. М. Рыжкова и В. А. Твердохлебова, трех левых эсеров и одного беспартийного. Кроме того, от Севастополя на II Всероссийский съезд Советов было послано четыре делегата: большевик А. Калич, эсеры И. Баккал и Быков, беспартийный (сочувствующий большевикам) Г. Пасунько. Выражая волю широких матросских масс, Центральный комитет Черноморского флота в своем наказе делегатам II Всероссийского съезда Советов заклеймил позором империалистическую политику Временного правительства, потребовал передачи всей власти Советам и немедленного заключения мира. Наказ заканчивался словами: «Черноморский флот считает: 1) вся власть Советам; 2) немедленное стремление к миру на строго демократических началах и 3) созыв Учредительного собрания не позднее 28 ноября» [43].

Довольно сильные позиции эсеров и меньшевиков в Севастопольском Совете, Центральном комитете Черноморского флота и в руководстве профсоюзами не могли остановить развития революции, перехода матросов, солдат и рабочих под знамя большевизма. Однако они наложили свой отпечаток на послеоктябрьские события в Севастополе и на флоте.

2. Борьба моряков Черноморского флота за установление Советской власти в Севастополе

25 октября 1917 г. в Петрограде победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Открывшийся в тот же день II Всероссийский съезд Советов провозгласил свержение Временного правительства и переход всей государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд принял исторические декреты о мире и о земле, избрал рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов. Народ доверил руководство страной подлинно революционной партии, верной защитнице его интересов — партии большевиков.

Первые сведения о вооруженном восстании в Петрограде поступили в Севастополь 25 октября. Факты в них искажались. Командующий Черноморским флотом контр-адмирал А. В. Немитц в тот же день по радио оповестил морские силы о переходе всей власти на флоте к Центральному комитету Черноморского флота. «Вследствие отсутствия точных сведений, что происходит в столице и на фронте,— говорилось в радиограмме,— предписываю впредь до образования Черноморского революционного комитета исполнять только распоряжения Черноморского Центрофлота, к которому я присоединяюсь» [1].

Утром 26 октября в Севастополе была принята радиограмма Петроградского Военно-революционного комитета, составленная В. И. Лениным. В ней сообщалось о свержении Временного правительства и переходе власти в руки трудового народа. Получив известие о победе пролетарской революции в Петрограде, большевики Севастопольского Совета созвали экстренное со-

вещание своей фракции и приняли решение немедленно разослать своих представителей на корабли, в части гарнизона и на предприятия города для разъяснения революционных событий в столице[2]. Сообщения большевистских агитаторов были встречены матросами, солдатами и рабочими с огромным воодушевлением и радостью.

26 октября состоялось расширенное заседание исполкома Севастопольского Совета совместно с представителями большевистского комитета, профессиональных союзов, Совета крестьянских депутатов, демократических организаций. От большевиков на заседании присутствовали Н. И. Островская и Ю. П. Гавен. Лидеры эсеров и меньшевиков выступали против взятия власти Советом, нападали на большевистскую партию, предрекали гибель революции. Однако под давлением революционных масс эсеро-меньшевистский исполком был вынужден принять предложение большевиков о взятии власти в городе Советом, который вопреки возражениям большевиков расширил свое представительство. В его новый состав вошли представители исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, Центрального комитета флота, городской думы, Совета профессиональных союзов, Украинской рады, а также представители политических партий — эсеров, меньшевиков, большевиков[3]. Этим решением соглашатели пытались расширить свою социальную базу, укрепить пошатнувшийся авторитет.

В тот же день Петроградскому Совету и II Всероссийскому съезду Советов была послана от имени фракции большевиков телеграмма: «Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждем распоряжений. Севастополь»[4].

Проходившее 27 октября пленарное заседание Совета приняло резолюцию о переходе власти в городе и крепости в руки Совета военных и рабочих депутатов. Для охраны порядка был избран меньшевистско-эсеровский революционный комитет. Севастопольский Совет радиограммой сообщал: «Власть взята Советом. Севастопольский гарнизон, флот, рабочие приняли с энтузиазмом. В городе спокойно. Победа революции обусловлена присоединением всех Советов». В тот же день Центрофлот послал Военно-революционному комитету Петрограда радиограмму, в ко-

торой приветствовал взятие им власти в свои руки и выражал твердую уверенность в том, что «с данного момента, когда вся власть переходит в руки Советов, осуществятся вековые заветные стремления русского народа», а Черноморский флот «будет поддерживать эту революционную народную власть всеми имеющимися средствами» [5].

Эсеры и меньшевики всячески старались помешать большевизации Черноморского флота и затруднить деятельность большевиков Севастополя. Они препятствовали пересылке в Севастополь большевистских газет и литературы, скрывали от матросов и солдат правду о революционных событиях в стране. Связь с ЦК РСДРП(б) приходилось осуществлять только через посылаемых в Петроград представителей большевистского комитета. В письме Н. И. Островской в ЦК партии от 11 ноября 1917 г., доставленном машинистом линкора «Евстафий» И. Т. Кирьяном, говорилось: «За несколько дней до переворота Октябрьского и потом после переворота до сегодняшнего дня мы совершенно не получаем газеты «Правда» («Рабочий путь»). Чтобы преодолеть препятствия, чинимые врагами революции, Н. И. Островская просила высылать газеты с железнодорожниками, сопровождавшими поезда в Севастополь. В ответном письме от 18 ноября 1917 г. Секретариат ЦК сообщал: «При первой возможности к вам поедет кто-либо из товарищей... Литература вам будет послана... Мы распорядились высылкой газет, как вы просили» [6].

Работу большевиков Севастополя и флота осложняла усилившаяся после Октябрьской революции деятельность буржуазно-националистических организаций. Особенно большой вред сплочению революционных сил на Черноморском флоте наносили украинские буржуазные националисты, возглавляемые Центральной радой. Им удалось создать свои довольно сильные организации на линкорах «Воля», «Евстафий» и «Борец за свободу», на крейсере «Память Меркурия», на эсминцах «Завидный», «Звонкий» и некоторых других кораблях. 1 ноября 1917 г. в Киеве была создана специальная морская генеральная рада, в задачу которой входили буржуазно-националистическая пропаганда и борьба за «украинизацию» Черноморского флота. На отдельных судах были подняты флаги Цент-

ральной рады. Еще 12 октября 1917 г. украинский флаг был поднят на эсминце «Завидный». Центрофлот потребовал спустить его и поднять андреевский флаг, но команда «Завидного» не подчинилась и постановила держать украинский флаг поднятым до Учредительного собрания. 12 ноября украинский флаг был поднят на крейсере «Память Меркурия», который длительное время базировался в Одессе, где влияние Рады было особенно сильным. Однако свыше 200 матросов крейсера «Память Меркурия» отказались служить под украинским флагом и покинули корабль, в результате крейсер на длительное время потерял свою боеспособность[7]. Действия украинских националистов наносили ущерб военной мощи Черноморского флота, ослабляли его как боевую революционную силу. Вопрос об «украинизации» флота приобрел исключительно острое политическое значение.

Большевистские организации Севастополя и Одессы вели решительную борьбу с украинскими буржуазными националистами. Для работы среди матросов-украинцев Севастопольский комитет РСДРП(б) выделил специальную группу большевиков во главе с Роменцом и Куценко, хорошо знавшими украинский язык. Большевики провели ряд собраний, митингов, бесед на кораблях и берегу, где разъясняли контрреволюционный характер требований Центральной рады. Большую работу по разоблачению пропаганды буржуазно-националистической Рады проводили большевики Одессы. В местной большевистской газете «Голос пролетариата» систематически публиковались статьи, в которых пропагандировались идеи пролетарского интернационализма и доказывалась недопустимость разъединения трудящихся по национальному признаку. Большевики Севастополя и Одессы разъясняли морякам ленинские лозунги по национальному вопросу, призывали их к единству и борьбе с буржуазным шовинизмом и национализмом, за интернациональное сплочение трудящихся как могучее средство упрочения и развития завоеваний социалистической революции. Под воздействием большевистской пропаганды большинство моряков Черноморского флота, в том числе и украинцы, встали на путь активной борьбы с Центральной радой, которая продолжала заявлять претензии на Черноморский флот и запрещала моря-

кам-украинцам участвовать в революционных отрядах, боровшихся против врагов Советской власти.

Центральный комитет Черноморского флота созвал в Севастополе I Общечерноморский флотский съезд, который проходил в сложной политической обстановке. Он заседал с 6 по 19 ноября 1917 г. На нем присутствовали 88 делегатов, главным образом матросы. Среди них было 22 большевика, 27 эсеров, 17 украинских эсеров, 6 меньшевиков и 16 беспартийных [8]. Съезд стал ареной острой и упорной борьбы с соглашателями и буржуазными националистами, но по ряду вопросов принял большевистские решения, что свидетельствовало о росте влияния большевиков на Черноморском флоте.

Так, большой победой большевиков стало принятие предложенной Ю. П. Гавеном от фракции большевиков резолюции о правомочности решений II Всероссийского съезда Советов и признании Советской власти. «1-й Черноморский флотский съезд,— говорилось в резолюции,— признает позицию, занятую съездом в вопросе о переходе власти к Советам, вполне правильной. Признавая II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и его решения вполне правомочными, Черноморский флотский съезд считает вновь избранный Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского съезда Советов единственным представителем власти». Съезд послал приветственную телеграмму Совету Народных Комиссаров «за энергичную политику в деле приближения демократического мира и объявления перемирия» [9].

I Общечерноморский съезд принял резолюцию, в которой одобрил роспуск Всероссийского Центрофлота, занявшего враждебную позицию по отношению к Советскому правительству. На съезде с внеочередным заявлением выступил представитель Ростовского Совета рабочих и солдатских депутатов, начальник городского штаба Красной гвардии И. Д. Ченцов. Он сообщил делегатам, что Каледин уже собрал на Дону 50 тыс. казаков с Румынского и Кавказского фронтов, сосредоточил в Ростове до 6 тыс. юнкеров и белоказаков, объявил военное положение и начал борьбу против Совета. И. Д. Ченцов просил черноморцев оказать помощь. По вопросу о командировании отряда моряков для борьбы с контрреволюцией на Дону на съезде

разгорелась ожесточенная борьба между большевиками и социал-предателями. Большевики Пожаров, Драчук, Ракитинский, Шевляков выступили за оказание вооруженной помощи рабочим Ростова. Н. А. Пожаров требовал немедленно послать в Ростов отряд матросов. Съезд обсудил также вопрос об отправке отрядов моряков на Украину и в Донецкий бассейн и, с одной стороны, принял решение послать отряд в 700 матросов в Киев *, а с другой — постановил «в срочном порядке послать флотилию на Дон для поддержки Совета солдатских и рабочих депутатов Ростова-на-Дону» [10]. Таким образом, съезд продемонстрировал готовность основной массы матросов идти за большевиками и вести борьбу с контрреволюцией.

15 ноября 1917 г., во время работы I Общечерноморского съезда, в Севастополь прибыла третья делегация моряков Балтийского флота в составе 23 человек. Эсеро-меньшевистское руководство Совета пыталось не пропустить балтийцев в Севастополь, но под давлением матросских масс Центрофлот заставил президиум Совета отказаться от своих намерений [11]. Делегаты Балтики провели в Севастополе большую революционно-пропагандистскую работу.

По решению I Общечерноморского съезда была учреждена выборная должность главного комиссара при штабе командующего флотом. На главного комиссара возлагался контроль за оперативной деятельностью штаба. Все приказы, распоряжения, директивы и другие документы штаба флота утверждались комиссаром и скреплялись его подписью. Первым главным комиссаром Черноморского флота съезд избрал члена исполкома Севастопольского Совета и Центрофлота матроса большевика Василия Власьевича Роменца, посланного ЦК РСДРП(б) в Севастополь в июне 1917 г. [12]

I Общечерноморский съезд сыграл важную роль в большевизации и сплочении революционных сил Черноморского флота, в борьбе за власть Советов на юге страны, несмотря на то что допустил колебания и ошибки при обсуждении вопроса об «украинизации» флота. В конце работы I Общечерноморский съезд избрал 65 делегатов от Черноморского флота и Дунай-

* О дальнейшей судьбе отряда мало что известно: он был преобразован Центральной радой в курень и взят на довольствие. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

Главный комиссар Черноморского флота (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.) Василий Власьевич Роменец

ской флотилии на I Всероссийский съезд военного флота, который проходил в Петрограде с 18 по 25 ноября 1917 г.[13]

Самым крупным и знаменательным событием I Всероссийского съезда военного флота было выступ-

ление вождя большевистской партии и главы Советского правительства В. И. Ленина. От имени Совета Народных Комиссаров Ленин приветствовал в лице съезда «армию матросов, которая показала себя, как передовой борец за раскрепощение трудящихся классов». Вождь Октября поставил перед трудящимися массами задачу «практически учиться управлять страной» и подчеркнул, что в этом отношении флот — «блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс... показал себя, как передовой отряд». В своей речи В. И. Ленин подробно охарактеризовал текущий момент и основные мероприятия Советской власти. Говоря о необходимости всемерного укрепления союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, Ленин призвал революционных моряков посвятить «все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дело перехода к социализму» [14].

I Всероссийский съезд военного флота показал, что массы военных моряков, сильные своей сплоченностью и боевым революционным духом, преданны делу большевистской партии, стали прочной опорой Советской власти в борьбе с контрреволюцией. Севастопольский комитет РСДРП(б) организовал доклады большевистских делегатов съезда на кораблях и в береговых частях Черноморского флота. Делегаты сообщили матросам, что съезд подавляющим большинством голосов принял предложенную большевиками резолюцию, в которой от имени всех военных моряков приветствовал Совет Народных Комиссаров и обещал ему всемерную поддержку. С волнением и гордостью рассказывали делегаты о том, что видели на съезде В. И. Ленина и слышали его вдохновенную речь. Пропаганда решений I Всероссийского съезда военного флота и речи В. И. Ленина способствовала завоеванию широких матросских масс Черноморского флота на сторону партии большевиков. Без завоевания армии на сторону пролетариата, подчеркивал В. И. Ленин, революция не смогла бы победить [15].

Большевики Севастополя главное внимание в этот период сосредоточили на организации революционных отрядов для борьбы против Корнилова, Каледина и контрреволюционной Центральной рады. Большую по-

мощь в этом им оказывали посланец ЦК РСДРП(б), активный участник Октябрьской революции, стойкий большевик К. Я. Зедин и оставленные для усиления партийной работы на Черноморском флоте большевики балтийцы А. П. Шерстобитов, С. Степанов и др.

12 ноября 1917 г. из Севастополя в Ростов для борьбы с контрреволюцией вышла флотилия в составе эсминцев «Гневный» и «Капитан Сакен», плоскодонных тральщиков «Федор Феофани» и «Роза», двух катеров-истребителей, крупного транспорта и одного аэроплана. Экипажи кораблей были укомплектованы матросами-добровольцами. Флотилией руководила «комиссия пяти» в составе матросов Драчука, Волика, Ракитского, Богаенко и Ларионова. Возглавлял «комиссию пяти» большевик В. Е. Драчук. В тот же день Донское окружное бюро РСДРП(б) сообщило в ЦК партии: Общечерноморский съезд предъявил Каледину требование об отмене военного положения, к Ростову идут тральщики и миноносцы, Ростов готовится к обороне [16].

Калединцы прилагали все усилия, чтобы не допустить флотилию к Ростову. В Керчи она была задержана начальником гарнизона генералом Трегубовым, который предъявил командованию флотилии ультиматум — ни одного выстрела по Ростову, в противном случае обратно в Севастополь флотилию не пропустят [17]. При входе в устье Дона один тральщик сел на мель, так как по приказанию калединца Назарова были погашены маяки и сняты все вехи, ограждавшие фарватер.

24 ноября, преодолев все препятствия, флотилия прибыла в Ростов, где ей организовали торжественную встречу трудящиеся города. Моряки-черноморцы оказали им помощь в создании нового Военно-революционного комитета, взяли под свою защиту Совет рабочих и солдатских депутатов и вместе с красногвардейцами героически сражались против банд Каледина в Ростове. Находившийся на военной яхте «Колхида» член ЦК РСДРП(б) и Петроградского Военно-революционного комитета А. С. Бубнов, направленный в Ростов для оказания помощи местной партийной организации, 29 ноября сообщил Совету Народных Комиссаров: «В ночь на 28 ноября ст. Нахичевань захвачена

войсками Военно-революционного комитета. Юнкера отступили по направлению к Новочеркасску. Нами взяты броневые машины и различные припасы. Утром 28 ноября юнкера были выбиты со ст. Ростов. Казаки сдались. Генерал Потоцкий и его штаб арестованы... Черноморская флотилия подбила несколько орудий...»[18] Однако под натиском превосходящих сил противника после семидневных упорных боев революционные отряды вынуждены были отступить, и 2 декабря 1917 г. Ростов был занят калединцами. Флотилия черноморских моряков, израсходовав имевшиеся у нее снаряды и продукты, отошла в Мариуполь, а затем возвратилась в Севастополь.

Не получая поддержки от эсеро-меньшевистского руководства Севастопольского Совета и командования флота, главный комиссар Черноморского флота В. В. Роменец 26 ноября 1917 г. послал Совету Народных Комиссаров телеграмму, в которой сообщил об отправке флотилии и отрядов моряков против калединцев и просил дать указания относительно дальнейших действий. «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху,— говорилось в ответе Совнаркома от 26 ноября. — Каледины, Корниловы, Дутовы — вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!»[19]

Моряки Черноморского флота, воодушевленные призывом Советского правительства, под руководством большевиков активизировали борьбу с мятежными генералами Корниловым и Калединым. В короткие сроки под руководством матроса минной бригады А. В. Мокроусова был сформирован революционный отряд из 2500 моряков, с пулеметами, артиллерией и самолетами. 22 ноября из Севастополя на Дон отправился первый эшелон отряда под командованием С. Степанова, 25 ноября — второй, под командованием А. В. Мокроусова. Сводный отряд моряков-черноморцев, балтийцев и революционных солдат под общим командованием И. П. Павлуновского в конце ноября — первых числах декабря 1917 г. разгромил под Белгородом 5-тысячный хорошо вооруженный отряд генерала Корнилова, продвигавшийся из прифронтового

района на соединение с бандами Каледина [20]. Это было крупное поражение контрреволюционных сил на Дону.

Активное участие Черноморского флота в боях с контрреволюционными войсками Каледина получило высокую оценку ВРК. «От имени Военно-революционного комитета, Ставки и всей революционной армии,— говорится в телеграмме от 29 ноября 1917 г. главному комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу,— передайте привет товарищам черноморцам, первыми вставшим на защиту завоеваний революции и власти рабочих и крестьян, против покушения Каледина. Заслуги революционных черноморцев никогда не будут забыты революционной Россией» [21].

Предательская политика меньшевиков, эсеров и украинских националистов, всячески препятствовавших отправке и продвижению революционных отрядов, вызывала гневное возмущение моряков, участвовавших в походах на Ростов и Белгород. Они заявляли, что не признают распоряжений эсеро-меньшевистского Совета и если он не будет переизбран, то разгонят его силой оружия. Участники боев с контрреволюцией полностью поддерживали большевиков. Таким образом, в начале декабря 1917 г., когда влияние соглашателей и буржуазных националистов сильно пошатнулось, большевистская организация Севастополя могла рассчитывать на поддержку подавляющего большинства матросов, солдат и рабочих.

Напуганные ростом влияния большевиков, потерей своего авторитета у матросов, солдат и рабочих, а также арестами контрреволюционных офицеров, лидеры меньшевиков и эсеров покинули Совет. 15 декабря 1917 г. Севастопольский Совет фактически распался. 13 декабря Севастополь покинул командующий флотом контр-адмирал Немитц, передав дела начальнику штаба контр-адмиралу Саблину. В Севастополе и на флоте наступило безвластие. Анархиствующие элементы, подстрекаемые контрреволюционерами, начали производить самочинные обыски, погромы, грабежи, убийства.

Севастопольский комитет РСДРП(б) и Центрофлот в ночь с 15 на 16 декабря созвали экстренное собрание представителей судовых и береговых частей, исполкома Совета и штаба революционного отряда. Собрание решило передать власть в городе в руки из-

бранного временного Военно-революционного комитета. В состав ревкома вошли 12 человек, в большинстве большевики. Председателем временного Военно-революционного комитета был избран И. Л. Сюсюкалов, товарищем председателя — Н. А. Пожаров, секретарем — Дегтярь. Временный Военно-революционный комитет той же ночью выпустил воззвание, целью которого являлось «предотвращение беспорядков, всякого рода эксцессов и беспощадная борьба с контрреволюцией». Временный ревком предупреждал, что «всякие попытки к погромам будут беспощадно подавляться», и призывал матросов, солдат и рабочих сохранять «полное спокойствие и гражданский революционный порядок», чтобы «не осквернять светлого знамени революции» [22].

16 декабря 1917 г. временный Военно-революционный комитет созвал делегатское собрание, на котором присутствовали представители судовых и береговых частей флота и гарнизона, исполкома Совета, Центрофлота, штаба революционного отряда и политических партий. На собрании был избран постоянный Военно-революционный комитет в составе 18 большевиков и 2 левых эсеров. Он опубликовал обращение к воинским частям и населению города, в котором призывал «к соблюдению спокойствия, выдержки и железной революционной дисциплины». Приказом ревкома запрещались самовольные аресты и обыски. Для проведения в жизнь постановлений ревкома по борьбе с контрреволюцией были избраны комиссары [23]. Получив решительную поддержку матросов, солдат и рабочих Севастополя и флота, Военно-революционный комитет установил в городе революционный порядок. Для борьбы с контрреволюцией 26 декабря 1917 г. в Севастополе был создан Революционный трибунал, в состав которого вошли И. Финогенов (председатель), А. Некрасов (секретарь), П. Коробцов (распорядитель) и др.

Большевистский комитет и ревком приступили к проведению перевыборов Севастопольского Совета. В новом составе Совета — а он начал свою работу уже 19 декабря — наибольшее количество мандатов получили большевики. Из 235 депутатов большевиков было избрано 87, эсеров — 86, меньшевиков — 6, польских социал-демократов — 6, беспартийных — 50.

В исполком Совета вошли 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных. Председателем Совета был избран балтийский матрос большевик Н. А. Пожаров, являвшийся в то же время и секретарем городского комитета РСДРП(б). Секретарем исполкома был утвержден большевик П. З. Марченко[24].

Благодаря огромной организационно-политической работе большевистской организации и активной поддержке матросов, солдат и рабочих в середине декабря 1917 г. в Севастополе была установлена Советская власть. Черноморский флот превратился в надежную опору большевистской партии в борьбе за власть Советов на юге страны.

3. Моряки-черноморцы в боях за установление Советской власти на юге страны

После победоносного восстания в Петрограде большевистская партия возглавила борьбу народных масс за установление Советской власти по всей стране. Основными движущими силами развития социалистической революции были пролетариат и крестьянская беднота. В исторически короткий срок, с конца октября 1917 по февраль — март 1918 г., власть Советов победила почти на всей огромной территории России. По определению В. И. Ленина, это было поистине «триумфальное шествие Советской власти».

Борьба за установление Советской власти в Крыму приняла необычайно напряженный и преимущественно вооруженный характер. Пестрота национального состава населения, малочисленность рабочего класса, слабость большевистских организаций, сильное влияние мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, активная деятельность татарской буржуазно-националистической организации «Милли-фирка» и украинской Центральной рады предопределили отставание процесса созревания революции и ее характер.

Генеральный секретариат украинской Центральной рады объявил демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму. Массовая демобилизация солдат русской армии была в интересах крымской контрреволюции. Гарни-

зоны крымских городов почти распались. Советы остались без вооруженной силы. Вслед за солдатами начали самовольную демобилизацию матросы, чему способствовало эсеро-меньшевистское руководство Центрального комитета Черноморского флота. Так, если к концу декабря 1917 г. в Балтийском флоте были уволены матросы только призыва 1907 г., то в Черноморском флоте были уволены моряки призывов 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. Требовали демобилизации и матросы призывов 1911 и 1912 гг.[1] «Как на всем юге, так и в Черноморском флоте благодаря провокационным приказам контрреволюционеров, сидящих в Раде, идет... разложение в войсковых частях и оголение всего Черноморского побережья от воинских частей, — писал 24 декабря 1917 г. К. Я. Зедин наркому по морским делам П. Е. Дыбенко. — По приказу Петлюры крепость (Севастополь. — *И. С.*) оставлена без гарнизона: уехали не только великороссы, но и украинцы. Крепость, пороховые погреба, мастерские брошены без охраны»[2].

Агенты Центральной рады в Севастополе развернули бешеную кампанию за сплошную «украинизацию» кораблей Черноморского флота. Свои атаки они направили на новейший линкор «Воля», где преобладали матросы-украинцы. В 20-х числах декабря на «Воле» был поднят украинский флаг, но в знак протеста линкор покинули 300 русских и 400 украинцев. 23 декабря по настоянию К. Я. Зедина вопрос о событиях на «Воле» обсуждался на заседании Центрального комитета Черноморского флота, где К. Я. Зедин заявил, что «украинизация» «Воли» — контрреволюционное действие, так как «политика Рады ведет к дезорганизации боевых сил и ослаблению мощи революции». К. Я. Зедина поддержал представитель Балтийского флота А. П. Шерстобитов. Заседание приняло постановление, в котором говорилось, чтобы «Волю» никто не покидал и чтобы другие корабли не посылали людей на «Волю». 24 декабря собрание Центрального комитета Черноморского флота и судовых комитетов приняло решение «спустить с линкора «Воля» украинский и поднять красный флаг»[3].

Политическую обстановку, сложившуюся в конце декабря 1917 г. в Крыму и Севастополе, решили использовать татарские буржуазные националисты для разгрома революционных сил и захвата власти в Кры-

му. По приказу военного и морского министра объединенного штаба крымских войск Джафара Сейдемета татарские воинские части, расположенные почти во всех городах Крыма, за исключением Севастополя, перешли в наступление. Они приступили к разоружению оставшихся большевистски настроенных гарнизонов и отрядов Красной гвардии, громили Советы, терроризировали русское население.

29 декабря, получив сведения о том, что в окрестностях Севастополя появились татарские разъезды, Севастопольский военно-революционный комитет приказал береговым и судовым комитетам «подготовить вооруженные отряды и ночью освещать прожекторами шоссе, идущее от Инкермана в расположение Сухарной балки. Всем батареям быть на первом положении». 31 декабря Военно-революционный комитет предложил Центрофлоту передать в его распоряжение все имеющиеся запасы оружия с точным указанием, где и сколько его находится [4].

2 января 1918 г. по призыву большевиков на борьбу с татарскими националистами поднялись рабочие и солдаты Феодосии. Восставшие сформировали отряд Красной гвардии, штаб которого возглавил И. Ф. Федько. Красная гвардия изгнала контрреволюционеров из Феодосии, но они укрепились в 7 верстах от города. Большевистский комитет обратился за помощью к Центрофлоту. 4 января из Севастополя в Феодосию прибыл эсминец «Пронзительный» с десантным отрядом моряков под командованием А. В. Мокроусова. 5 января А. В. Мокроусов сообщил Севастопольскому военно-революционному комитету: «Город в руках рабочих, за городом оказалось около 300 «эскадронцев» (солдат и офицеров «крымского конного полка», который до революции охранял царские дворцы и угодья. — *И. С.*). Принимаем меры для водворения порядка. Необходимо выслать 25 ящиков русских патронов, 25 — французских, 15 — австрийских, 1 горную пушку, с ней снаряды, 1 аэроплан» [5]. Через четыре дня на помощь пришел эсминец «Фидониси», который доставил оружие и новый отряд моряков. Вместе с красногвардейцами моряки разгромили татарские национальные части и установили в Феодосии Советскую власть. Продолжая наступление, моряки очистили от контрреволюционеров Джанкой.

Эскадренный миноносец «Пронзительный»

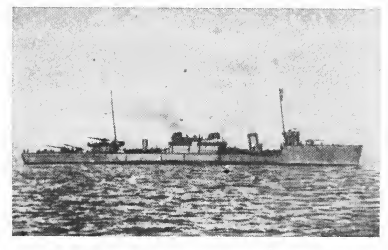
Эскадренный миноносец «Фидониси»

В ночь с 5 на 6 января 1918 г. рабочие и матросы корабля «Аю-Даг» и тральщики 6-го дивизиона под руководством накануне созданного большевиками Военно-революционного штаба захватили почту, телеграф и административные учреждения Керчи. Утром 6 января в городе была провозглашена Советская власть.

Центром борьбы за Советскую власть в Крыму стал Севастополь. В конце декабря 1917 г. в Севастополь был переведен Таврический губернский комитет РСДРП(б). Для координации сил и оперативной борьбы с контрреволюцией 14 января в Севастополе был создан Военно-революционный штаб из представителей Военно-революционного комитета, Центрофлота, исполкома Совета и Главного заводского комитета порта. 22 января 1918 г. Военно-революционный комитет был преобразован в Областной военно-революционный комитет. В его состав вошли представители Одессы, Мариуполя, Бердянска, Мелитополя, Керчи, Новороссийска, Евпатории и других городов Крыма. Возглавлял комитет по-прежнему Ю. П. Гавен. Севастопольский Военно-революционный штаб был преобразован в Областной военно-революционный штаб. Его начальником стал М. М. Богданов, а комиссаром — член Областного военно-революционного комитета солдат крепостной артиллерии большевик Н. К. Сапронов.

Учитывая исключительное значение Севастополя как оплота революционных сил на Крымском полуострове, татарские националисты решили нанести по нему свой главный удар, чтобы затем захватить остальные города Крыма. В ночь на 11 января 1918 г. отряды штаба крымских войск начали от Бахчисарая наступление двумя отдельными колоннами с целью взорвать Камышловский железнодорожный мост и отрезать Севастополь от страны. В тот же день штаб предъявил Севастополю ультиматум о прекращении ввоза продовольствия. Предназначавшийся Севастополю скот был реквизирован в Симферополе [6].

В Севастополе и на флоте были приняты экстренные меры по организации отпора контрреволюционерам. По инициативе Н. А. Пожарова в ночь на 12 января в городе и на кораблях была объявлена тревога. 12 января отряды матросов и красногвардейцев разгромили у станции Сюрень татарский эскадрон и дви-

Эскадренный миноносец «Керчь»

нулись к Бахчисараю. На следующий день, 13 января, Бахчисарай был взят революционными отрядами. В этих боях принимал непосредственное участие брат В. И. Ленина военный врач Дмитрий Ильич Ульянов, который осенью 1917 г. был переведен из Одессы на работу в севастопольский госпиталь [7].

Разгромив контрреволюционные части под Альмой (Почтовая), отряды матросов, рабочих и солдат 14 января вступили в Симферополь, где накануне рабочие под руководством большевиков подняли восстание. В столице Крыма была установлена Советская власть.

Почти одновременно с боями у Севастополя и Симферополя развернулась борьба с контрреволюционными силами в других городах Крыма. Особенно упорный и кровопролитный характер она носила в Ялте и ее окрестностях, где были сосредоточены крупные силы татарских националистов и белогвардейских офицеров. Восстание в Ялте началось в конце декабря 1917 г., но красногвардейцы не смогли одержать победы. 3 января власть в Ялте захватил Мусульманский комитет. В городе свирепствовали «эскадронцы». По указанию Севастопольского Военно-революционного комитета 9 января в Ялту прибыл эсминец «Гаджибей» с оружием для красногвардейцев. Начались ожесточенные бои. На помощь ялтинцам 10 января из

Севастополя пришел эскадренный миноносец «Керчь» с отрядом моряков под командованием большевика Ф. И. Андрющенко. Кровопролитные сражения продолжались до 16 января, когда в Ялте была установлена Советская власть. Затем отряды матросов и красногвардейцев освободили Алушту, а через три дня и все южное побережье Крыма. К 20 января десант с эсминца «Капитан Сакен» и отряд моряков, прибывший из Севастополя пешком, уничтожили крупное скопление контрреволюционеров, укрывшихся в горах под Ялтой.

Напряженная борьба с белогвардейцами развернулась в Евпатории. Татарские националисты зверски убили председателя Евпаторийского Совета большевика Д. Л. Караева, подняли контрреволюционный мятеж. Для его подавления 14 января из Севастополя вышли гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор» и два буксира с отрядом матросов и красногвардейцев в 600 человек под командованием С. И. Куликова. 15 января в Евпатории был высажен десант, который взял город.

Таким образом, к 16 января 1918 г. контрреволюционные силы в Крыму были разгромлены и во всех важнейших пунктах Крымского полуострова победила Советская власть. Возникла необходимость закрепить завоевания трудящихся и создать в Крыму единый советский центр.

28—30 января 1918 г. в Севастополе состоялась губернская конференция Советов рабочих и солдатских депутатов и военно-революционных комитетов, которая объявила себя Чрезвычайным съездом Советов и ревкомов Таврической губернии. На съезде присутствовало 47 делегатов, в том числе 27 большевиков, 10 левых эсеров, 4 беспартийных, сочувствующих большевикам. Административным центром Крыма был признан Симферополь. Политическим и военным центром Крымского полуострова оставался Севастополь и его Областной военно-революционный комитет, который по-прежнему возглавлял борьбу с контрреволюцией в Причерноморье. С 24 января 1918 г. в Севастополе начала выходить большевистская газета «Таврическая правда», сыгравшая важную роль в сплочении большевистских организаций и революционных сил Крыма.

Моряки Черноморского флота не только вынесли основную тяжесть борьбы с крымской контрреволюцией, но и по указанию Советского правительства принимали активное участие в боях с бандами Каледина. В первых числах января 1918 г. из Севастополя на Дон отправился отдельный черноморский отряд под командованием Д. С. Недбайло. Во второй половине января из Симферополя на Дон выступил второй отряд моряков в 500 человек. Под Таганрогом и Ростовом сражался отряд черноморцев под командованием Н. Ф. Кассесимова. Отряд соединился с восставшими рабочими Таганрога и выступил навстречу войскам Красной Армии, наступавшим на Ростов. На Дон был отправлен отряд в 400 матросов под командованием А. В. Мокроусова. Отряду был придан бронепоезд, построенный рабочими Севастопольского морского завода. В Мелитополе отряд Мокроусова разоружил полк, отказавшийся подчиниться Советской власти. Продвигаясь на Дон, черноморцы вели бои под Дебальцево и на станции Заповедная. 27 января они освободили Зверево, а 28 января — Сулин. Отряд Мокроусова пополнялся рабочими. В Сулине в него влилось 200 рабочих-металлистов, а на станции Шахтная — 500 шахтеров. После ожесточенных боев за станции Каменоломня и Персияновка 26 февраля моряки-черноморцы заняли Новочеркасск — центр донской контрреволюции [8]. Здесь отряд А. В. Мокроусова, насчитывавший около 2 тыс. бойцов, некоторое время оставался для установления революционного порядка. Доблестно выполнивший свой революционный долг, он по приказу командующего советскими войсками Юга России В. А. Антонова-Овсеенко был возвращен в Севастополь.

25 февраля 1918 г. советские войска под командованием Р. Ф. Сиверса освободили Ростов. Атаман Каледин застрелился. Остатки его банд бежали в сальские степи и на Кубань. С калединщиной было покончено.

Моряки Черноморского флота принимали участие и в борьбе с антисоветским движением украинской Центральной рады. В результате объединения сил всероссийской и национальной контрреволюции в конце ноября 1917 г. Центральной раде удалось захватить власть почти на всей территории Украины. Только в

небольшой части Донбасса и ближайшем тылу Юго-Западного фронта прочно установилась Советская власть. Украинские буржуазные националисты открыто предавали интересы своего народа, пошли на преступный сговор с организаторами всероссийской контрреволюции и выступили с инициативой создания нового всероссийского правительства. Чтобы задушить социалистическую революцию «костлявой рукой голода», Рада прекратила отправку продовольственных грузов в Москву, Петроград, Белоруссию, а также на Северный и Западный фронты. По ее требованию командование Юго-Западного и Румынского фронтов распустило по домам революционно настроенные части. Опираясь на буржуазно-националистические военные части (гайдамаков), Рада разоружала отряды Красной гвардии и тыловые части, подчинявшиеся Советскому правительству.

Когда Центральная рада стала опасным очагом контрреволюции на юге страны, Совет Народных Комиссаров предъявил ей 4 декабря 1917 г. ультиматум: отказаться от попыток дезорганизовать Советский фронт против австро-германских империалистов; не пропускать на Дон, Урал и в другие районы никаких воинских частей без согласия советского командования; прекратить разоружение советских войск и Красной гвардии на Украине и возвратить оружие революционным отрядам, если оно было отобрано; содействовать революционным войскам в борьбе против калединщины. Совет Народных Комиссаров предупредил Раду, что, если в течение 48 часов не будет получен положительный ответ, Советское правительство будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине. Одновременно Совнарком обратился с манифестом к украинскому народу. «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», написанный В. И. Лениным, еще раз подтвердил право Украины на независимость и разоблачил контрреволюционный характер Рады, ее антисоветскую и антинациональную политику. «Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа,— говорилось в Манифесте,— признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно» [9].

Однако Центральная рада отклонила требования Советского правительства и таким образом вступила на путь войны против Советской России. Она обратилась за поддержкой к правительствам стран Антанты, которые поспешили признать ее и прийти к ней на помощь. Народные массы Украины на опыте стали убеждаться в том, что Рада является органом диктатуры националистической украинской буржуазии, предающей интересы народа в угоду контрреволюционерам и иностранным империалистам. На Украине вспыхнула народная борьба против Центральной рады и ее империалистических покровителей.

11 декабря 1917 г. в Харькове открылся I Всеукраинский съезд Советов. На следующий день, 12 декабря, он провозгласил переход власти к Советам, объявил о создании Украинской советской республики как федеративной части Советской России и избрал Всеукраинский ЦИК, который сформировал Советское правительство Украины. Совет Народных Комиссаров приветствовал Советское правительство Украины и обещал ему полную и всестороннюю поддержку в борьбе за мир, а также в передаче всех земель, фабрик, заводов и банков трудящимся Украины.

Несмотря на то что основная масса черноморцев принимала активное участие в борьбе за Советскую власть на Украине, давала решительный отпор попыткам Центральной рады «украинизировать» Черноморский флот, командовать им, Рада продолжала посылать в Севастополь свои приказы. 13 января 1918 г. в Севастополе была получена из Киева телеграмма, которая предупреждала «организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена». Рада настаивала на исполнении приказаний, исходящих только от «народного министра морских дел» Антоновича. «Неисполнение этих приказов,— угрожала Рада,— будет преследоваться по законам республики» [10]. Это требование Центральной рады вызвало гневное возмущение моряков-черноморцев.

В ожесточенном столкновении пролетарского интернационализма и буржуазного национализма под воздействием большевистской пропаганды побеждала

пролетарская идеология. Матросы-украинцы убеждались в предательской, контрреволюционной сущности политики Рады. В резолюции от 13 декабря 1917 г. матросы-украинцы эсминцев «Жаркий» и «Зоркий» заявили, что не признают Центральную раду, а признают и поддерживают «только Советскую власть в лице Совета Народных Комиссаров, которые выражают волю трудового народа». Команды постановили отозвать своего представителя Г. Пузя из Киевской генеральной морской рады и заявили о своей готовности выступить на защиту Советской власти [11].

18 января 1918 г. объединенное заседание исполкома Севастопольского Совета и Центрального комитета Черноморского флота постановило, что Черноморский флот и гарнизон Севастополя «признают только центральную власть республики Советов в лице Совета Народных Комиссаров, как единственную выразительницу воли трудового народа. На Украине же — только власть народа в лице Харьковского Всеукраинского исполнительного комитета, выделенного из съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». «Находя Киевскую раду опаснейшим органом контрреволюции и врагом всего трудового народа Украины и России,— говорилось в резолюции,— Севастопольский Совет и Центрофлот, с негодованием отвергая великодержавные стремления и притязания Киевской рады, заявляют, что все ее приказы и предписания не признают и признавать не будут» [12]. Эта резолюция была послана в Петроград Совету Народных Комиссаров, в Харьков Советскому правительству Украины и в Киев Центральной раде.

Буржуазно-националистическая политика Центральной рады получила суровое осуждение и среди моряков-украинцев. В принятой на митинге моряков-украинцев, солдат и рабочих Севастопольского порта резолюции говорилось: «Клеймим позором Киевскую раду с ее генеральными секретарями — соглашателями буржуазии и калединцами, которые набрасывают петлю на шею рабочим и крестьянам... Не располагайте же на Черноморский флот, ибо мы первые наведем на вас свои 12-дюймовые орудия» [13].

Моряки-черноморцы не только осуждали контрреволюционные действия Центральной рады и изъявляли готовность оказать помощь украинским трудящимся в

борьбе с ней, ио и принимали активиое участие в установлении Советской власти в Одессе, Николаеве, Херсоне, Бердяиске, Киеве и других городах Украины.

Моряки Черноморского флота оказали также значительную помощь в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Новороссийске — административном центре Черноморской губерний. Эта помощь выражалась в направлении военных кораблей, отрядов моряков, вооружеиия и боеприпасов. В конце иоября 1917 г. Цеитральный комитет Чериоморского флота и главиый комиссар В. В. Ромеиец дали согласие иа назначение в Новороссийск комиссара, который совместио с исполкомом Совета должен решить вопросы о иачальнике порта, переизбрании Военио-революциоииого комитета и отправке в Новороссийск эсмиица. Центрофлот и главиый комиссар заверили, что «по силе возможности» ему «будет оказаиа всяческая помощь». Все эти обещания Центрофлот выполнил. В Новороссийск был назначен комиссар И. Я. Пешков, являвшийся членом Новороссийского военно-морского комитета [14].

Заручившись поддержкой матросов Черноморского флота, большевики Новороссийска развернули энергичную работу по завоеванию власти. Проходивший с 23 по 30 ноября 1917 г. II съезд представителей Советов Черноморской губернии осудил предательскую политику меньшевиков и эсеров, приветствовал Октябрьскую революцию и признал Советское правительство во главе с В. И. Леииным. Съезд избрал губериский Центральиый исполиительиый комитет из девяти человек и провозгласил власть Советов в Черноморской губернии. 3 декабря губериский исполком послал в Петроград радиограмму Совету Народных Комиссаров, в которой сообщил, что «с 1-го декабря власть в Черноморской губериии взята ЦИК С. Р. и С. Д. Близость Кубани, оторваиность Закавказья порождают критическое финансовое положеиие... Сношеиие только радиотелеграфом Севастополь — Новороссийск» [15]. Радиограмма была передана радиостанцией эсмиица «Керчь», прибывшего из Севастополя в Новороссийск. После установления Советской власти Новороссийск стал опорным пунктом в борьбе с Кубанской радой, заседавшей в Екатеринодаре (Красиодаре). Первый по-

ход новороссийских красногвардейских отрядов против контрреволюционных банд генерала Покровского, предпринятый в январе 1918 г., потерпел неудачу.

Центральный Комитет партии большевиков рассматривал Черноморский флот как важный оплот пролетарской революции на всем Черноморском побережье Кавказа. Так, в ответ на сообщение о создании большевистской организации в Гудаутах Секретариат ЦК РСДРП(б) 17 января 1918 г. писал: «Уважаемые товарищи! Приветствуем вас с организацией в Гудаутах нашей большевистской организации и надеемся, что с вашей поддержкой мы сумеем завоевать и Сухумский Совет, и Закавказский комиссариат... Для связи с Черноморским флотом, которую считаем крайне важной и нужной для вашей работы в одном из пунктов Черноморского побережья, советуем вам обратиться в Севастополь...»[16] Отряды моряков Черноморского флота активно участвовали в установлении Советской власти в Сочи и Туапсе. Черноморский флот был важной опорой революционных сил в борьбе за установление Советской власти на Кубани и в Причерноморье.

В январе—феврале 1918 г. моряки Черноморского флота приняли активное участие в боях с румынскими интервентами и контрреволюционными бандами бывшего главнокомандующего Румынского фронта генерала Щербачева. Еще 5 декабря 1917 г. из Севастополя в Одессу на транспорте был отправлен молдавский революционный отряд, состоявший из матросов-молдаван Черноморского флота. Когда в начале января 1918 г. румынские интервенты перешли в наступление, моряки Дунайской флотилии обратились в Севастополь за помощью. Центрофлот направил из Севастополя в порт Килию эскадренный миноносец «Дерзкий». Когда румынские войска стали угрожать Одессе, Областной военно-революционный комитет направил из Севастополя флотилию кораблей. Румынскому фронту было выделено большое количество оружия для вооружения населения прифронтовой полосы[17]. 17 февраля 1918 г. на Румынский фронт прибыли революционные отряды, участвовавшие в освобождении столицы Украины — Киева. Среди них был и броненосец черноморцев «Свобода или смерть» под

командованием А. В. Полупанова. 28 февраля — 1 марта произошел ожесточенный бой под Рыбницей, где румынские войска потерпели крупное поражение.

Таким образом, после установления Советской власти в Севастополе Черноморский флот сыграл важную роль в борьбе с контрреволюцией, за установление Советской власти в Крыму, на Дону, Украине, Черноморском побережье Кавказа, а также в боях против белогвардейских банд генерала Щербачева и румынских интервентов.

Глава II. БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА СОХРАНЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В СВЯЗИ С ОККУПАЦИЕЙ УКРАИНЫ И КРЫМА ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ

1. Политическая обстановка в Севастополе и на флоте в феврале — апреле 1918 г.

В феврале—марте 1918 г. Советская власть одержала триумфальную победу на огромной территории страны. Трудящиеся России и всего мира на деле увидели, что Советская власть выражает их коренные интересы. Социалистическое государство сосредоточило свои силы на мирном строительстве. Однако на пути его созидательных планов встал классовый враг, пытавшийся уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Большевистская партия и Совет Народных Комиссаров в силу обстановки того времени вынуждены были отказаться от программного положения партии о социалистической милиции и приступить к созданию постоянных вооруженных сил. В результате огромной подготовительной творческой работы на заседании Совета Народных Комиссаров 15 января 1918 г. после внесения ленинских поправок, подчеркивавших классовый и добровольческий характер Красной Армии, был принят исторический декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». 29 января 1918 г. на заседании Совнаркома обсуждался проект декрета о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. С учетом поправок В. И. Ленина проект был принят за основу. Отредактированный специальной комиссией, он в тот же день был утвержден и 30 января объявлен приказом по флоту и морскому ведомству. «Российский флот, как и армия,— говорилось в декрете,— приведены преступлениями царского и буржуазного режимов и тяжелой войной в состояние великой разрухи... Для сохранения народного достояния и противопоставления организованной силы остаткам наемной армии капиталистов и буржуазии и для

поддержания, в случае необходимости, идей всемирного пролетариата приходится прибегать, как к переходной мере, к организации флота на началах рекомендации кандидатов партийными, профессиональными и другими массовыми демократическими организациями. Ввиду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: Флот, существующий на основании всеобщей воинской повинности царских законов, объявляется распущенным и организуется Социалистический Рабоче-Крестьянский Красный Флот...» [1]

Телеграмма о перестройке флота на принципе добровольности была получена в Севастополе 14 февраля 1918 г., а 17 февраля здесь начал работу II Общечерноморский съезд, на котором присутствовали делегаты от всех кораблей, частей и баз Черноморского флота. Для проведения декрета в жизнь съезд образовал 23 февраля комиссию по демобилизации флота и укомплектованию его на вольнонаемных началах. Комиссаром по демобилизации и укомплектованию Черноморского флота Совнарком утвердил В. В. Роменца. В конце марта комплектование Черноморского флота по вольному найму было в основном закончено. Чтобы сохранить боеспособность Черноморского флота, съезд принял постановление, в котором говорилось, что «ни один моряк, будь то из команды или экипажа, не может покинуть своего корабля или экипажа до получения уведомления о порядке роспуска флота. Всякий, нарушающий это постановление... объявляется врагом революции и будет предан революционному суду» [2].

По вопросу о власти в стране съезд в своей резолюции заявил, что «приветствует Центральный Исполнительный Комитет в лице Совета Народных Комиссаров, постановивших распустить Учредительное собрание, попытавшееся наложить лапу на народные завоевания» [3]. Однако по чрезвычайно острому и важному вопросу о заключении мира с Германией съезд под влиянием меньшевиков, левых эсеров и анархистов принял ошибочное решение поддержать «левых коммунистов» и троцкистов.

Заслушав выступление заведующего Морским отделом Военного секретариата Украины моряка Ю. Л. Любицкого, который рассказал о деятельности правительства Советской Украины, о борьбе украин-

ских рабочих и крестьян против Центральной рады и германских интервентов, съезд приветствовал «нарождавшуюся вновь Украинскую Советскую власть в лице Народного Секретариата и Центрального Исполнительного Комитета Советской Украины» и заявил, что «все свои силы черноморцы отдадут борьбе с всероссийской и мировой буржуазией и всеми теми, кто посмеет покушаться на эту власть» [4].

19 февраля, обсудив доклад о прекращении мирных переговоров в Брест-Литовске и вероломном наступлении кайзеровских войск, а также телеграмму протеста, посланную Совнаркомом в Берлин, II Общечерноморский съезд заявил: «Германское наступление на Двину, несмотря на заявление России о прекращении войны с Германией, есть акт самого грубого попрания миролюбия российского народа, отказавшегося как посылать свой народ на смерть, так и стрелять и уничтожать еще не прозревших немецких рабочих и крестьян». Съезд постановил оказать поддержку Совету Народных Комиссаров, считая это решение предварительным, и обещал «в борьбе за достижения революции тесно сплотиться вокруг как своих избранных органов, так и Совета Народных Комиссаров» [5].

Постановления II Общечерноморского съезда по главным, принципиальным вопросам свидетельствовали, что основная масса моряков Черноморского флота шла за большевиками. Однако при обсуждении ряда вопросов съезд проявил колебания и принял ошибочные решения. Например, о воссоздании Всероссийского Центрофлота, о ликвидации коллегии Народного комиссариата по морским делам, об организации профессиональных союзов для военных моряков и др. [6] Часть черноморцев находилась во власти эсеро-анархистских настроений и не понимала мероприятий Советского правительства по созданию регулярного военно-морского флота.

Влияние соглашателей сказалось и при решении организационных вопросов. Так, в новый состав руководящих органов Черноморского флота в большинстве вошли представители эсеро-меньшевистского блока. Председателем Центрального комитета Черноморского флота был избран бывший прапорщик эсер С. С. Кнорус, против которого возражали большевики. Съезд упразднил институт главных комиссаров в

портах Черного моря, хотя он сыграл большую роль в демократизации флота. Вместо большевика В. В. Роменца главным комиссаром Черноморского флота был избран левый эсер В. Б. Спиро, открыто выступавший против Брестского мира и впоследствии арестованный. В новом составе Центрофлота увеличилось число меньшевиков, эсеров, анархистов и украинских буржуазных националистов. Усиление влияния социал-предателей на II Общечерноморском съезде объяснялось тем, что его работа проходила в обстановке начавшегося наступления немецко-австрийских войск на Украине, когда многие матросы-большевики и сочувствующие им моряки с оружием в руках сражались против банд Центральной рады и войск иностранных интервентов.

После II Общечерноморского съезда, который завершил свою работу 2 марта 1918 г., эсеро-меньшевистское большинство Центрального комитета Черноморского флота и главный комиссар флота В. Б. Спиро пытались проводить провокационную политику, которая находилась в вопиющем противоречии со сложившейся обстановкой и указаниями Совета Народных Комиссаров. Вскоре после заключения Брестского мира на объединенном заседании Севастопольского Совета военных, рабочих и крестьянских депутатов, Центрального комитета Черноморского флота и Главного заводского комитета по предложению эсеров была принята резолюция, в которой указывалось, что подписание мира с германским правительством недействительно, что необходимо оказать сопротивление международной буржуазии, в частности германской, ибо «мир с германским правительством является соглашением с германской буржуазией, которая стремится уничтожить Советскую власть... объявить всему миру, что пролетариат и крестьянство Севастополя решили победить или погибнуть» [7].

7 марта 1918 г. по инициативе В. Б. Спиро был создан Южный комитет защиты социалистической революции, который подпал под влияние эсеров. Возглавляя комитет, Спиро предательски игнорировал указания Совнаркома по организации обороны Крыма, подрывал усилия большевиков по формированию боевых отрядов моряков для борьбы с контрреволюционерами и интервентами. Под влиянием В. Б. Спиро и левых

эсеров 23 марта 1918 г. экстренное пленарное заседание Центрофлота приняло соглашательскую резолюцию, в которой подчеркивалось, что Черноморский флот «есть достояние всей Российской Федеративной Республики Советов в составе Великороссии, Украины, Таврии, Кавказа и всех остальных частей... Действует совершенно самостоятельно... Окончательную судьбу Черноморского флота может решить свободный конгресс республик федерации Советов»[8]. Коллегия Морского комиссариата сурово осудила сепаратистскую резолюцию Центрофлота как крайне ошибочную и вредную, направленную на подрыв военной мощи Советской республики. Несмотря на это, В. Б. Спиро открыто выступил против Брестского мирного договора, так как в практической деятельности выполнял указания ЦК партии левых эсеров. На состоявшемся в середине марта многолюдном делегатском собрании представителей флота, крепости и рабочих Севастополя Спиро заявил, что «принятие германских мирных условий — предательство», и призвал собравшихся отказаться от «гнилого Севера» и продолжать борьбу с Германией[9].

Социал-предатели из Центрофлота приняли решение оказать военную помощь закавказскому контрреволюционному правительству. Это сепаратистское решение помимо Спиро активно поддержал начальник оперативного отдела Центрального комитета Черноморского флота М. П. Саблин. Посланный на основе этого решения румынский вспомогательный крейсер «Король Карл» был захвачен в Батумском порту бандами закавказских контрреволюционеров. Положение еще более осложнилось, когда голосами эсеров, меньшевиков и украинских националистов сначала 22 марта Центрофлот, а затем 30 марта делегатское собрание избрали командующим Черноморским флотом монархиста по убеждениям, скрытого врага Советской власти контр-адмирала М. П. Саблина. В приказе от 30 марта о вступлении в командование Черноморским флотом М. П. Саблин лицемерно писал: «Будучи коренным черноморцем и любя Черноморский флот, я считаю себя не в праве в такую трудную минуту отойти в сторону и нахожу своим долгом служить флоту, пока на это хватит моих сил... Я был всегда далек от политики...»[10] На самом деле Саблин проводил анти-

советскую политику, направленную на ослабление военной мощи Черноморского флота, и саботировал мероприятия Советского правительства по предотвращению захвата судов Черноморского флота германскими империалистами.

В феврале 1918 г. в Севастополе и на флоте резко обострилась классовая борьба и возросли экономические трудности. Из-за отсутствия денежных средств задерживалась выплата заработной платы рабочим, служащим и матросам. У Советской власти не было денег на самые насущные потребности. Критическое финансовое положение заставило советские органы власти прибегнуть к чрезвычайной мере — контрибуции. Еще 23 января 1918 г. Областной военно-революционный комитет и исполнительный комитет Севастопольского Совета издали декрет о чрезвычайном обложении буржуазии города в размере 10 млн. руб. В декрете указывалось, что в течение 48 часов (потом этот срок был продлен) эта сумма должна быть собрана с буржуазии путем самообложения и внесена в кассу финансового отдела исполкома Совета. Ялтинский Военно-революционный комитет обложил местную буржуазию на 20 млн. руб., Симферопольский — на 10 млн., Феодосийский — на 5 млн. руб. Упорное сопротивление буржуазии заставило Симферопольский Совет арестовать около 200 человек до внесения наложенной на них контрибуции. Контрибуция помимо улучшения финансового положения Советской власти преследовала цель подрыва экономической мощи буржуазии. Севастопольская буржуазия саботировала постановление об обложении. Всего было собрано разного рода ценностей на три с небольшим миллиона рублей [11]. Такое поведение буржуазии в момент суровых испытаний, выпавших на долю первого в мире социалистического государства, вызвало крайнее недовольство и возмущение моряков и грозило стихийным взрывом.

14 февраля 1918 г. в Севастополь привезли прах 27 матросов, павших в борьбе с донской контрреволюцией. Похороны были назначены на 15 февраля на военном Михайловском кладбище. В день похорон в городе был объявлен всеобщий траур, Центрофлот отменил все увеселительные мероприятия [12]. Торжественные похороны борцов за победу пролетарской рево-

люции вылились в мощную демонстрацию преданности моряков-черноморцев Советской власти. Буржуазные элементы и соглашатели решили действовать.

16 февраля 1918 г. фракция эсеров заявила о своем возвращении в состав исполнительного комитета Совета. На следующий день состоялось общее собрание партии эсеров, где левый эсер В. Б. Спиро выступил с докладом на тему «Борьба за мир и интернациональное движение в европейских государствах» [13]. Он осуждал мирную политику Советского правительства и всячески отстаивал необходимость «революционной войны» как средства, способного «подтолкнуть» революцию на Западе. Социал-предатели готовились к открытому выступлению против Советской власти и проводимой ею мирной политики.

После прекращения мирных переговоров в Брест-Литовске и начавшегося 18 февраля 1918 г. австро-германского наступления от Балтийского до Черного моря буржуазия воспрянула духом и встала на путь контрреволюционных выступлений против Советской власти. В воззвании от 21 февраля 1918 г. Верховный главнокомандующий вооруженных сил Советской республики Н. В. Крыленко указывал, что буржуазия и ее агенты теперь ждут не дождутся момента пришествия немцев, которые должны избавить их от власти рабочих и крестьян, от власти Советов. В Двинске и других занятых немцами городах буржуазия всех национальностей — русская, украинская, польская, белорусская — объединилась в ненависти к Советской власти и с помощью интервентов стремится к ее низвержению. Недаром Украинская рада старается восстановить свою власть при помощи австрийских штыков, молдавская буржуазия — при помощи румынских солдат [14].

Срыв мирных переговоров державами Четверного союза меньшевики, эсеры, буржуазные элементы и контрреволюционное офицерство Севастополя расценили как благоприятный момент для выступления против Советской власти. 20 февраля 1918 г. около 11 часов вечера вооруженная группа меньшевиков и эсеров с возгласами «Да здравствует свобода печати!» ворвалась в типографию газеты «Таврическая правда» и отпечатала прокламацию «Бюллетень мира»,

направленную всецело против Брестского мира. Прокламация была заключена в траурную рамку, что должно было означать гибель русской революции под ударами германских империалистов. Этот антисоветский листок нарасхват раскупался буржуазной и мещанской публикой, гулявшей на улицах и бульварах Севастополя [15].

21 февраля на заседании Севастопольского Совета после двухмесячного саботажа появились лидеры меньшевиков и правых эсеров Канторович, Риш, Бируля и др. При обсуждении вопроса о текущем моменте в связи с воззванием Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!» своими демагогическими речами и издевательством над принципами пролетарской солидарности лидеры меньшевиков и эсеров вызвали гневное возмущение матросов. На заседании Совета, по свидетельству Н. А. Пожарова, лидеры социал-предателей вели себя возмутительно по отношению к Совнаркому, матросы же защищали Советскую власть [16].

Все эти обстоятельства и подготовили почву для стихийного вооруженного выступления матросской массы в Севастополе 22—25 февраля 1918 г., которым воспользовались контрреволюционные, анархиствующие и мародерствующие элементы.

С согласия председателя Центрофлота С. И. Романовского на линейном корабле «Борец за свободу» состоялось собрание судовых комитетов, которое решило, «не теряя много слов, перейти к делу, т. е. заставить буржуазию снова опустить голову, которую она подняла под влиянием немецких успехов. Намечен был ряд действий вплоть до поголовного истребления буржуазии». Сначала собрание выбрало комиссию в составе Романовского, анархиста Басова и Шмакова, затем ее расширили до 25 человек. Под руководством этой комиссии к 12 часам ночи на Каменной пристани собралось более 2500 матросов, желавших расправиться с буржуазией [17].

21 февраля около 11 часов вечера, после заседания Севастопольского Совета, члены исполкома узнали от анархиста Басова, который просил у исполкома автомобили, чтобы развести патрули и караулы для оцепления всего города, что на судах создана комиссия, решившая расправиться с буржуазией Севастополя.

«Мы,— говорил Н. А. Пожаров на II Общечерноморском съезде,— решили этому противодействовать. Я и П. З. Марченко отправились на Каменную пристань, говорили с матросами, уговаривали, останавливали, просили их, чтобы этого не было. Нас не хотели слушать. У них была одна мысль — уничтожить буржуазию. Это было против воли Совета, и на эту просьбу нам отвечали: «Не хотите — не надо. Мы сами это сделаем, а вас знать больше не хотим». Среди матросов велась агитация, что буржуазия восстала против власти Совета, что надо идти защищать эту власть. Инициаторы и руководители выступления шли против Советской власти и революции. Никакая опасность не угрожала Совету — матросы были обмануты» [18].

Около двух часов ночи вооруженная толпа возбужденных матросов ринулась на уснувший город. Начались массовые обыски, грабежи, убийства, расстрелы. Сначала выводили из тюрьмы осужденных контрреволюционеров, а затем стали расстреливать без суда и следствия.

23 февраля исполкому Совета и Областному военно-революционному комитету удалось днем провести вооруженную демонстрацию. По нарядам с кораблей и частей на Нахимовскую площадь были вызваны вооруженные отряды, которые прошли по городу стройными рядами, но рабочие порта, деморализованные происходившими прошлой ночью событиями, в демонстрации почти не участвовали. После разъяснения участникам демонстрации недопустимости стихийных выступлений, подрывающих авторитет Советской власти, матросы осудили действия мародеров, обещали расправиться с ними по первому зову исполкома Совета и ревкома и мирно разошлись по кораблям [19]. По городу были расставлены караулы и патрули. Однако в ночь с 23 на 24 февраля эксцессы повторились, хотя и в меньших размерах. И только 25 февраля, когда команды некоторых кораблей («Свободная Россия», «Воля» и др.), солдаты крепостных батарей и рабочие порта потребовали от Совета наказания участников самосудов и мародеров и предложили свою помощь по их задержанию, грабежи и самосуды прекратились.

Вопреки утверждению П. Н. Надинского и других авторов [20] необходимо отметить, что в течение трех дней, с 22 по 25 февраля, Севастопольский исполком

и Областной ревком были фактически терроризированы, в результате чего бездействовали. Только отдельные члены этих организаций, такие, как Н. А. Пожаров, О. Х. Алексакис, П. З. Марченко, Н. К. Сапронов, Ю. П. Гавен, и некоторые другие пытались удержать разбушевавшуюся матросскую массу путем морального воздействия, уговоров и компромиссных решений. Следует отметить, что наиболее опытные и авторитетные руководители севастопольских большевиков во время назревания и в начале событий отсутствовали. Н. И. Островская еще в конце декабря выехала из Севастополя в Москву, а Ю. П. Гавен 22 февраля находился в Симферопольском округе, в Сарабузе. О севастопольских делах он узнал лишь вечером 23 февраля и приехал в Севастополь ночью, в разгар стихийного выступления матросов. Только 24 февраля, когда выяснилось отрицательное отношение некоторых частей к вооруженному выступлению, исполком Совета решил собраться для обсуждения создавшегося в городе положения, причем на заседание пришли только члены фракции большевиков и левых эсеров. Исполком Совета резко осудил стихийное выступление матросской массы.

Для обсуждения февральских событий и отношения к ним Севастопольский Совет смог собраться только 26 февраля, да и то далеко не в полном составе. Особенно сильно поредели фракции эсеров и меньшевиков. С докладами на заседании выступили Н. А. Пожаров и товарищ председателя исполкома Совета О. Х. Алексакис.

27 февраля события 22—25 февраля стали предметом специального обсуждения на II Общечерноморском флотском съезде, который во время стихийного вооруженного выступления вынужден был прервать свою работу. На заседание 27 февраля были приглашены члены Севастопольского Совета, Центрофлота, Областного военно-революционного комитета, представители Севастопольской большевистской партийной организации, судовых и береговых комитетов флота. На заседание явилось множество матросов, которые заполнили огромный зал Морского собрания и прилегающие помещения.

До возобновления текущей работы II Общечерноморский съезд должен был высказать от имени всего

Черноморского флота свое отношение к событиям, происшедшим в Севастополе с 22 по 25 февраля. Необходимо было также дать ответ на запрос Совета Народных Комиссаров о причинах стихийного выступления черноморцев и найти виновников этих событий. После открытия заседания съезда председатель предоставил слово главному комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу, который сообщил о запросе Совнаркома и призвал участников собрания «эти печальные события осветить со всех сторон». «...Надо по порядку изложить все события,— говорил В. В. Роменец,— надо найти тех людей, которые были причиной этого... Народным комиссарам надо послать ответ от всего Черноморского флота, и ответ самый определенный. Это до́лжно пресечь, надо сказать свое слово осуждения» [21].

С глубоким анализом причин февральских событий и их развития выступил на съезде председатель Севастопольского Совета Н. А. Пожаров. «Чтобы не иметь превратное понятие о флоте,— заявил он,— надо выяснить причины, по которым это движение началось и происходило. Причины здесь, конечно, политические, международные». Н. А. Пожаров охарактеризовал провокационные действия севастопольской буржуазии, лидеров партий социал-предателей и позицию Севастопольского Совета в это время: «Мы учитывали все и обсудили меры, когда нас предупредили, что контрреволюция подняла голову, что на Совете произносились контрреволюционные речи. Но помощи нам никакой было не нужно, на нас никто не нападал. Это шло помимо нас, это движение оказало нам медвежью услугу, оно подорвало нашу власть в глазах народа» [22].

Подавляющее большинство ораторов клеймили позором участников преступлений и требовали самого сурового наказания для инициаторов кровавых событий, опозоривших доброе имя Черноморского флота. Со страстной обличительной речью на съезде выступил товарищ председателя исполкома Севастопольского Совета О. Х. Алексакис. «Теперь, когда у нас есть власть, нам не страшен никто, нам не страшен буржуй. Теперь, когда мы схватили его за горло, вы,— говорил он в адрес анархистов,— идете темной ночью и убиваете беззащитных людей. Теперь, когда вы стали

у власти, стыдно, позорно убивать беззащитных, даже недавних наших классовых врагов» [23]. В ходе обсуждения выяснилось, что стихийным вооруженным выступлением моряков воспользовались черносотенцы и контрреволюционеры. Под предлогом борьбы с буржуазией они составили списки видных партийных и советских работников Севастополя и флота, которые должны быть расстреляны. Первыми в списках значились В. В. Роменец, Н. А. Пожаров и др. [24]

О стихийном выступлении в Севастополе II Общечерноморский съезд принял следующую резолюцию: «Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе... Немедленно создать комиссию для установления степени виновности замешанных лиц и решить, как с ними быть и меры пресечения. Все судовые комитеты и товарищи матросы обязуются способствовать раскрытию этого гнусного дела, дабы показать пролетариату западных государств, что русские социалисты не палачи, подобно царским». Через несколько дней на съезде были зачитаны резолюции судовых комитетов и команд Черноморского флота. Команда линкора «Ростислав» в своей резолюции призывала: «Пусть опомнится каждый безумец, легко поддавшийся на удочку черной сотне, которая выступлением своим не оказала поддержку Совету... а постаралась подорвать его...» [25]

На ход февральских событий наложили свой отпечаток анархисты, пользовавшиеся в Черноморском флоте известным влиянием. Еще во второй половине 1917 г. Н. И. Островская в ряде писем в ЦК РСДРП(б) сообщала о росте анархистских настроений во флоте, чему в значительной мере способствовал мелкобуржуазный состав матросов. Используя рост влияния большевиков в массах, анархисты, не имевшие четкой программы, нередко пытались выдавать себя за большевиков. Они, писала Н. И. Островская в ЦК РСДРП(б), «выступают инкогнито, иной раз говорят с трибуны, что «Ленин — анархист», что большевики и анархисты смотрят на все одинаково». В этом им помогали севастопольские эсеры во главе с Бунаковым-Фундаминским, которые также утверждали, что «большевики — анархисты». В письме от 10 октября 1917 г. Н. И. Островская указывала: «...за последнее время анархисты развелись... их принимают за нас. Наши не отходят,

но масса «левеет» по-анархистски, при южном темпераменте и *политической* невоспитанности это может привести к хлопотам немалым и не вовремя, главное» [26]. После Октября анархизм стал вырождаться в антинародное контрреволюционное течение. Контрреволюционную роль анархисты сыграли и в событиях 22—25 февраля в Севастополе, когда им удалось увлечь за собой политически отсталую часть матросов.

Одной из причин февральских событий в Севастополе было ослабление политической и организационной работы партии среди матросов. Несмотря на то что Севастопольская большевистская организация была самой крупной в Крыму, в ее рядах в конце февраля 1918 г. насчитывалось всего лишь около 400 человек, причем многие большевики сражались в красногвардейских отрядах за Советскую власть. Положение усугублялось еще и тем, что многие большевики ушли на советскую работу и, занятые текущими делами, отошли от партийной работы, ослабили свое влияние на массы. На этот факт обращала внимание губернская партийная конференция, проходившая в Симферополе 15(29) марта 1918 г. [27]

Февральские события 1918 г. повлияли на политическую обстановку и ход событий в Севастополе и на Черноморском флоте в марте—апреле 1918 г. Так, они породили разногласия между моряками Черноморского флота и рабочими Севастопольского порта, составлявшими ядро рабочего класса города. Союз рабочих и служащих порта в конце февраля 1918 г. насчитывал около 8 тыс. членов. Это был один из наиболее многочисленных союзов юга России [28], но он был заражен мелкобуржуазными настроениями. Большевистское влияние здесь было довольно слабым. Недовольство рабочих стихийным выступлением 22—25 февраля постепенно переросло во вражду к матросам. Обострение отношений между значительной частью рабочих порта и моряками флота было вызвано тем, что виновники февральских событий не были наказаны, несмотря на требования рабочих и сознательных матросов. Этим воспользовались меньшевистские лидеры, которые предложили создать из рабочих порта «дружины самообороны» на случай повторения анархических выступлений матросов.

Февральские события способствовали разложению партии эсеров. В связи со значительным ростом числа левых эсеров встал вопрос о роспуске севастопольской организации социалистов-революционеров. Во второй половине февраля 1918 г. общее собрание партии эсеров большинством голосов при четырех воздержавшихся и пяти против решило распустить свою организацию и приступить к организации левого крыла [29]. Революционно настроенные матросы вышли из партии и под руководством большевиков вступили на путь борьбы с контрреволюцией и интервенцией.

В результате демобилизации и незавершенности комплектования по вольному найму личный состав флота значительно уменьшился, а он являлся опорой большевистской организации и Советской власти в Севастополе. Наиболее активная и сознательная часть моряков под руководством большевиков сражалась против контрреволюционной Центральной рады, белогвардейцев и немецких интервентов. Поэтому в середине апреля 1918 г. личный состав Черноморского флота насчитывал всего лишь 7 тыс. матросов [30]. В Севастополе возросли трудности экономического порядка, так как Крым оказался отрезанным от Центральной России. Уходом большевиков на фронт воспользовались все враги пролетарской революции, начиная с буржуазии, контрреволюционного офицерства, украинских и татарских националистов и кончая меньшевиками, эсерами и анархистами. Они готовились нанести удар в спину.

Организация меньшевиков оправилась от деморализации и, используя ослабление большевистской партийной работы, приступила к обработке рабочих порта, городских мещан и интеллигентов в духе своей мелкобуржуазной идеологии. Меньшевики спекулировали на враждебном отношении мелкобуржуазных элементов к морякам, выступали на митингах и собраниях под лозунгами «единой демократии», под маской беспартийности. Ссылаясь на истечение срока полномочий, меньшевистские лидеры потребовали перевыборов Севастопольского Совета, где они были в меньшинстве, чтобы таким путем изолировать большевиков и захватить власть в Совете в свои руки. Идея перевыборов Совета в момент наступления кайзеровских войск, когда враг был у ворот Крыма, слу-

жила на руку врагам революции. Под влиянием меньшевиков 18 марта 1918 г. собрание рабочих и служащих порта приняло решение переизбрать Совет к 27 марта и создать специальную комиссию из представителей рабочих, служащих и воинских частей для передачи всех дел и имущества вновь избранным членам Совета [31].

Перевыборы Севастопольского Совета проводились в начале апреля 1918 г. В период подготовки выборов, воспользовавшись внутренними и внешнеполитическими трудностями Советской власти, буржуазия и социал-предатели развернули бешеную антибольшевистскую и антисоветскую кампанию. Большевикам, лучшие силы которых сражались на многочисленных фронтах, трудно было противостоять этому контрреволюционному натиску. Результаты выборов сложились для них неблагоприятно. В новом Совете большевики составляли около 30%, левые эсеры — 15, меньшевики и правые эсеры — 20—25, беспартийные, которые в своем большинстве тяготели к социал-предателям,— 30—35% [32]. Хотя большевики в Совете составили самую многочисленную фракцию, все же блок социал-предателей и примыкавших к ним беспартийных располагал формальным большинством. Поэтому Севастопольский комитет большевиков, чтобы удалить из Совета его контрреволюционное крыло и создать подлинно революционный орган власти, способный руководить защитой социалистических завоеваний, решил пойти на чрезвычайные меры — предложить новому составу Совета путем голосования выявить свое отношение к Советской власти.

10 апреля 1918 г. состоялось объединенное заседание Совета старого и нового созыва. От имени большевистской фракции товарищ председателя исполкома старого состава О. Х. Алексакис предложил резолюцию за безусловное признание и всемерную поддержку Советской власти на местах и Совета Народных Комиссаров в центре и требовавшую выделения средств на содержание революционных отрядов в Крыму. Резолюция была поставлена на голосование, но меньшевики и правые эсеры заявили протест и подняли страшный шум. Атмосфера неимоверно накалилась. По просьбе большевиков в зале заседания появился патруль из коммунистического конно-пулемет-

ного отряда. Правое крыло, руководимое меньшевиками и правыми эсерами, с шумным протестом покинуло зал заседаний.

Левое крыло депутатов — большевики, левые эсеры, польские социал-демократы и часть беспартийных — заявило о выходе из соглашательского Совета и образовало временный революционный Совет и его исполнительный комитет [33]. Таким образом, в Севастополе образовалось два Совета — большевистский и эсеро-меньшевистский.

С первого же дня временный революционный Совет и его исполнительный комитет прилагали усилия к тому, чтобы сконструировать в Севастополе подлинно революционный орган власти. Однако это не удалось. Эсеро-меньшевистское руководство Центрального комитета Черноморского флота под маской беспартийности фактически стало на сторону эсеро-меньшевистского Совета.

После поражения в Совете меньшевики решили спровоцировать рабочих, а также контрреволюционные элементы города на выступление против Советской власти, используя для этой цели вооруженную «дружину самообороны», созданную из рабочих порта по их инициативе. Во главе портовой дружины стоял комитет под председательством Шайтана. Начальником дружины был полковник Николаев. Активную роль в выступлении дружины сыграл председатель союза металлистов Горячко. Социал-предатели, опираясь на руководство дружины, обосновались в здании таможни и в ночь на 11 апреля 1918 г. решили захватить власть в Севастополе. Они открыли склады оружия и начали вооружать гимназистов, офицеров, членов союза увечных воинов и других контрреволюционеров. В ту ночь они раздали контрреволюционерам до 7 тыс. винтовок, несколько пулеметов, много патронов и ручных гранат [34].

Подняв восстание против Советской власти, социал-предатели захватили несколько советских учреждений, в частности банк, телефонную станцию, совершили нападение на помещение большевистского комитета с целью уничтожить руководителей большевиков, но это им не удалось. Отряд портовой дружины, захватив броневик, из засады у тюрьмы напал на патруль моряков, который направлялся по распоряжению

Областного военно-революционного штаба в Стрелецкую бухту для охраны складов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Трое моряков было убито и несколько ранено [35].

Деятельность Областного военно-революционного штаба и Военно-морского комиссариата по борьбе с повстанцами осложнялась тем, что находившиеся в их распоряжении воинские части сражались на фронте, а в городе войск было очень мало. Но благодаря энергичным мерам, предпринятым большевиками, и прежде всего Военно-морским комиссариатом и Областным военно-революционным штабом во главе с Н. К. Сапроновым, восстание было быстро подавлено. Однако обстановка в городе оставалась напряженной: имели место вооруженные столкновения, часть рабочих бастовала.

Обострением классовой борьбы решило воспользоваться эсеро-меньшевистское руководство Центрального комитета Черноморского флота. 11 апреля Центрофлот поставил на обсуждение делегатского собрания моряков вопрос о двух Советах. Революционные моряки требовали решительной расправы с контрреволюционерами. Центрофлот проводил примиренческую политику, но фактически защищал социал-предателей. Собрание носило настолько бурный характер, что никакого решения о власти в Севастополе не было принято.

12 апреля Центрофлот разослал судовым комитетам телеграмму, в которой говорилось: «Прошу ни одного вооруженного человека на берег не отпускать, ввиду того что контрреволюция старается вызвать вооруженное столкновение... Заводским комитетом официально заявлено, что гудок будет дан на заводе в установленное время и рабочие должны стать на работу». Кроме того, в тот же день Центрофлот послал радиограмму, в которой предупреждал моряков, что «могущая начаться кровавая война между рабочими и матросами может привести к гибели всего Севастополя и всего флота, поэтому каждый свободный гражданин, идущий сейчас с оружием в руках на политическую борьбу, должен знать о громадной, лежащей на нем ответственности». В заключение Центрофлот утверждал, что он — «орган технический» и «не имеет права вступать в политическую борьбу» [36]. На

самом деле эсеро-меньшевистское руководство Центрофлота вступило на путь борьбы с большевиками, взяв под защиту местную контрреволюцию.

12 апреля состоялось чрезвычайное пленарное заседание Центрофлота, на котором была принята следующая резолюция: «Ввиду создавшегося положения в городе Севастополе и для предотвращения крайне вредной для революции и трудового пролетариата междуусобицы между двумя частями демократии Центральный комитет Черноморского флота постановляет: «Объявить город, флот и крепость на военном положении до организации Советской власти в Севастополе. Предложить Военно-морскому комиссариату в свою очередь объявить военное положение в подведомственных ему частях. Немедленно пригласить для совместной работы представителей Главного заводского комитета и Военно-морского комиссариата»». На основе этой резолюции флоту, Областному военно-революционному штабу и портовой дружине была послана радиограмма, в которой говорилось о введении во флоте и крепости с 22 часов 12 апреля военного положения. С этого времени «все судовые и береговые комитеты частей, а равно и военные моряки» были обязаны «беспрекословно исполнять приказания только Центрофлота», так как все другие распоряжения считались «недействительными» [37].

Центральный комитет Черноморского флота потребовал от судовых комитетов подготовить караулы по 20 человек и по его требованию выслать их на Красную пристань в распоряжение члена Центрофлота для наведения порядка в городе. Вместе с солдатами и рабочими матросы принимали участие в охране государственных учреждений Севастополя. Во всех учреждениях устанавливались смешанные караулы: матрос, солдат и рабочий. В связи с напряженным положением в Севастополе и распространением всевозможных провокационных слухов по указанию Центрофлота 13 апреля все суда Черноморского флота были приведены в боевую готовность [38].

12 апреля исполнительный комитет Временного революционного Совета сообщил о роспуске эсеро-меньшевистского Совета, отказавшегося выполнить требования революционных отрядов, и назначил новые выборы, «надеясь, что трудящиеся выберут в Совет

истинных революционеров». Исполком предложил всем членам комиссий прежнего состава Совета приступить к своим делам. На 12 часов того же дня президиум Временного революционного Совета наметил созвать на Сенной площади митинг для обсуждения текущего момента, но по указанию Центрофлота митинг был запрещен. 14 апреля Центрофлот издал распоряжение: «...все митинги и собрания могут состояться только в закрытых помещениях с санкции на то Центрофлота» [39].

Продолжая борьбу за создание в Севастополе подлинно революционного органа власти, президиум Временного революционного Совета назначил на 9 часов утра 13 апреля в здании Совета объединенное заседание «для выяснения вопроса о конструировании власти в г. Севастополе впредь до перевыборов Совета». Однако оно не состоялось из-за неявки депутатов соглашательского Совета. Тогда президиум назначил на 3 часа дня 14 апреля в театре «Ренессанс» собрание Временного революционного Совета, но Центрофлот его запретил на том основании, что «попытки создания новой временной единой власти в Севастополе до образования власти Совета в настоящий момент разгара страстей могли бы породить вторично нежелательные явления в рядах демократии» [40].

16 апреля на собрании делегатов от всех кораблей флота, воинских частей гарнизона и заводского комитета, созванном Центрофлотом на линкоре «Воля», обсуждался вопрос об обороне Крыма и о формировании власти в Севастополе. Председатель Центрофлота С. С. Кнорус всячески пытался доказать, что разногласия между старым и новым составом Совета вынудили Центрофлот взять власть в свои руки и в этом его большая заслуга. Однако большевики и сознательные матросы, солдаты и рабочие категорически возражали против этого утверждения. Собрание носило бурный характер.

«Власть взял Центрофлот, и в том ошибка,— заявил большевик Яковенко. — Думаю, что мы должны поддержать Советскую власть, без этой власти мы жить не можем, но при условии, чтобы все стояли по одну сторону баррикады... Я знаю, что много есть таких, кто хочет фабриковать что-то иное вместо власти Советов. Все это все равно распадется, как распа-

лось все, создаваемое оборонческими партиями... Под знаменем Российской Коммунистической партии надо сейчас создать у нас власть. Если вы хотите уклониться — вас ждет гибель»[41].

Меньшевики, правые эсеры и украинские националисты выступили в поддержку Центрофлота. Взявший вслед за Яковенко слово меньшевик Козенко заявил, что Яковенко — «просто агитатор, здесь не место агитации»[42].

Представитель подводной бригады зачитал резолюцию, в которой говорилось: «В настоящий критический момент безвластие гибельно для революции, а также для защиты Крыма. Мы требуем выбрать новый Совет из рабочих, солдат и матросов». Делегат эсминца «Керчь» выступил с резолюцией общего собрания команды. «Объявить войну тем паразитам,— говорилось в резолюции,— которые идут против Советской власти и трудового народа, и через 24 часа должен быть восстановлен Революционный Совет на месте, в который не должно входить правое крыло, и, когда такой Совет будет у власти, мы требуем переизбрания Центрофлота». В заключение делегат «Керчи» потребовал, чтобы было назначено следствие над организаторами вооруженного выступления 10—12 апреля, штаб которых находился в таможне. «Там есть оружие,— заявил он,— там вооружили буржуев. Мы не можем допустить, чтобы наша кровь пролилась даром. Мы всегда были на защите Советской власти». Большевик В. А. Басенко, хотя он и являлся членом Центрофлота, прямо заявил: «Я смотрю на Центрофлот как на нежелательное явление в смысле власти»[43].

Несмотря на острую политическую борьбу, Центрофлоту удалось голосами меньшевиков, правых эсеров, украинских буржуазных националистов и примкнувших к ним беспартийных провести на делегатском собрании резолюцию, согласно которой власть в Севастополе поручалась Центрофлоту до организации нового Совета. Большевистский и эсеро-меньшевистский Советы были распущены и избрана мандатная комиссия для организации новых выборов в период с 17 по 20 апреля. В меньшевистско-эсеровскую резолюцию большевикам удалось внести поправку В. А. Басенко, согласно которой «в Совет могут входить только лица,

которые признают Советскую власть и социалистические завоевания Октября» [44].

Таким образом, Центральный комитет Черноморского флота, вместо того чтобы решительно встать на сторону Временного революционного Совета и Военноморского комиссариата, которому он был формально подчинен, располагая вооруженными силами для решительного подавления восстания 10—12 апреля, выступил в роли посредника, арбитра, а точнее, защитника отколовшейся контрреволюционной части Совета, которая стала оплотом и центром притяжения всех антисоветских, антибольшевистских сил.

19 апреля 1918 г., когда немецкие и гайдамацкие части захватили Перекоп и ворвались в Крым, в Севастополе был сконструирован новый Совет, так называемый беспартийный. Большинство в нем принадлежало меньшевикам и правым эсерам. Большевики, занятые борьбой на фронте, организацией обороны Крыма, не имели возможности принять активное участие в выборах Совета. 20 апреля 1918 г. Центрофлот передал власть вновь избранному Севастопольскому Совету. В тот же день исполком Совета выпустил обращение, в котором вынес «благодарность Центрофлоту, сумевшему в момент безвластия предотвратить могущие быть беспорядки». По предложению меньшевиков Совет возглавил некий беспартийный Диксергоф, личность довольно темная. В Севастополе он появился в период апрельских событий, как председатель Совета ничем себя не проявил. Во время оккупации Крыма германскими войсками Диксергоф остался в Севастополе и работал переводчиком в одном немецком штабе [45].

2. Мероприятия Советского правительства по эвакуации Черноморского флота из Севастополя

18 февраля 1918 г., нарушив условия перемирия, австро-германские войска начали наступление по всему Восточному фронту, от Балтийского до Черного моря. Враг наступал по трем направлениям: Северному, или Петроградскому, где действовала армия генерала Кирхбаха в составе 15 немецких дивизий и бригад с нарвской и псковской ударными группировками;

Центральному, или Белорусскому, где наступала 10-я армия генерала Фалькенгайна в составе 10 немецких дивизий и бригад; Южному, или Украинскому, где наступала армия Линзингена в составе 24 немецких дивизий и бригад и 26 австро-венгерских дивизий. Таким образом, южная, или украинская, группировка австро-германских войск была наиболее мощной и насчитывала свыше 400 тыс. человек[1]. Ее целью был захват Украины, Крыма, Донецкой области, Северного Кавказа и Закавказья.

3 марта 1918 г., преодолев упорное сопротивление «левых коммунистов» и троцкистов, Советское правительство подписало мирный договор с Германией и ее союзниками. Состоявшийся 6—8 марта VII Экстренный съезд партии одобрил ленинский курс на мирную передышку и заключение Брестского мира. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, заседавший 14—16 марта, ратифицировал Брест-Литовский мирный договор.

В первой статье Брестского мирного договора записано, что состояние войны между договаривающимися сторонами прекращается, что они «решили впредь жить между собой в мире и дружбе». О Военно-Морском Флоте Советской России речь шла в пятой статье договора. В ней говорилось, что «военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит. Военные суда государств, пребывающих и далее в состоянии войны с державами Четверного союза, поскольку эти суда находятся в сфере власти России, приравниваются к русским военным судам... В Балтийском море и в подвластных России частях Черного моря немедленно должно начаться удаление минных заграждений. Торговое судоходство в этих морских областях свободно и немедленно возобновляется»[2]. Таким образом, в соответствии с положениями пятой статьи Брестского мирного договора советские военные суда могли оставаться неразоруженными в русских портах до заключения всеобщего мира, плавать в своих территориальных водах, переходить из одной русской гавани в другую.

После заключения мирного договора продвижение вражеских войск в пределы Советской России было прекращено. На Украине же под прикрытием подпи-

санного с буржуазно-националистической Центральной радой договора интервенты продолжали наступление. Австро-германские войска на Украине одновременно действовали по нескольким направлениям, главными из которых были Киевское и Одесское [3]. Вместе с войсками интервентов наступали остатки банд Центральной рады во главе с Петлюрой.

В этих условиях положение Черноморского флота становилось все более сложным и напряженным. Флот, как составная часть вооруженных сил государства, подписавшего мирный договор с державами Четверного союза, не должен был принимать участия в военных операциях, так как военные действия с его стороны могли повлечь за собой тяжелые последствия — срыв Брестского мирного договора и начало военных действий против Советской республики. Вместе с тем австро-германские войска захватывали черноморские порты, где находились корабли и имущество флота, оккупировали города и территории, не входившие в состав Украины, совершали провокационные акты на суше и на море, угрожали вторжением в Крым. Поэтому необходимо было принимать экстренные меры к спасению судов от захвата немецкими интервентами, укреплять боеспособность флота на случай провокационных действий германской военщины.

Отвечая на вопрос анкеты Центрального Комитета партии «Отношение вашей организации к вопросу войны и мира, в частности отношение самих масс», делегат VII съезда РКП(б) от Севастопольской большевистской организации Н. И. Островская писала: «Одобряет политику Совнаркома и, ознакомившись о фактическом состоянии наших военно-технических сил, думается, будет несомненно за ратификацию, но сама организация формирует отряды и уже послала миноносцы на помощь Одессе, на которую наступают со стороны Румынии немцы. Фактически организация, одобрив общую ратификацию мира, сама в настоящий момент в состоянии войны с германо-румынскими войсками» [4].

Как уже отмечалось, один из своих главных ударов австро-германские войска направили против Одессы, хотя она в то время не входила в состав Украины. Фельдмаршал Макензен снял свой корпус с Румынского фронта и двинул его дивизии против Одессы.

Немецкое командование учитывало важное стратегическое положение города-порта, а кроме того, стремилось захватить находившиеся в Одессе большие военные запасы для Румынского фронта и стоявшие на рейде военные и транспортные суда.

Наступление австро-германских войск на Одессу вызвало озабоченность руководства Черноморского флота судьбой кораблей, находившихся в Одессе и строившихся в Николаеве. Еще 6 марта 1918 г. оперативный отдел Центрального комитета Черноморского флота предлагал «теперь же приступить к выводу из Одессы излишних судов и транспортов и из Николаева тех судов и транспортов, готовность которых, хотя бы не вполне законченная, дает возможность им оттуда выйти» [5].

В. И. Ленин внимательно следил за событиями в Одессе. Между Одессой и Советским правительством в Петрограде была установлена постоянная связь. После взятия немцами 1 марта 1918 г. Киева на Одесском направлении сложилась тяжелая обстановка. В начале марта 1918 г. критическое положение Одессы вызывало большую тревогу у Советского правительства и местных органов Советской власти. В этих чрезвычайных обстоятельствах перед Одесским Совнаркомом и Советом матросских депутатов как первоочередные стояли следующие задачи: всеми силами и средствами затруднять продвижение врага, отступать без паники, организованно; объединить силы частей Красной Армии, военных моряков и вооруженных рабочих и в наиболее выгодные моменты наносить удары по врагу. Было решено безотлагательно объявить город на осадном положении, привлечь все взрослое население к рытью окопов, беспощадно подавлять всякие проявления контрреволюционной деятельности, а в случае явной угрозы Одессе без малейшего промедления приступить к вывозу из города запасов хлеба, металла, ценностей Государственного банка, эвакуации наиболее важных учреждений [6].

Меры борьбы с наступающими австро-германскими войсками были приняты к исполнению как советскими органами Одессы, так и моряками Черноморского флота. 8 марта комиссар транспортной флотилии П. Т. Кондренко обратился в Центрофлот с рядом телеграмм, в которых просил оказать помощь в обороне

и эвакуации Одессы. «Вышлите в Одессу все имеющиеся у вас миноносцы, транспортные и буксирные средства для эвакуации. Предложите ледоколу в Мариуполе идти в Одессу»,— говорилось в одной из них. «Вышлите срочно пустые гидрокрейсера для вывоза одесских аппаратов» [7],— говорилось в другой.

Для усиления обороны из Севастополя был направлен отряд военных кораблей во главе с линкором «Ростислав». В тот же день, 8 марта, в Одессе были получены телеграммы из Севастополя: «Зажгите Цареградский маяк. «Ростислав»»; «Буду у Цареградского маяка в 15 часов. Иду в Одессу с отрядом. «Дакия»» [8].

Поздно вечером 8 марта, в день прибытия из Севастополя «Ростислава» и группы эсминцев, в Одессе состоялось совещание представителей всех судов, стоявших на рейде: линкора «Синоп», вспомогательного судна «Алмаз», гидрокрейсера «Румыния», эсминцев «Звонкий», «Завидный», «Зоркий», «Жаркий», «Живой», бригады траления, а также отрядов гидроавиации и других морских частей. В принятой резолюции моряки заявляли: «Мы клянемся защищать город до последней капли крови, и мы скорее разрушим его и не оставим камня на камне, чем отдадим в руки врагу, и пусть тот, кто не захочет стать на его защиту и бросит нас, борцов за свободу, пусть будет виной его разрушения» [9]. Многие матросы с «Ростислава», «Синопа» и других кораблей сошли на берег и с оружием в руках влились в ряды защитников Одессы.

Хорошо дисциплинированные и вооруженные австро-германские войска приближались к Одессе. Ожесточенные бои с врагом шли вдоль железнодорожных линий Жмеринка — Вапнярка — Слободка. Советские войска под общим командованием П. С. Лазарева оказывали героическое сопротивление интервентам, но под напором далеко превосходящих сил врага вынуждены были отступать.

Вместе с частями Красной Армии героически сражался посланный из Севастополя отряд моряков под командованием мичмана Василия Лященко и комиссара Карла Зедина. Отряд был хорошо вооружен, имел артиллерийскую батарею. В районе станции Слободка отряд Лященко и Зедина окружили немецкие и петлюровские части. Моряки приняли решение — в

плен не сдаваться, сопротивляться до последнего человека. Когда весь орудийный расчет вышел из строя, мичман Лященко сам стал к пушке. Немцы направили на него ураганный огонь. Лященко получил уже третье ранение, а его орудие все стреляло. После четвертого ранения мичман Лященко упал замертво. Оставшись без патронов, матросы бросились на противника врукопашную. Только 16 морякам во главе с комиссаром К. Зединым удалось вырваться из окружения. Все они были ранены. На станции Бирзула Зедин принял командование бронеплощадкой и продолжал залпами пушек сдерживать интервентов. Так продолжалось до самой Одессы. На одиннадцатый день боев Зедин прибыл в Одессу и, раненый, был доставлен на «Алмаз» [10].

На подступах к Одессе героически сражался против оккупантов отряд моряков-черноморцев под командованием матроса большевика С. Г. Шмакова. «Отряд т. Шмакова,— говорилось в телеграмме начальника штаба Румынского фронта,— поклялся или лечь, или победить; победа не далась, в плен не сдались, от отряда остался Шмаков и 35 его товарищей, в числе убитых начальник штаба Лешенко. Честь и слава Севастополю, давшему стойких борцов за свободу» [11].

Бесстрашие в боях и пламенный призыв моряков воодушевили рабочих Одессы на оборону города. Но силы защитников Одессы были малочисленны. Учитывая необычайную сложность обстановки, советские органы и моряки Черноморского флота приступили к эвакуации города и порта. В Одессе была создана эвакуационная комиссия с местом пребывания на посыльном судне «Алмаз». В состав комиссии вошли Воронский, Ачканов, Лашевич и др. [12] Командиры всех находившихся в Одессе судов транспортной флотилии сообщали в эвакуационную комиссию о состоянии и готовности плавучих средств к обеспечению эвакуации города. В первую очередь эвакуировалось военное снаряжение, оружие и обмундирование, а затем менее важное в военном отношении имущество. Эвакуация осуществлялась частично по железной дороге, но главным образом морским путем с помощью транспортов, пароходов и барж, находившихся в Одессе.

Поздно вечером 12 марта на «Алмаз» явились представители одесской городской думы, вступившей

в контакт с командованием австро-германских войск. Представители думы просили команды военных кораблей не вести артиллерийский обстрел города. «Моряки горят желанием защищать Одессу от интервентов,— заявил П. Т. Кондренко представителям думы. — Но Советское правительство заключило с Германией мир, и мы получили директиву не вступать в бой. Передайте своим новым хозяевам, что флот выполнит условия мира и не откроет огня при следующих условиях: если будет дано обязательство не мешать эвакуации плавучих средств флота и выходу транспортов; если находящимся на берегу морякам обеспечивается неприкосновенность; если власти обеспечат выезд всем остающимся в городе морякам, которые того пожелают» [13]. Эти условия были приняты немецким командованием.

13 марта эвакуация Одессы в основном была закончена. 14 марта в штаб Черноморского флота с линкора «Ростислав» от П. Т. Кондренко пришла телеграмма, в которой сообщалось: «Одесса оставлена советскими войсками, а в силу этого и Советами, и комиссарами. 90 грузовых, броневых, легковых автомобилей с прицепами заняли Тольницкую улицу. Эвакуации и выходу судов пока не мешали. Гидро их, летавшие над рейдом, были обстреляны. Имеем сношение лишь с городским самоуправлением» [14]. «Наши суда,— писала «Правда» 21 марта 1918 г., — ушли из Одессы в последнюю минуту в Севастополь, одновременно взято с собой большое количество частных судов и пароходов».

Однако поспешная эвакуация Одессы вскоре дала о себе знать. 15 марта Центрофлот получил с «Ростислава» от Кондренко телеграмму: «Прошу срочно выслать буксир для «Синопа». «Ростислав» не имеет ни угля, ни воды, чего в Одессе достать нельзя». Через несколько часов в Севастополь с «Ростислава» пришла еще более тревожная телеграмма: «Прошу помощи. На корабле пожар». Далее в телеграмме указывались координаты нахождения линкора. Но, несмотря на взрыв, пожар, жертвы и раненых, команда «Ростислава» героически боролась за спасение корабля, и он своим ходом прибыл в Севастополь. 16 марта Кондренко сообщил в Севастополь: «Имею двух убитых и одиннадцать раненых. Примите срочно средства для

перевозки в госпиталь. Придем в 14 часов. «Ростислав»»[15].

Захват Одессы австро-германскими войсками был явным нарушением Брестского мирного договора, так как в январе 1918 г. Одесса была объявлена «вольным городом», не входившим в состав Украины. В Одессе был создан Совет народных комиссаров во главе с В. Г. Юдовским. Поэтому народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в ноте от 18 марта 1918 г. решительно протестовал против занятия Одессы австро-германскими войсками и «настаивал на немедленном ее очищении», так как «Одесса не входит в пределы Украины...». Нота выражала уверенность, что «германское правительство не откажет сообщить, в каком виде оно представляет границу Украины». Требование указать границы Украины было повторено народным комиссаром иностранных дел и в ноте от 26 марта 1918 г.[16] Однако германское правительство медлило с ответом, чтобы под прикрытием Центральной рады занимать все новые и новые районы.

Советское правительство прилагало огромные усилия, мобилизовывало людские и материальные ресурсы, чтобы оказать помощь трудящимся Украины в их самоотверженной борьбе против интервентов. Почти все отряды, которые помогали украинскому народу громить гайдамацкие банды и калединскую контрреволюцию, остались на Украине и вели бои против австро-германских захватчиков. В. И. Ленин настаивал на создании единого фронта обороны на Украине. Однако руководящие партийные работники Донецко-Криворожского района во главе с Ф. А. Сергеевым (Артем) в январе 1918 г. создали свою особую республику. Положение выправил ЦК РКП(б), который 15 марта 1918 г. принял решение считать Донецкий бассейн частью Украины[17].

Еще ранее, 7 марта 1918 г., было создано главное командование советских войск Юга России во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко. В. И. Ленин требовал объединения сил Донецко-Криворожской республики, Донской и Крымской областей в борьбе против вражеского нашествия. Однако руководящие работники Крымского и Донецко-Криворожского советских центров не проявляли должной энергии, медлили с оказанием непосредственной военной помощи Украинской

советской республике. Поэтому В. И. Ленин в письме от 14 марта 1918 г. на имя чрезвычайного комиссара на Украине Г. К. Орджоникидзе вскрыл всю несостоятельность подобной местнической позиции. «Очень прошу Вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада,— писал В. И. Ленин. — Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора» [18].

В связи со взятием германскими войсками Одессы и их продвижением к Очакову и Николаеву для Крыма и Черноморского флота создалась опасная обстановка. Командование советских сухопутных войск обратилось к Черноморскому флоту с призывом оказать ему поддержку, охранять побережье с моря в районе Очаков — Николаев. 16 марта на объединенном заседании Севастопольского Совета, Центрофлота, Областного военно-революционного штаба и штаба Красной Армии было принято воззвание, в котором говорилось: «...объединенное заседание обращается ко всем судовым и береговым комитетам, и ко всем товарищам матросам, и к рабочим, как военного, так и торгового флота, быть всякий час наготове и выполнить всякое поручение, какое им будет дано. Все же лица, не выполнившие какого-либо поручения или приказания, будут считаться изменниками и предателями революции и будут объявлены вне закона и защиты, и против них будут приняты, наконец, самые суровые, самые строгие и самые решительные меры» [19].

В Николаеве оказались под угрозой захвата строящиеся на Николаевских судостроительных заводах и верфях суда. Поэтому еще 7 марта 1918 г. оперативный отдел Центрофлота отдал приказ командиру Николаевского порта о немедленном выводе недостроенных судов. «Примите меры,— говорилось в приказе,— к подготовке и выводу из Николаева всех строящихся судов, кои могут выйти, вне зависимости от окончания их готовности. Срочно донесите о тех судах, вывод которых возможен, о принимаемых мерах и об обстановке на месте». На следующий день, 8 марта, Центральный комитет Черноморского флота потребовал от командира и комиссара Николаевского порта немедленно выслать в Севастополь транспорт «Баку»,

погрузить на него все запасы мазута и сообщить о выходе транспорта. 13 марта Центрофлот телеграфировал в Одессу «Ростиславу»: окажите «поддержку Николаеву при эвакуации двумя миноносцами для охраны выходящих судов». 14 марта для буксировки «Нахимова» Центрофлот послал в Николаев пароход «Черномор», ледокол «Полезный» и пароход «Голланд». 15 марта вопрос об эвакуации судов из Николаева обсуждался на пленарном заседании Центрофлота, которое приняло решение избрать комиссию по эвакуации. В состав комиссии вошли члены Центрофлота Заверухин, Бурковский и Вальков. 16 марта комиссия Центрофлота на эсминце «Калиакрия» выехала в Николаев[20].

Кроме того, для охраны побережья и эвакуации недостроенных военных судов и плавучих средств в район Очакова — Николаева из Севастополя был послан дивизион миноносцев. Однако полностью эту задачу отряд не выполнил. Из Очакова и Николаева он отправил в Севастополь лишь несколько транспортных судов. Эвакуация недостроенных военных судов из Николаева не была осуществлена. Тогда 16 марта Областной военно-революционный штаб отдал Центрофлоту приказ об уничтожении всех кораблей, которые не смогут быть эвакуированы из Николаевского порта. Но и этот приказ не был выполнен, так как 17 марта 1918 г. Николаев был занят германскими войсками.

17 марта по этому поводу состоялось экстренное пленарное заседание Центрального комитета Черноморского флота. По вопросу о судьбе судов, находившихся на Николаевских судостроительных заводах, была внесена следующая резолюция: «Примите все меры к выводу всех судов. Войдите в переговоры с немцами и требуйте предоставления возможности эвакуации судов, угрожая в случае несогласия противника прислать в Николаев боевые суда. В случае невозможности эвакуации и неудачи переговоров примите меры к тому, чтобы готовые к выходу суда были испорчены, подорвав им кормы. Взорвите турбинную мастерскую и плавучий док, затопив его на фарватере. Примите меры к обезвреживанию всех средств, могущих быть использованными против нас». Резолюция вызвала бурные прения. Член Центрофлота ук-

раинский националист Власюк выступил против пункта об уничтожении судов: «...ввиду того что немцы заняли Николаев не для себя, а для Украинской рады... взрывать нельзя ничего, так как отношение к Раде выяснится только впоследствии». Член Центрофлота Максимов предложил вступить в переговоры с противником и решить вопрос о выводе судов мирным путем. При голосовании обе резолюции получили одинаковое количество голосов, поэтому была принята компромиссная резолюция, предложенная Максимовым[21], но и она не была выполнена.

Таким образом, несмотря на усилия Центрального комитета Черноморского флота, эвакуировать из Николаева недостроенные корабли и другие плавучие средства не удалось из-за быстрого продвижения кайзеровских войск и взятия ими города, а также из-за сопротивления рабочих заводов, которые препятствовали эвакуации и взрыву недостроенных судов. На судостроительных заводах и верфях Николаева немцы захватили строившиеся для флота Советской республики линейный корабль «Демократия», четыре легких крейсера, четыре эскадренных миноносца, две подводные лодки, восемь эльпифидоров, нефтеналивной транспорт «Баку», несколько канонерских лодок, большой плавучий док и другие плавучие портовые средства и недостроенные суда, а также имущество и запасы морского ведомства. В Херсоне враг захватил три строившихся тральщика и малый плавучий док[22].

Народный комиссариат иностранных дел РСФСР в ноте от 11 апреля 1918 г. потребовал от германского правительства «освободить эти суда и имущество от захвата и предоставить Правительству Российской Республики эвакуировать их из Николаева»[23]. Но германское правительство отказалось выполнить это требование.

Моряки Черноморского флота, среди которых было много украинцев, проявляя чувство братской солидарности, принимали непосредственное участие в боях против австро-германских оккупантов. Многие матросы записывались добровольцами в отряды, которые участвовали в защите Николаева, Херсона, Александровска, Таганрога, Бердянска и других городов.

Заняв Николаев, австро-германские захватчики установили в городе жестокий оккупационный режим.

Жители подвергались массовым репрессиям. Через несколько дней в городе вспыхнуло восстание. На помощь рабочим Николаева пришел 1-й Черноморский полк под командованием И. Ф. Федько. Полк был сформирован из черноморцев, одесских и феодосийских красногвардейцев. В результате ожесточенных боев интервенты были выбиты из Николаева, но под напором превосходящих сил через несколько дней революционные войска вынуждены были оставить город. Полк Федько понес значительные потери — из отряда в 400 человек осталось только 18[24] — и отступил в Крым.

20 марта 1918 г. рабочие и революционные солдаты Херсона подняли восстание против германских интервентов. На помощь восставшим из Севастополя был направлен заградитель «Ксения» с отрядом моряков под командованием А. В. Мокроусова. Подойдя к Херсону, отряд вступил с немцами в переговоры, но безрезультатно. Тогда отряд Мокроусова предъявил интервентам ультиматум: в течение 30 минут сложить оружие. Ультиматум немцами не был принят, и отряд вступил в бой. Сражение за Херсон носило ожесточенный характер. В результате боев, продолжавшихся несколько дней, город был освобожден от оккупантов. Только 6 апреля, подтянув крупные силы из Одессы, немцы вновь овладели Херсоном, причем моряки держались до последней возможности. Будучи прижаты к Днепру, они вплавь переправились на противоположный берег и продолжали сражаться. Из Херсона отряд А. В. Мокроусова отправился в Александровск, где вместе с отрядом моряков под командованием Матузенко героически сражался против интервентов. Вместе с социалистическим полком из Сулина черноморцы участвовали в боях с оккупантами под станицей Долинская. В апреле 1918 г. отряд Мокроусова сражался с немецкими захватчиками под Бердянском, участвовал в обороне Таганрога и Ростова и затем отступил на Северный Кавказ[25].

Самоотверженно сражался с австро-германскими войсками под Одессой, Мелитополем и другими городами, прикрывая отступление советских войск на восток, бронепоезд черноморцев «Свобода или смерть» под командованием А. В. Полупанова. В течение нескольких дней сдерживал наступление интервентов

в Алешках отряд матросов-черноморцев под командованием Туркова. Коммунистическая партия организовала партизанскую борьбу в тылу австро-германских войск. Только в Приднепровье возникло 26 партизанских отрядов; среди их командиров были моряки-черноморцы И. Кузнецов, А. Пашкевич, И. Дьячишин, С. Сорокатый и др.[26]

Таким образом, в боях с оккупантами, оказывая помощь трудящимся Советской Украины, героически сражались отдельные отряды моряков-черноморцев. Однако Черноморский флот в целом, как составная часть вооруженных сил Советской республики, не мог открыто вступить в борьбу с интервентами, не нарушая условий Брестского мирного договора.

Кайзеровская Германия не ограничилась наступлением на Украине. Вероломно нарушив Брестский договор, немецкие полчища вторглись в исконно русские земли. В качестве дипломатического прикрытия германское правительство использовало провокационные заявления Центральной рады, которая объявила «исконно украинскими» ряд районов, пограничных с Украиной. Добросовестно соблюдая условия Брестского договора, Советское правительство неоднократно изъявляло желание начать мирные переговоры с Центральной радой. Однако Рада, выполняя волю германского военного командования, встала на путь затягивания начала переговоров и тем самым создала благоприятные внешнеполитические условия для вторжения австро-германских войск в пределы Советской республики. Переговоры с правительством Украины начались лишь 23 мая 1918 г.

В целях предотвращения посягательств Германии на Крым и обеспечения безопасности Черноморского флота по рекомендации В. И. Ленина Таврический ЦИК издал 21 марта 1918 г. декрет о создании на Крымском полуострове Советской республики Тавриды, которая вошла в состав РСФСР. Во главе Республики Тавриды стоял Совнарком под председательством большевика А. И. Слуцкого. 22 марта 1918 г. Совнарком Республики Тавриды сообщил по радио Совету Народных Комиссаров в Москву, в Берлин, Вену, Лондон и Вашингтон, что он «признает для себя обязательными условия договора, заключенного между правительствами Центральных империй и Советом

Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России» [27]. Следовательно, у Германии не было никаких, даже формальных, оснований для оккупации Крыма, но Советское правительство, учитывая вероломство милитаристской Германии и ее давнишние планы захвата Крыма, еще задолго до того, как непосредственная опасность нависла над Севастополем, начало принимать меры к эвакуации Черноморского флота.

Вдохновителем и организатором обороны Советской республики в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны был вождь Коммунистической партии, Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин. Под руководством В. И. Ленина разрабатывалась внутренняя и внешняя политика партии и Советского правительства, решались важнейшие вопросы строительства вооруженных сил и всестороннего обеспечения их боевых действий, определялись основные начала военно-стратегических планов и способы проведения их в жизнь. «...Любой из мелких как будто вопросов,— писал М. Д. Бонч-Бруевич,— хотя бы о том, куда и на какую работу назначить превратившегося в военспеца бывшего генерала, охотно и вдумчиво решался Владимиром Ильичем» [28]. По указанию В. И. Ленина или непосредственно за его подписью шли важнейшие директивы, определявшие судьбу Черноморского флота.

22 марта 1918 г., когда лавина германских войск рвалась в глубь Украины, когда ими были заняты Одесса, Николаев и Херсон и стало ясно, что немцы оккупируют Крым и предпримут попытки захватить Черноморский флот, по предложению В. И. Ленина коллегия Морского комиссариата за подписью И. И. Вахрамеева, Ф. Ф. Раскольникова и помощника начальника Морского генерального штаба В. М. Альтфатера представила в Высший военный совет доклад, в котором всесторонне обосновывалась необходимость эвакуации судов и запасов Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск.

В связи с тем что перевод флота из Севастополя в Новороссийск потребует значительного времени, и прежде всего из-за необходимости перевезти флотские запасы и грузы, коллегия Морского комиссариата предлагала: приступить к вывозу запасов и грузов из

Севастополя в Новороссийск и выводу туда же всех неисправных и не укомплектованных командами судов; начать подготовку остальных судов к переводу при появлении угрозы со стороны сухого пути, а также подготовку к уничтожению в Севастополе всего того имущества, которое окажется невывезенным. Новороссийский порт не был приспособлен для длительной стоянки крупных военно-морских сил, но другого, более подходящего порта в руках Советской власти на Черноморском побережье в то время не было, и Высший военный совет утвердил предложение коллегии Морского комиссариата. 25 марта 1918 г. он принял резолюцию немедленно приступить к вывозу в Новороссийск запасов и грузов в необходимом для нужд Черноморского флота количестве, вывозить в глубь Советской республики прочие запасы и грузы и подготовить все исправные суда к переходу, а неисправные немедленно вывести в Новороссийск [29].

26 марта 1918 г. В. М. Альтфатер запросил командование Черноморского флота о технических условиях эвакуации судов и запасов флота в Новороссийск. 27 марта в разговоре по прямому проводу второй помощник командующего Черноморским флотом по оперативной части Н. И. Протасов сообщил В. М. Альтфатеру: «Местом эвакуации флота может служить только Новороссийск. Порт не оборудован, не имеет складов, не имеет доков и мастерских и не в состоянии вместить всего флота. Условия стоянки в смысле погоды крайне неблагоприятны». Н. И. Протасов доложил, что суда первой линии уйдут самостоятельно; для эвакуации судов второй линии потребуется около трех недель для приведения их в исправное состояние и доукомплектования их команд до 300 человек; суда третьей линии в том же положении; суда, утратившие боевое значение и способность уйти самостоятельно, останутся в Севастополе. Эвакуация самого необходимого боевого запаса потребует 10 дней и не менее 7 больших транспортов, а остального — 15 дней и не менее 10 транспортов. Для вывоза всего запаса угля в 4 млн. пудов потребуется не менее трех месяцев интенсивной работы и до 15 транспортов, для перевоза продовольствия — не менее 4 транспортов. Эвакуация всех материалов, необходимых флоту на четыре

месяца, потребует 3—4 транспортов, 400 человек рабочих и до трех недель сроку. В распоряжении флота в Севастополе для эвакуации не ранее как через неделю может быть сосредоточено около 20 транспортов, их количество может быть постепенно увеличено при условии прекращения всех грузовых операций на Черном море. В заключение Протасов сказал: «Приступить же к эвакуации, если на таковую все же последует приказание Центрального правительства, не представляется возможным до выяснения вашего вопроса со Спиро и местным Совдепом»[30], т. е. помощник командующего флотом явно намекал, что это мероприятие не получит одобрения в Севастополе.

Выслушав сообщение Н. И. Протасова, В. М. Альтфатер по поручению коллегии Морского комиссариата передал подошедшим к аппарату первому помощнику командующего флотом по оперативной части А. А. Нищенкову и члену президиума Центрального комитета Черноморского флота Н. Тихомирову секретную телеграмму № 14/М на имя Центрофлота, в копии — исполняющему обязанности командующего Черноморским флотом М. П. Саблину, в которой излагалась характеристика военной обстановки на Украине и давалась подробная директива об эвакуации из Севастополя в Новороссийск кораблей и запасов Черноморского флота. В телеграмме говорилось, что «захват австро-германцами Николаева и Херсона и дальнейшее их продвижение на восток допускают возможность движения и к Перекопу для захвата Крыма, а значит и Севастополя, с сухого пути. Слабость вооруженных сил Украинской Советской республики, находящихся под командованием Антонова-Овсеенко, сосредоточенных в районах Полтавы и Екатеринослава, не позволяет рассчитывать на удержание наступления австро-германцев... не может обеспечить Крым от захвата его австро-германскими войсками. Исходя из этих данных обстановки и в целях сохранения Черноморского флота и его запасов от захвата с сухого пути Высший военный совет, согласно представлению коллегии Морского комиссариата, постановил:

1. Немедленно приступить к вывозу запасов и имущества флота в Новороссийск, перевезти в первую голову все необходимое для обеспечения базирования Черноморского флота на Новороссийский порт.

2. Немедленно подготовить все исправные суда Черноморфлота к переходу в Новороссийск по первому к тому требованию.

3. Теперь же приступить к переводу в Новороссийск всех ремонтирующихся и неисправных судов и плавучих средств Черноморфлота.

4. Немедленно донести коллегии Морского комиссариата о необходимых для исполнения сего средствах, а равно план и срок выполнения указанных задач.

5. Переход исправных судов флота в Новороссийск выполнить в случае явной угрозы Севастополю.

6. Все имущество и запасы флота, кои не смогут быть перевезены в Новороссийск из Севастополя, надлежит подготовить к уничтожению.

7. Ответственность за успешное и своевременное выполнение настоящей директивы возлагается на Центрофлот» [31].

В заключение В. М. Альтфатер предложил пригласить 28 марта для разговора по прямому проводу председателя Центрального комитета Черноморского флота С. С. Кноруса, главного комиссара флота В. Б. Спиро, а также комиссара по демобилизации и укомплектованию флота В. В. Роменца.

28 марта 1918 г. в разговоре по прямому проводу с Кнорусом, Роменцом и Нищенковым — Спиро отказался прийти на переговоры — с особой силой было подчеркнуто, что, поскольку военные действия с государствами Четвертного союза прекращены, «Черноморский флот, входящий в состав вооруженных сил государства, подписавшего мирный договор, также не должен принимать участия в военных действиях. Неосмотрительные действия в данном случае могли бы повлечь за собой срыв мира и объявление нам новой войны. Очередная задача Черноморского флота сводится к тому, чтобы немедленно приступить к эвакуации флота из Севастополя в Новороссийск» [32].

Таким образом, Советское правительство своевременно разработало конкретные меры по предотвращению захвата судов Черноморского флота войсками интервентов. Они заблаговременно были доведены до сведения командования и руководства Черноморского флота. Неукоснительное выполнение директив Советского правительства обеспечило бы перевод в Новороссийск всех исправных кораблей и плавсредств,

эвакуацию оружия, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, продовольствия и других ценностей, находившихся в Севастополе и так необходимых Советской республике в борьбе с белогвардейцами и интервентами, и уничтожение всего неэвакуированного имущества, чтобы оно не попало в руки врага.

Однако директива Советского правительства об эвакуации Черноморского флота в Новороссийск встретила прямое противодействие со стороны исполняющего обязанности командующего флотом М. П. Саблина и его контрреволюционного окружения, саботаж со стороны эсеро-меньшевистского руководства Центрального комитета Черноморского флота и вызвала серьезные разногласия и острую политическую борьбу среди личного состава флота — сказывалось влияние политической обстановки, сложившейся в Севастополе в апреле 1918 г.

Все враги Советской власти выступили против увода судов, подняли вой вокруг вопроса об эвакуации имущества и флота из Севастополя в Новороссийск. 29 марта этот вопрос был поставлен на обсуждение расширенного заседания Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. Голосами социал-предателей и малосознательных депутатов Совет принял решение о временном отказе от перебазирования флота и заявил, что «он берет на себя ответственность за неисполнение телеграммы об эвакуации впредь до выяснения этого вопроса» [33]. Это ошибочное решение, безусловно, внесло дезорганизацию в выполнение директивы Совнаркома.

Неправильную позицию в вопросе об эвакуации занял и Совет народных комиссаров Республики Тавриды. 29 марта председатель Совнаркома республики А. И. Слуцкий телеграфировал в коллегию Народного комиссариата по морским делам: «Эвакуировать флот в Новороссийск невозможно, ибо там нет ни доков, ни угольных складов, ни провианта, ни надлежащего порта. Еще неосуществимее эвакуация Севастопольской крепости» [34].

Не проявили должной энергии в выполнении указаний Советского правительства по подготовке Черноморского флота к эвакуации в Новороссийск руководство Центрофлота, которое несло главную ответственность за выполнение этой имеющей большое государ-

ственное значение задачи, и главный комиссар флота В. Б. Спиро.

29 марта вопрос об эвакуации флота обсуждался на пленарном заседании Центрального комитета Черноморского флота. Меньшевики, эсеры, анархисты, украинские националисты высказались против увода флота в Новороссийск. «Если немцы возьмут Севастополь,— заявил меньшевик Козенко,— то через три дня возьмут и Новороссийск, а потому нам некуда уходить, а оставаться в Севастополе». «...Идти флоту в Новороссийск нельзя,— доказывал Ребезов,— потому что население придет в панику, видя, что флот бежит, и не даст ни куска хлеба, а сам по себе Новороссийск не может служить базой для флота, потому что его корабли все будут на берегу от сильного шторма». Особенно резко выступил анархист Е. Н. Шелестун: «Мы не должны слушать власти свыше, а вопрос само собой разрешается жизнью, а не властью. Никакой эвакуации, а борьба за существование». В защиту директивы об эвакуации Севастополя и флота выступили большевики. Член ВЦИК РСФСР, большевик А. П. Платонов в своей речи подчеркнул: «...не мы нарушаем мир, а австро-германцы, так как Таврида не есть часть Украины...» Секретарь Центрофлота, матрос большевик Ф. П. Зинченко указал: «...не исключена возможность наступления на нас немцев, что ясно для Народных Комиссаров (СНК. — *И. С.*). Отсюда и их желание эвакуации Севастополя и Черноморского флота, так как это флот — единственный в России и невозможно допустить повторение Николаева» [35].

В результате упорной борьбы с социал-предателями и украинскими буржуазными националистами большевикам и революционной части матросов удалось добиться принятия Центрофлотом резолюции, в которой говорилось: «...немедленно готовить базу для флота в Новороссийске, флот же привести в боевую готовность так скоро, как это возможно» [36].

30 марта руководство Центрофлота и командование флота передали по прямому проводу в Морской генеральный штаб резолюцию о согласии начать подготовку к эвакуации имущества и флота в Новороссийск. Вместе с тем руководство Центрофлота просило Морской генеральный штаб выяснить ряд вопросов, касавшихся военно-политической обстановки,

которая могла повлиять на условия эвакуации, а именно:

1. Входит ли Севастополь географически в состав Украины? Если не входит, то не следует ли вступить в переговоры с Центральными державами, чтобы добиться с их стороны признания неприкосновенности Севастополя и флота и избежать тем самым эвакуации.

2. Не будет ли эвакуация флота в Новороссийск рассматриваться Центральными державами как акт нарушения Советской республикой обязательств по Брестскому договору? Не приведет ли сам факт эвакуации к срыву мирного договора? Тогда перевод судов будет проходить не в условиях мирного плавания [37].

2 апреля 1918 г. коллегия Морского комиссариата и начальник Морского генерального штаба направили в Высший военный совет доклад, в котором просили выяснить вопросы, поставленные Центрофлотом, а также ряд других вопросов, связанных с эвакуацией имущества и Черноморского флота в Новороссийск. 30 марта 1918 г. коллегия Морского комиссариата получила от народного комиссара иностранных дел копию радиограммы германского министерства иностранных дел в ответ на советский запрос от 26 марта о границах Украины. Германское правительство в соответствии с заявлением Центральной рады сообщало, что «Крым, а значит и Севастополь, не входит в состав Украины». Казалось бы, возможность захвата Севастополя с суши отпала. «Однако указанный ответ германского правительства,— отмечалось в докладе,— порождает два основных вопроса: 1) признает ли германское правительство, что Крым, а значит, и Севастополь входит в состав Российской республики, или оно только признает, что Крым, а значит, и Севастополь не входит в состав Украинской республики; 2) признает ли Австро-Венгрия те же положения относительно Крыма, как они признаны германским правительством в упомянутой выше радиограмме». В докладе подчеркивалось, что решение этих вопросов «имеет слишком большое значение для Черноморского флота, ибо, если Центральные державы считают определенно, что Крым и Севастополь входят в состав Российской республики, то... при условии соблюдения

сторонами Брестского мирного договора эвакуацию флота в Новороссийск можно и не производить, а значит, и не тратить на эвакуацию значительных денежных средств. С другой стороны, если... все же можно предположить захват Севастополя с суши, то не представляется ли правильным вступить с правительствами Центральных держав в соответствующие переговоры»[38].

Рассмотрев доклад коллегии Морского комиссариата и начальника Морского генерального штаба, Высший военный совет 4 апреля 1918 г. постановил:

«1. Согласно Брест-Литовского мирного договора, с одной стороны, и 4-го универсала Украинской рады, с другой стороны, Крымский полуостров, а значит и Севастополь, составляет часть Российской республики, а следовательно, и флот Черного моря является неприкасаемым для Германии, Австро-Венгрии, Турции и Украины.

2. Принимая во внимание, что опыт доказал, с какой легкостью нарушаются нормы международного права и собственные обязательства, перенос базы в Новороссийск продолжать.

3. Войти в переговоры с комиссаром иностранных дел для подробного выяснения политической стороны затронутых вопросов»[39].

Как видим, Советское правительство разгадало коварный план Германии в отношении Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Германия своим заявлением 29 марта 1918 г. о том, что Крым не входит в состав Украины, рассчитывала ввести в заблуждение Советское правительство и притупить бдительность его военно-морских органов.

В соответствии с решением пленарного заседания от 29 марта 1918 г. Центральный комитет Черноморского флота создал специальную комиссию по подготовке Новороссийска к приему Черноморского флота. Ее председателем был назначен враждебно настроенный к Советской власти бывший капитан I ранга Б. Е. Тягин. Перед комиссией были поставлены задачи: срочно определить в Новороссийске, какое количество военных и торговых судов может вместить Новороссийский порт и какие меры необходимо принять, чтобы он был в состоянии служить базой Черноморского

флота; определить место стоянки судов и плавучего дока, подготовить помещения для портовых складов, береговых частей, хранения боеприпасов и т. д. 5 апреля 1918 г. комиссия Тягина на вспомогательном крейсере «Социальная революция» («Император Траян») выехала в Новороссийск. Командование флота отправило командиру Новороссийского порта телеграмму, в которой указывалось, что комиссия должна определить возможности Новороссийского порта как базы для флота и меры, которые нужно предпринять для ее оборудования. «Вам и всем учреждениям Новороссийска,— говорилось в телеграмме,— надлежит оказать всеми имеющимися у вас средствами полное содействие к успешному и наискорейшему выполнению названной комиссией данного ей задания ввиду особой важности, серьезности и срочности вопроса» [40]. Вскоре комиссия Тягина доложила Центральному комитету Черноморского флота о том, что подготовить Новороссийск для эвакуации всего флота невозможно, так как этот порт может служить только как временное убежище для наиболее ценной части флота. Хотя вспомогательный крейсер «Траян» и комиссия в полном составе находились в Новороссийске в течение всего апреля, было подготовлено лишь несколько помещений для складов и определено место стоянки основных боевых сил флота.

Помимо многочисленных запросов Центральный комитет Черноморского флота 3 апреля 1918 г. послал в Москву специальную делегацию в составе главного комиссара Черноморского флота В. Спиро, товарища председателя Центрофлота И. Шульги и начальника отдела Центрофлота Р. Левговда. Делегация должна была выяснить будущность Черноморского флота и доказать невозможность его эвакуации из Севастополя в Новороссийск. 6 апреля в Москве В. Б. Спиро был арестован. В тот же день на заседании Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин выступил с внеочередным заявлением об отданном им распоряжении об аресте Спиро и о расследовании его деятельности. Совнарком единогласно принял постановление: «Меру, примененную к Спиро, утвердить. Дело передать в комиссию Дзержинского. Опубликовать в печати: «Совет Народных Комиссаров постановил арестовать чрезвычайного комиссара на Румынском фронте Спи-

ро за преступления по должности, выразившиеся в прямом противодействии постановлениям Советской власти и распоряжениям Совета Народных Комиссаров. Следствие производится»»[41]. Все попытки И. Шульги и Р. Левговда добиться освобождения Спиро и отмены директивы Советского правительства об эвакуации флота из Севастополя в Новороссийск ни к чему не привели. Получив 15 млн. руб. на нужды Черноморского флота, Шульга и Левговд 20 апреля выехали из Москвы в Севастополь[42]. Но проехать в Крым им уже не удалось, и они направились в Новороссийск, куда и прибыли через несколько дней.

Серьезные трудности в выполнении директив Советского правительства об эвакуации флота создавал значительный некомплект команд. Несмотря на решения II Общечерноморского флотского съезда, переход на службу по вольному найму привел к значительному сокращению личного состава флота, что вызывало озабоченность Советского правительства. В начале апреля 1918 г., по сведениям начальника отдела по укомплектованию флота, личный состав Черноморского флота насчитывал всего лишь 6677 военных моряков, заключивших договоры на службу по вольному найму, в том числе личный состав управления Центрофлота и штабного линкора «Георгий Победоносец» — 474 моряка, линкора «Свободная Россия» — 894, минной бригады — 1650, подводной бригады — 332, крейсерной бригады — 570, службы связи — 346, охраны рейдов — 167, воздушной дивизии — 257, на судах 2-й линии — 210, караульной роты Сухарной балки — 200, на различных судах, подлежащих сдаче на хранение в порт, а также в береговых частях и учреждениях — 566 моряков. Однако в связи с ухудшением военно-политической обстановки на юге страны приток матросов уменьшился, поэтому ко времени оккупации Крыма немецкими войсками комплектование флота не было закончено. В середине апреля 1918 г. личный состав Черноморского флота насчитывал только 7 тыс. моряков[43].

В соответствии с решением Центрального комитета Черноморского флота от 29 марта 1918 г. оперативный отдел штаба флота определил объекты эвакуации, а именно: флот первой, второй и третьей категорий, за

исключением еще не восстановленного крейсера «Прут», склады боеприпасов Сухарной балки, всевозможные флотские материалы, уголь, морской завод, порт, военный архив, казначейство. По указанию Центрофлота каждая воинская и хозяйственная часть разработала свои конкретные планы эвакуации запасов и имущества флота и порта. В частности, были составлены планы эвакуации электрической части Севастопольского порта, запасов нефти, угля, продовольствия, смазочных, шкиперских и других материалов, артиллерийских грузов и т. д. Большое количество транспортов и рабочей силы требовалось для эвакуации угля, которого на 27 марта 1918 г. было более 3 млн. пудов. В Севастополе имелись и значительные запасы продовольствия. В начале апреля 1918 г. они составляли 105 552 пуда, включая такие виды продовольствия, как ячменная мука, всевозможные крупы, сахар, соленое мясо, сливочное масло, сухари, чай, консервы, соль, мыло и т. д.[44]

В первых числах апреля 1918 г. началась непосредственная подготовка транспортов, запасов и материалов флотского имущества к эвакуации в Новороссийск. 8 апреля в Севастополе было сосредоточено 20 транспортов, которые готовились принять участие в эвакуации. В этот день предполагалось начать погрузку, но ее перенесли на следующий день. Однако 9 апреля по призыву меньшевиков, правых эсеров и украинских буржуазных националистов рабочие отказались производить погрузку пароходов и объявили забастовку. «Отношение рабочих к эвакуации резко отрицательное,— сообщали в Москву М. П. Саблин и С. С. Кнорус. — 9 апреля под их давлением была приостановлена погрузка транспортов. Запасы, необходимые флоту на севере, отправлены в Новороссийск»[45].

Рабочие Севастополя всячески препятствовали проведению в жизнь приказа Советского правительства об эвакуации Севастополя и Черноморского флота. Часть рабочих и матросов наивно полагали, что им удастся сохранить народное имущество для себя. Такие явления имели место не только в Севастополе, но и в Николаеве, а также в других городах Украины. Эта глубоко ошибочная позиция привела к серьезным и тяжелым последствиям. В наставлении ВЦИК и СНК

за подписью В. И. Ленина, Я. М. Свердлова и Г. В. Чичерина, адресованном всем местным Советам и всему населению, указывалось: «На Украине бывало не раз, что крестьяне и рабочие противились вывозу или уничтожению имущества, надеясь сохранить его для себя. Они оказались жестоко наказанными. Пришельцы захватили все: хлеб, скот, уголь, металлы, машины и увезли к себе. Пример Украины должен послужить страшным уроком для всей России» [46].

В результате активизации контрреволюционных сил 10 апреля 1918 г. в Севастополе вспыхнуло восстание против Советской власти. Эсеро-меньшевистское руководство Центрального комитета Черноморского флота всячески препятствовало большевикам создать в Севастополе революционный Совет, помогало сплочению контрреволюционных сил вокруг предательского эсеро-меньшевистского Совета. 12 апреля Центрофлот фактически взял власть в свои руки. Занятый внутрипартийной борьбой, он в это время ничего не делал для эвакуации флота. Выполнение важнейшего государственного задания, направленного на спасение Черноморского флота от захвата войсками интервентов, оказалось под угрозой срыва. 12 апреля в разговоре по прямому проводу с находившимися в Москве членами делегации черноморцев И. Шульгой и Р. Левговдом председатель Центрофлота С. С. Кнорус и помощник командующего флотом А. А. Нищенков так охарактеризовали обстановку в Севастополе: «Избран новый Совет. Большинство беспартийные и правые эсеры. Новый и старый Советы борются за власть. Новый Совет поддерживается рабочими, старый — матросами. Возбуждение масс большое. В городе забастовка. Подготовка эвакуации под давлением рабочих приостановлена. Делегатское собрание постановило подготовку к эвакуации продолжать» [47]. Только по требованию большевиков, под давлением революционно настроенных матросов 21 апреля, когда немецкие полчища уже вторглись в Крым, заняли Джанкой и подходили к Севастополю, Центрофлот крайне нерешительно начал выполнять некоторые мероприятия по подготовке флота к эвакуации. Но время было уже упущено.

3. Попытка Германии захватить корабли Черноморского флота при содействии украинской Центральной рады

Наступление австро-германских войск на Украине ободрило все контрреволюционные элементы в Крыму. Кадеты, остатки разгромленных в январе 1918 г. отрядов белогвардейских офицеров, татарские и украинские буржуазные националисты начали открыто вести пропаганду против Советской власти, призывать к борьбе с большевиками. Особенно тревожные известия поступали из Ялты. 21 марта 1918 г. главный комиссар по борьбе с контрреволюцией при Ялтинском Совете военных и рабочих депутатов В. Е. Драчук сообщал, что офицеры, заполнившие санатории, ведут широкую антисоветскую агитацию. На состоявшемся митинге представителям Совета не давали говорить, а одного из них даже избили. 3 апреля из Ялты снова поступили сведения об агитации офицеров против Совета и большевиков. Совет военных и рабочих депутатов Ялты принимал меры, чтобы не допустить возможных беспорядков [1].

В связи с приближением оккупантов к границам Крыма и осложнением политической обстановки на Крымском полуострове Совнарком Советской республики Тавриды, местные Советы и большевистские организации главное внимание уделяли вопросам обороны Крыма. 19 марта 1918 г. был издан согласованный с Центральным комитетом Черноморского флота и Областным военно-революционным штабом приказ по 3-й Революционной армии о переформировании войск прежнего Румынского фронта для обороны подступов к Крыму. Воинским частям в Керчи, Севастополе и других городах Крымского полуострова предлагалось сосредоточиться в Феодосии, где находился штаб 3-й армии. 20 марта объединенное заседание Севастопольского Совета, Центрофлота, представителей флотских команд и политических партий, посвященное вопросу обороны Крыма, после горячих прений, продолжавшихся всю ночь, приняло резолюцию: «Заслушав доклад и прения об обороне Крыма, участники собрания, закрывая его в 6 часов утра 21 марта, ушли от слов к оружию». По инициативе Севастопольской организации РКП(б) начали создаваться вооруженные

отряды коммунистов. 21 марта по решению городского комитета партии началось формирование вооруженного отряда из коммунистов и левых эсеров [2].

26 марта 1918 г. специальным декретом Совнаркома Советской республики Тавриды Областной военно-революционный комитет и Областной военно-революционный штаб были реорганизованы в Военно-морской комиссариат и штаб при нем с местопребыванием в Севастополе. В ходе реорганизации был ликвидирован созданный в Севастополе 7 марта 1918 г. и находившийся под влиянием левых эсеров Южный комитет защиты социалистической революции во главе с В. Б. Спиро. Военно-морским комиссаром был назначен председатель Областного военно-революционного комитета Ю. П. Гавен, который одновременно являлся заместителем председателя ЦИК Республики Тавриды. В комиссариат вошли: от Совнаркома Республики Тавриды — Н. А. Пожаров, от Севастопольского Совета — левый эсер Шерстнев, от Центрофлота — В. Б. Спиро, а после его ареста член военно-морского отдела большевик М. Н. Ермолин, а также редактор «Таврической правды» большевик В. А. Басенко [3].

27 марта 1918 г. в Симферополе проходила большевистская партийная конференция. Руководители Военно-морского комиссариата доложили делегатам о создавшейся в Крыму военно-политической обстановке и об осуществленной военной реорганизации. Конференция указала на необходимость дальнейшего объединения всех военных учреждений Республики Тавриды и предложила поддержать инициативу Севастопольской организации РКП(б) по формированию коммунистических отрядов для охраны городов и населенных пунктов. Вскоре коммунистические отряды были сформированы в ряде мест. Конференция избрала губернский комитет РКП(б). В него вошли А. Коляденко, Ю. Гавен, С. Новосельский и Пахомова. Председателем комитета был избран Я. Тарвацкий, секретарем — Н. Фирдевс, казначеем — Шаталов [4].

26 марта 1918 г. Совнарком Республики Тавриды объявил призыв в Красную Армию саперов, минеров и артиллеристов. 27 марта в телеграмме, адресованной местным Советам, указывалось, что мобилизованных в армию следует направлять в Севастополь, а буржуа-

зию — на Перекопский перешеек и Чонгар для рытья окопов. В эти дни команды трех миноносцев, сдав свои суда на хранение в Севастопольский порт, сошли на берег и ушли на фронт. 4 апреля Ялта торжественно провожала на фронт третий по счету отряд красноармейцев-добровольцев. Выехали на фронт отряды из Феодосии, Евпатории, Симферополя и других городов Крыма [5].

Опасения о возможности оккупации Крымского полуострова немецкими войсками не были напрасными, хотя, согласно Брестскому договору, Крым признавался неотъемлемой частью территории РСФСР. Планы захвата Крыма германские милитаристы вынашивали давно. Крым рассматривался ими как важный плацдарм для агрессии на Востоке, и в первую очередь для захвата Северного Кавказа, а также Закавказья с его богатой бакинской нефтью, так необходимой для германской армии. Кроме того, Германия рассчитывала захватить первоклассную, хорошо оборудованную военно-морскую крепость Севастополь и базировавшийся здесь Черноморский флот, который она намеревалась использовать для установления своего господства на Черном море и в продолжавшейся войне против держав Антанты. Севастополь с его крупным морским заводом, хорошими мастерскими и доками германское военно-морское командование планировало использовать для ремонта своих судов, и в частности линейного крейсера «Гебен». 19 марта 1918 г. между Германией и Австро-Венгрией было заключено соглашение об оккупации Украины, по которому Крым входил в сферу «германских интересов». Об агрессивных планах германского империализма на юге Советской России с циничной откровенностью писал немецкий историк контр-адмирал Г. Лорей: «17 марта германо-австрийские войска заняли Николаев. Эта оккупация являлась преддверием к дальнейшим операциям 52-го корпуса, имевшим целью восстановление порядка в Тавриде и в Крыму и в связи с этим оккупацию этих районов, а также в случае надобности — районов побережья Азовского моря и Кавказа» [6]. Упорное сопротивление советских войск, героизм и отвага моряков-черноморцев, проявленные в боях за Николаев и Херсон, заставили немецкое командование стянуть сюда крупные хорошо вооруженные силы. Для борь-

бы с советской морской артиллерией немцы подвозили в разобранном виде орудия крупных калибров.

Готовя оккупацию Крыма, германская дипломатия использовала украинских и татарских буржуазных националистов. Как представители Центральной рады, так и миллифирковцы вели в Киеве тайные переговоры с немцами относительно Крымского полуострова. Украинские националисты добивались присоединения Крыма к Украине и захвата Севастополя и Черноморского флота. Буржуазные представители крымских татар выпрашивали у немцев согласие на создание Крымского ханства под протекторатом Германии. На словах германские дипломаты обещали и тем и другим удовлетворить их буржуазно-националистические интересы, а на деле использовали их для осуществления захватнических планов Германии. Особенно большие надежды Германия возлагала на Центральную раду, которая должна была способствовать захвату Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Поэтому германское командование ставило Раде в вину ту огромную помощь, которую оказал Черноморский флот в эвакуации Одессы, Николаева и Херсона, и участие моряков в боях с германо-австрийскими войсками. Как уже отмечалось, все начинания Рады с целью подчинить Черноморский флот своему влиянию неизменно терпели провал, так как ее приказы никто не выполнял. Теперь, опираясь на германские штыки, Центральная рада изменила их тон и открыто угрожала репрессиями «непослушным» черноморцам.

Подавив восстания в Николаеве и Херсоне и укрепившись в этих портах, германские войска начали готовиться к переправе через Днепр на Таврический берег у Алешек и Берeслава. 4 и 5 апреля после усиленного артиллерийского обстрела советских войск немцам удалось переправиться на левый берег Днепра. Красноармейские отряды Крыма вынуждены были отойти к Перекопу. На Перекопский фронт было стянуто около 3500 человек, общее командование осуществлял матрос коммунист Н. Ф. Кассесимов. Перекопские позиции были слабо укреплены и имели лишь четыре полевых батареи. На рассвете 18 апреля немецкие передовые части подошли к Перекопским позициям. Малочисленные, слабо вооруженные советские

войска, несмотря на проявленный героизм, не выдержали натиска 20-тысячной германской армии под командованием генерала фон Коша и вынуждены были отступить в Крым. 19 апреля пал Джанкой. В этих боях наряду с моряками-черноморцами, добровольческими отрядами рабочих Крыма и красноармейцами отличился действовавший на одном из перекопских участков фронта интернациональный батальон. На Сивашско-Чонгарском участке фронта упорное сопротивление немцам оказал 1-й Черноморский революционный полк, сформированный в основном из матросов флота. Командовал полком И. Ф. Федько, а его комиссаром был И. К. Михалько[7].

Весной 1918 г. на Черном море активизировали провокационные действия германо-турецкие военно-морские силы. У берегов Крымского полуострова стали часто появляться турецкий легкий крейсер «Гамидие», немецкие подводные лодки, турецкие миноносцы. Германо-турецкие военные корабли без всякого повода совершали нападения на советские торговые и пассажирские суда, захватывали и уводили их в оккупированные немцами порты Черного моря. О появлении германо-турецких военно-морских сил в советских территориальных водах сведения начали поступать в Севастополь с 18 марта, т. е. на следующий день после ратификации Германией Брестского мира. 18 марта Центрофлот получил радиограмму с транспорта «Св. Николай»: «В 18 часов в широте 45° и долготе 32°50′ встретили неприятельскую подлодку, которая опускалась». «...Для обеспечения положения в Одессе,— писал Г. Лорей,— 26 марта туда отправились подводные лодки ИС-23 и ИВ-14. Им предписывалось блокировать Одессу с целью прекращения сообщения с Севастополем, Николаевом и Херсоном и атаковать большевистские корабли с красным флагом»[8]. И это в то время, когда Германия только что ратифицировала Брест-Литовский мирный договор, согласно статье 1 которого страны Четверного союза обязались впредь жить с Советской Россией «в мире и дружбе».

13 апреля 1918 г. Центральный комитет Черноморского флота телеграфировал в Москву Совету Народных Комиссаров: «Вчера Центрофлот отправил австро-германскому и турецкому главнокомандующим радио нижеследующего содержания: «Вчера, 11 апреля,

близ Севастополя обнаружена германо-турецкая подлодка. В тот же день у Тарханкута германо-турецкий миноносец обстрелял и увел с собой наш коммерческий пароход. Просим объяснить, чем вызваны эти враждебные действия германо-турецкого флота против русского Черноморского флота и должны ли мы рассматривать эти действия как возобновление войны на море, ибо со своей стороны наш флот, соблюдая Брестский договор, доселе воздерживался от всяких активных выступлений против Германии и ее союзников?» Просим поддержать наш протест перед правительствами Четверного союза и сообщить нам, может ли наш флот, оставаясь, согласно Брестскому договору, мирно в Севастополе, считать себя гарантированным от всякого покушения и активного выступления со стороны Германии и ее союзников». В тот же день, 13 апреля, народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин передал по радио ноту протеста Министерству иностранных дел Германии, в которой приводились факты враждебных действий против советских судов со стороны германо-турецких военно-морских сил. Советская нота подчеркивала: «Черноморский флот после подписания мира соблюдает последний и не только строго придерживается нейтралитета, но и остается в гаванях. Указанные случаи Русское Правительство не хотело бы рассматривать как враждебные в отношении государства, с которым только что подписан мир». Народный комиссариат просил германское правительство «срочно сообщить турецко-германскому командованию на Черном море о недопустимости военных выступлений против флота и торговых пароходов Российской Республики» [9].

Несмотря на радиограмму Центрофлота от 12 апреля и ноту протеста Наркомата иностранных дел РСФСР от 13 апреля, германо-турецкие военные суда продолжали нападать на советские корабли. 14 апреля был задержан артиллерийским огнем советский торговый пароход «Казак» и отправлен в Одессу, та же участь постигла пароход «Ольга». 16 апреля Центрофлот сообщил в коллегию Морского комиссариата, что 15 апреля германская подлодка вблизи мыса Сарыч подвергла артиллерийскому обстрелу советский пароход «Ростов», шедший с пассажирами в Севастополь. Отказавшись следовать за вражеской подлодкой,

пароход направился к берегу и под продолжавшимся обстрелом выбросился на отмель в Фаросском заливе. Среди пассажиров имелись убитые и много раненых [10].

В ответ на протест Центрального комитета Черноморского флота главнокомандующий германо-турецкого флота в радиограмме Центрофлоту от 16 апреля сообщил: «...возобновление войны на Черном море не входит в наши намерения... судно, уведенное подводной лодкой, не имело ни одного из флагов, признанных союзниками... турецкие военные суда и суда их союзников не подвергнуты никаким ограничениям относительно их передвижения по Черному морю» [11]. Таким образом, Германия и Турция, вероломно нарушая условия Брестского мирного договора, в то же время требовали для своих судов полной свободы передвижения на Черном море. Более того, правительство Германии даже пыталось обвинить Советское правительство в нарушении им Брестского договора. В радиограмме от 15 апреля Министерство иностранных дел Германии заявило: «Военные суда бывшего русского Черноморского флота, которые после 20 апреля будут нарушать статью 5, будут рассматриваться союзниками как стоящие вне закона и как враждебные суда, и с ними будет сообразно с этим поступлено» [12].

В связи с враждебными действиями германо-турецких военно-морских сил на Черном море против советских судов и угрозами германского правительства продолжать их народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в ноте от 17 апреля 1918 г. указывал: «Основываясь на точном смысле статьи 5 Мирного договора, Русское Правительство считает, что русские военные суда имеют право не только оставаться в своих гаванях, но и переходить из одной российской гавани в другую, а равно плавать у своих берегов. Русское Правительство выражает поэтому уверенность, что Германское Правительство предпишет германскому командованию на Черном море воздерживаться от неприязненных действий по отношению к русским военным судам при плавании их между русскими гаванями или в пределах российских территориальных вод» [13].

В ответной ноте от 23 апреля 1917 г. германское министерство иностранных дел, явно нарушая требования статьи 5 Брестского мирного договора, заяви-

ло: «Передвижение русских военных судов из одной русской гавани в другую и вдоль русского побережья... не допускается и противоречит мирному договору». Германия требовала от Советского правительства «позаботиться о том, чтобы русские военные суда Черноморского флота никаких передвижений не производили и строжайшим образом держались постановлений мирного договора»[14]. Эта нота со всей очевидностью раскрыла коварные планы германского правительства, направленные на захват военных судов Черноморского флота, находившихся в Севастополе.

По поводу угрожающих заявлений германского правительства коллегия Морского комиссариата телеграфировала 18 апреля 1918 г. в Севастополь Центрофлоту и и. о. командующего флотом М. П. Саблину: «Коллегия Морского комиссариата предлагает Черноморскому флоту всемерно соблюдать условия мирного договора, избегая всяких столкновений и недоразумений с немцами. Надо помнить, что отдельные выступления и столкновения, безусловно, осложняют и без того трудное и сложное международное положение». В телеграмме отмечалось, что германскому правительству заявлено, что Российская республика обязательства статьи 5 мирного договора рассматривает в том смысле, что нашим судам разрешается переходить из одного русского порта в другой, а также плавание у русских берегов. Однако, допуская возможность иного толкования этого вопроса немцами, коллегия Морского комиссариата предлагала «временно, впредь до разрешения этого вопроса германским ответом, воздержаться от выходов в море наших военных судов или вооруженных транспортов»[15]. В дальнейшем командование Черноморского флота выполняло это предписание.

Однако угроза немецкого вторжения, а также провокационные действия германо-турецких военно-морских сил у берегов Крыма так накалили обстановку на Черноморском флоте, что экипажи отдельных кораблей вынесли резолюции о готовности выйти в море и дать отпор интервентам. Например, команда линкора «Воля» 17 апреля 1918 г. приняла решение «о немедленном выходе в море и произведении надлежащих боевых операций. Острая политическая борьба по вопросу о войне и мире, об обороне Крыма разгорелась

на делегатском собрании представителей кораблей и береговых частей Севастополя, проходившем 17 апреля 1918 г. Именно здесь была зачитана приведенная выше резолюция команды линкора «Воля». О присоедииеиии к ней заявил представитель команды крейсера «Очаков» Карпеико. Этим не замедлили воспользоваться левые эсеры, анархисты и прочие противиики Брестского мира. Они развериули демагогическую агитацию против Советского правительства, за продолжение войны с державами Четверного союза. Против соблюдения Брестского мира, за продолжение «революционной войны» на собрании выступили Шашков, Смолянский, Кедрин и некоторые другие делегаты. Но основная масса моряков пошла за большевиками и высказалась за поддержку Совета Народных Комиссаров и его внешней политики, политики мира. «Если мы слышим крики за войну,— заявил беспартийный матрос Криворученко,— то это крики темного происхождения. Если вы объявите войиу, то откроете немцам путь на Север... Надо подчиияться Брест-Литовскому миру и известить Народиый Комиссариат (СНК. — *И. С.*) и всех, всех, весь мир, что Германия попирает все человеческие права». Отвергая аваитюристические планы «революциоиной войиы», матросы требовали организации активиой обороны Крыма от вражеского нашествия. Представитель линкора «Евстафий» передал иаказ своей команды: «...защита Крыма должиа быть не фиктивной, как это было до сих пор, а настоящей, а потому мы должны оставить все работы и все идти иа защиту и умереть геройски». Представители крепостиой артиллерии, команд подводных лодок, воздушиой станции бухты Нахимова и других частей заявили, что все, как один, постановили защищать Крым от захватчиков [16].

Не вполне правильиую позицию в вопросе обороны Крыма заняли председатель Совнаркома Республики Тавриды А. Слуцкий, наркомы С. Новосельский и Н. Фирдевс, прибывшие на собрание из Симферополя. Вместо организации активиой обороиы Крымского полуострова оии отстаивали позицию иейтралитета, явно недооценивая агрессивность гермаиского империализма. В своем выступлении А. Слуцкий доказывал слабость нашей обороны на Перекопе и делал вывод, что «нужно воспользоваться нейтралитетом и создать но-

вую армию из солдат, а не из мальчишек». А. Слуцкому и народным комиссарам Тавриды удалось убедить делегатов в необходимости соблюдения Брестского мирного договора и нейтралитета в борьбе, идущей на Украине. Делегатское собрание постановило: «Немедленно признать безусловным долгом всех трудящихся Севастополя напрячь силы для воссоздания военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения трудящихся владеть оружием в наискорейшем времени. Поручить Совету Народных Комиссаров Тавриды заявить еще раз по радио о соблюдении нейтралитета и выяснить путем запроса окончательное признание австро-германской коалицией нейтралитета Тавриды, Черноморского флота и отношение этой коалиции к торговым сношениям и безопасности плавания» [17].

Как уже отмечалось, В. И. Ленин в письме Г. К. Орджоникидзе 14 марта 1918 г. указывал на необходимость оказания помощи со стороны Крыма трудящимся Украины в их борьбе с немецкими захватчиками. В. И. Ленин предупреждал, что Крым «немцы могут мимоходом слопать», поэтому помощь Крыма Советской Украине «является не только актом соседского долга, но и требованием самообороны и самосохранения». «Возможно,— писал В. И. Ленин,— что Слуцкий, не поняв всей сложности создавшейся ситуации, гнет какую-либо другую упрощенную линию — тогда его нужно осадить решительно, сославшись на меня» [18]. Отвергая левоэсеровскую установку на «революционную войну» с немцами и срыв Брестского мира, В. И. Ленин, Советское правительство требовали от руководителей крымских советских органов оказания помощи Советской Украине, организации активной обороны Крыма. А резолюция делегатского собрания на основе признания Брестского мира провозглашала нейтралитет Республики Тавриды и Черноморского флота в борьбе против наступавших германских полчищ. Эта ошибочно упрощенная позиция дезориентировала матросов Черноморского флота, сеяла иллюзии, что немцев можно уговорить не оккупировать Крымский полуостров и не захватывать Черноморский флот.

После 17 апреля 1918 г. Центральный комитет Черноморского флота вместо выполнения директив

Советского правительства начал посылать радиограммы германскому командованию с просьбой приостановить оккупацию Крымского полуострова. В радиограмме фельдмаршалу Макензену от 20 апреля говорилось: «Так как русский Черноморский флот и Таврическая республика, составляющая часть Российской Федеративной Республики, признают Брестский договор, то мы просим вас остановить движение ваших войск в Крым и указать, куда мы можем послать наших делегатов, чтобы путем личных переговоров устранить недоразумения и прийти к соглашению». Немецкое командование даже не ответило на это послание. На следующий день, 21 апреля, председатель Центрофлота Кнорус, не теряя надежды на мирное решение вопроса, в радиограмме Макензену робко заявил, что продвижение германских и украинских войск по территории Крыма «представляет нарушение Брестского договора и угрожает безопаености флота», в результате чего «флот будет вынужден принять меры для обеспечения своей безопасности» [19]. Все эти попытки договориться с немцами о прекращении наступления на Крым и Севастополь были обречены на провал. Вероломно нарушив Брестский мирный договор, германское командование неуклонно проводило в жизнь свой план захвата Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Мирные послания эсеро-меньшевистского руководства Центрофлота дезориентировали защитников Крыма, служили на руку врагу.

16 апреля 1918 г. коллегия Морского комиссариата направила Центральному комитету Черноморского флота подробную директиву о порядке приведения кораблей в боевую готовность и подготовке флота к переходу в Новороссийск. В директиве указывалось на необходимость

привести в полную боевую готовность линейные корабли «Воля» и «Свободная Россия», один из крейсеров, все нефтяные миноносцы, все современные подводные лодки, а также минимум специальных и вспомогательных судов, необходимых для обслуживания этого судового состава флота, и полностью укомплектовать их командами;

содержать линейные корабли «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» в полной технической исправности, но с минимальным числом команд, чтобы боевая готов-

ность этих судов определялась укомплектованием личного состава, а остальные суда — на положении долговременного хранения со сроком готовности до одного месяца;

привести в полную боевую готовность все приморские батареи Севастопольской крепости, вооруженные современными орудиями, укомплектовав их необходимым личным составом, а остальные — разоружить, организовав охрану имущества;

продолжать подготовку второй базы Черноморского флота в Новороссийске, концентрируя там прежде всего необходимые запасы топлива и материалов в расчете на четыре месяца плавания.

Далее в директиве предлагалось разработать план сбора всех плавающих средств Азовского моря в восточные порты этого моря на случай занятия Крыма войсками Германии или Рады и план очистки моря от мин, для чего организовать тралартель по образцу тралартели Балтийского моря. Директива коллегии Морского комиссариата 18 апреля была одобрена Высшим военным советом [20].

17 апреля 1918 г. Центрофлот получил шифрованную радиограмму: «Согласно указанию Высшего военного совета, коллегия Морского комиссариата ожидает сообщения по радио шифром в трехдневный срок план перевода судов Черноморского флота, находящихся в положении хранения или не могущих самостоятельно двигаться, из Севастополя в Новороссийск, как было предусмотрено директивой 14/М». Эти сведения были необходимы для принятия окончательного решения по вопросу о переходе судов из Севастополя в Новороссийск. Однако вместо конкретного плана мероприятий по подготовке флота к эвакуации в радиограмме Центрофлота от 21 апреля содержались лишь жалобы Саблина и Кноруса на действительные и мнимые трудности выполнения директивы Советского правительства. Так, они сообщали: отношение рабочих к эвакуации резко отрицательное; подготовка судов второй линии идет очень медленно; из-за недостатка кочегаров и машинистов суда второй линии можно переводить в Новороссийск по одному, что займет много времени и может вызвать протест команды и нежелание возвращаться в Севастополь для эвакуации других судов. Чтобы как-то оправдать свое

бездействие, Саблин и Кнорус ссылались на немецкие подлодки, которые якобы «установили блокаду Севастополя», в результате чего «эвакуация может сопровождаться боем и... будет совершенно невыполнима». В действительности же немецкие подводные лодки лишь изредка появлялись у Севастополя. Далее в радиограмме говорилось, что более недели делегатские собрания обсуждают вопрос об обороне Крыма, о признании или непризнании Брестского договора, о переизбрании Совета и что до «окончательных решений этих вопросов не может быть и речи о начале готовности к эвакуации, ибо для ее выполнения необходимо сочувствие демократии». Кроме того, Саблин сообщил об отказе от занимаемой должности до получения ответа на свое заявление в Центрофлот от 16 апреля, в котором он требовал «выработать определенное решение о войне и мире, поставил ряд определенных условий», и о передаче им командования флотом Центрофлоту[21]. Таким образом, по сути дела Саблин и Кнорус встали на путь прямого противодействия эвакуации флота и неподчинения Советскому правительству.

В ответ на эту радиограмму Комиссариат по морским делам категорически потребовал от Центрофлота: «Необходимо принять все меры к проведению в жизнь поставленных Черноморфлоту задач, помятуя, что от успешности и своевременности выполнения этих задач зависит судьба флота... Моряк обязан строго выполнять решения, принятые Советским правительством и ЦИК. В настоящее время грозная обстановка требует не бесплодных разговоров, а самых энергичных действий в смысле безоговорочного выполнения преподанных флоту заданий Советской властью. Вновь подтверждаем необходимость энергичной продуктивной работы по эвакуации флота». В заключение радиограммы сообщалось, что в Севастополь для оказания помощи в организации эвакуации флота командируются товарищи: от ЦИК — Островская, от Морского комиссариата — Торохов, которым «необходимо оказывать полное во всем содействие»[22]. Однако из-за наступления немцев на Крым Н. И. Островская не смогла проехать в Севастополь и была вынуждена отправиться в Новороссийск, куда и прибыла в конце апреля.

Как видим, исполнение конкретных указаний Советского правительства по приведению в боевую готовность кораблей и его настойчивых требований планомерной подготовки и осуществления эвакуации судов и имущества флота в Новороссийск затягивалось из-за саботажа эсеро-меньшевистского руководства Центрофлота и командования флота, которые игнорировали все эти указания и практически бездействовали.

По инициативе большевиков и под давлением революционно настроенных матросских масс 20 апреля 1918 г. вопрос об эвакуации флота был поставлен на рассмотрение пленарного заседания Центрального комитета Черноморского флота. Преодолев сопротивление противников эвакуации флота, верные интересам пролетарской революции моряки, руководимые большевиками, добились принятия Центрофлотом резолюции, в которой говорилось: «...немедленно приступить к подготовке судов второстепенного значения к выводу их в Новороссийск, если будет к тому техническая возможность, в противном случае при уходе эскадры из Севастополя привести эти суда в негодность. Суда первой линии привести в полную боевую готовность. В случае образования сухопутных сил, способных к защите подступов к Севастополю, оказывать им всемерную поддержку с моря. Настоящую резолюцию вынести для окончательного решения на делегатское совещание» [23]. Последний пункт резолюции не был случайным. Эсеро-меньшевистское руководство Центрофлота во главе с бывшим прапорщиком левым эсером С. С. Кнорусом и исполняющий обязанности командующего Черноморским флотом бывший контр-адмирал М. П. Саблин вступили в преступные переговоры с представителями контрреволюционной Центральной рады о протекторате Украины над Севастополем и передаче ей Черноморского флота. Этот предательский план руководство Центрофлота и командование флота решили навязать делегатскому собранию. Особенно активно действовал Саблин, полагавший, что наступил удобный момент для выступления против ненавистной ему Советской власти. У себя в штабе он принимал немецкого агента комиссара Центральной рады Сотника, с которым вел переговоры об «украинизации» флота.

21 апреля 1918 г. Центральный комитет Черноморского флота созвал пленарное заседание Центрофлота

совместно с делегатами от всех судов и береговых частей. По предложению Киоруса на повестку дня были поставлены два вопроса: предложение Центральной рады о способах спасения флота и города и об эвакуации флота [24]. Характерно, что вопрос об эвакуации флота стоял вторым. Враги Советской власти рассчитывали, что в результате принятия предложения комиссара Рады Сотника второй вопрос отпадет сам собой. Однако этому плаиу не суждено было осуществиться.

Делегатское собрание с самого начала приняло боевой, бурный характер, чувствовалась враждебность основной массы моряков к идее «украинизации» Севастополя и флота. Кнорус даже не посмел сразу пригласить на заседание представителя Центральной рады. Предлагая выслушать Сотника, он потребовал от собрания дать гарантию его неприкосновениости. Только после того как участники собрания согласились дать такую гарантию, за ним были посланы представители флота. Появление Сотника было встречено враждебно. Его выступление неоднократно прерывалось выкриками: «Короче!», «Слышали!», «Ближе к делу!» Сотник иачал с демагогических рассуждений о борьбе между двумя частями демократии, в результате которой может пролиться кровь «ие буржуазии, а трудового народа». Для того чтобы «избежать нового кровопролития», он предложил призиать протекторат Украины над Севастополем и Черноморским флотом. При этом условии Сотник «гарантировал» всем неприкосновенность личности и имущества, полную неприкосновенность всех демократических организаций и демократических порядков. «Если мои условия будут прииняты вами,— заявил он в заключение,— то сюда войной не пойдут. Я выйду сейчас навстречу наступающим, и ни один иемец в Севастополь не войдет. Введеи будет только украинский гарнизон для несения караульной службы. Всем, нежелающим оставаться в Севастополе, будет предоставлена возможность выезда куда угодно, для чего они будут снабжены украинскими документами» [25].

Несмотря иа показиое «миролюбие» и лицемерие комиссара Рады, моряки разгадали предательскую сущиость предложенного им плаиа. После ряда поставленных моряками вопросов, раскрывавших контр-

революционность Рады и ее рабское прислужничество перед германскими оккупантами, возгласами: «Долой провокатора!», «Довольно!», «Вон его!» — черноморцы изгнали Сотника с собрания. Делегатское собрание 61 голосом против 13 при 11 воздержавшихся приняло большевистскую резолюцию, в которой говорилось: «Революционный Черноморский флот был авангардом революции, им и будет и знамя революции никогда не спустит, ибо это знамя угнетенных, и моряки его не продадут» [26].

Потерпев поражение по первому вопросу, председатель Центрофлота вынужден был вынести на обсуждение заседания и второй — об эвакуации флота. По этому вопросу секретарь Центрофлота Зинченко зачитал резолюцию о немедленной эвакуации флота в Новороссийск, принятую 20 апреля 1918 г. на пленарном заседании Центрофлота. Резолюция была принята, причем со следующим добавлением: «Дать знать всей Федеративной Республике России, что Черноморский флот, считая себя принадлежащим всей Федеративной Республике, не отдается отдельной какой-нибудь ее части и будет находиться в ведении всей России» [27].

Таким образом, пленарное заседание Центрального комитета Черноморского флота совместно с делегатами от всех судовых и береговых частей 21 апреля 1918 г. дало решительный отпор предательским планам Центральной рады и ее сторонникам во флоте и приняло решение об эвакуации Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск. Только благодаря усилиям большевиков и идущих за ними революционных моряков началась подготовка к эвакуации флота. Транспорты и военные суда приступили к погрузке флотских материалов, боеприпасов, продовольствия. Военные суда были переведены на третье положение, т. е. корабли стояли под парами, команды ночевали на кораблях. Поскольку часть военных судов находилась за пределами Севастополя: «Фидониси» — в Феодосии, «Звонкий» — в Керчи, «Живой» — в Ялте, 21 апреля Центрофлот радиограммой сообщил командам эсминцев «Фидониси» и «Звонкий» о необходимости «находиться на 3-м положении, в случае появления немцев в Феодосии следовать в Новороссийск». Нефтеналивной пароход «Боржоми» получил приказ: «Идти

срочно в Поти, принять нефть и идти в Новороссийск, где ждать распоряжения». 23 апреля командование флота и Центрофлот послали в Новороссийск председателю комиссии Центрофлота по подготовке базы Б. Е. Тягину радиограмму, в которой предлагалось: «Сегодня же донести по прямому проводу о результатах работы комиссии ввиду возможного скорого прихода флота в Новороссийск» [28].

Однако подготовка к эвакуации проходила в обстановке сложной политической борьбы. Значительная часть рабочих отказалась вести погрузку судов, намеченных к уходу в Новороссийск. Украинские националисты требовали оставить флот в Севастополе и передать его «Украинской державе». «Враги нашего народа,— вспоминал активный участник этих событий большевик П. З. Марченко,— обманывали матросов, говоря о том, что флот можно спасти от захвата его немцами, если корабли поднимут украинские флаги. Они запугивали матросов, утверждая, что корабли нельзя выводить из Севастополя, так как они в этом случае станут жертвой немецких подводных лодок. Большевикам в этих условиях приходилось бороться за каждую плавучую единицу, убеждая команду выйти в Новороссийск. По мере завоевания на свою сторону команды того или иного корабля большевики загружали транспорты вооружением, боеприпасами, продовольствием и отправляли их под охраной торпедных катеров. Отправляли также транспорты с ранеными и больными» [29].

Германские войска между тем продвигались в глубь Крыма и приближались к Севастополю. Быстрому продвижению немцев в значительной мере способствовали контрреволюционные банды, вновь образовавшиеся из остатков разгромленных в январе 1918 г. вооруженных отрядов татарских националистов и белогвардейских офицеров, скрывавшихся в горах. Они совершали набеги на города, дезорганизуя оборону Крыма, так как советским войскам приходилось одновременно вести борьбу на фронте и в тылу. 19 апреля 1918 г. в Феодосии вспыхнуло восстание против Советской власти, возглавляемое контрреволюционными офицерами. Восстание было быстро подавлено силами портовых рабочих, специально посланным отрядом 2-го Черноморского полка, а также

командой эсминца «Фидониси», прибывшего в тот же день в Феодосию и оставленного здесь до особого распоряжения. 22 апреля 1918 г. штаб Красной Армии телеграфировал Центрофлоту: «Алушта находится в руках контрреволюционеров, т. е. татары и офицеры взяли власть в свои руки. Татарское настроение невозможное. Если вам дорого дело революции, то для общего блага немедленно вышлите миноносец и гидроотряд в Ялту или, если можно, истребитель, время не терпит, отвечайте немедленно»[30]. В Алушту был послан миноносец с отрядом моряков, который и восстановил Советскую власть в городе.

Коммунисты и матросы с оружием в руках встали на защиту Советской власти в Крыму. Красноармейские отряды Крыма оказывали упорное и самоотверженное сопротивление продвижению врага, но не могли сдержать натиск германских дивизий. 20 апреля 1918 г. Совнарком и ЦИК Республики Тавриды приняли решение эвакуироваться в Новороссийск. Некоторые работники и их семьи выехали из Симферополя в сторону Керченского полуострова, другие — на Севастополь. Председатель Совнаркома А. И. Слуцкий и несколько членов правительства Республики Тавриды выехали из Симферополя в сторону Ялты, чтобы оттуда на судне эвакуироваться в Новороссийск. В пути они попали в засаду банды татарских националистов, орудовавших в горах Крыма. Известие о захвате членов правительства Тавриды контрреволюционерами вызвало гнев и возмущение моряков. В Ялту немедленно был выслан миноносец «Живой» с отрядом моряков. При поддержке огнем с миноносца моряки рассеяли татарских «эскадронцев», но спасти удалось только двух тяжело раненных членов правительства. Остальные, в том числе и председатель Совнаркома А. И. Слуцкий, 24 апреля были зверски убиты.

Захватив 22 апреля Симферополь, германские войска устремились на юг. Основной удар немецких полчищ был направлен на Севастополь, где они надеялись захватить Черноморский флот. В связи с реальной угрозой Севастополю Совет Народных Комиссаров РСФСР 23 апреля 1918 г. послал предписание и. о. командующего Черноморским флотом Саблину и председателю Центрофлота Кнорусу о предоставлении им чрезвычайных полномочий для организации обороны

Севастополя и эвакуации флота в Новороссийск. «Совнарком приказал,— говорилось в предписании,— военному моряку Саблину вступить в исполнение обязанностей наморси, а военному моряку Кнорусу — обязанностей главного комиссара Черноморского флота. Совнарком предоставляет наморси совместно с главным комиссаром чрезвычайные полномочия. Совнарком предлагает Черноморфлоту оказать энергичное сопротивление захвату Севастополя, а в случае невозможности удержать Севастополь со всеми судами, могущими выйти в море, перейти в Новороссийск, уничтожив все оставшиеся в Севастополе суда, имущество и запасы»[31]. Эта директива Совета Народных Комиссаров была правильно воспринята коммунистами Черноморского флота и Севастополя. Во время германской интервенции они показали себя самоотверженными борцами против ненавистного врага, последовательными проводниками в жизнь директивы Советского правительства по организации обороны Севастополя и эвакуации Черноморского флота в Новороссийск.

В ночь с 21 на 22 апреля в Севастополе, в штабе крепости, Военно-морской комиссариат Республики Тавриды во главе с Ю. П. Гавеном созвал совещание с начальниками отрядов Красной Армии, представителями Центрофлота и заводского комитета морского завода. Совещание обсудило вопрос об обороне Крыма и Севастополя. Выяснилось, что флот к эвакуации не подготовлен, среди личного состава нет единства, идет брожение в связи с провокационной пропагандой украинской националистической агентуры. Представители Центрофлота и заводского комитета говорили о невозможности восстановить фронт и подготовить флот к эвакуации. Из боязни ответственности за решения, которые будут приняты, они постепенно покинули совещание. Представители воинских частей предлагали немедленно захватить силой транспорты и эвакуироваться в Новороссийск, пока не поздно.

В критический момент общей подавленности и панических настроений на совещании с яркой, взволнованной речью выступил стойкий революционер коммунист Ю. П. Гавен. Он спокойно и уверенно заявил, что положение действительно тяжелое, но не безнадежное. Нельзя складывать оружие, не испытав всех возмож-

ностей обороны. Бежать в данной обстановке ответственным руководителям революционного движения — значит предавать массы, революцию, подрывать свой авторитет и доверие масс к революционным вождям и к революции в целом. Гавен предложил мобилизовать все воинские части, находившиеся в Севастополе, и двинуть их на фронт, чтобы задержать немцев на подступах к Севастополю хотя бы на время подготовки флота к эвакуации и эвакуироваться в должном порядке[32]. Хотя совещание закончилось, не приняв никакого решения, это предложение Ю. П. Гавена фактически стало конкретным планом действий и начало осуществляться благодаря решительной поддержке командиров отрядов коммунистов Василевского, В. А. Басенко, А. С. Силичева и других, а также работников Областного революционного штаба Н. К. Сапронова и М. М. Богданова.

Моряки требовали от Центрального комитета Черноморского флота принятия мер по обороне Севастополя, а когда убедились в противодействии его эсеро-меньшевистского руководства, то, руководимые большевиками, взяли дело обороны Севастополя в собственные руки. Сами моряки создавали добровольческие отряды и отправляли их на фронт. Всем боеспособным частям было предложено немедленно выступить на позиции по линии реки Альма и войти в соприкосновение с противником. Так в считанные дни был восстановлен новый фронт обороны Севастополя, куда немедленно выехал Гавен, чтобы организовать полевой штаб и личным примером способствовать подъему духа в войсках. Большую работу по организации сил для отпора врагу развернул Областной военно-революционный штаб во главе с М. М. Богдановым и Н. К. Сапроновым. Штаб формировал из рабочих и моряков отряды, которые направлялись против немецких захватчиков.

По инициативе большевиков 24 апреля 1918 г. на эскадренном миноносце «Пронзительный» было созвано делегатское собрание по вопросу обороны Севастополя. Собрание решило сформировать Черноморский революционный отряд для отправки на фронт из команд судов второй линии, чтобы не ослабить боеспособности флота. Для организации отряда была избрана комиссия в составе Долгушина, Карпенко и

Христенко. В тот же день комиссия Долгушина обратилась к морякам Черноморского флота с призывом записываться в отряд. Моряки горячо откликнулись на этот призыв. Вскоре Черноморский отряд в составе почти 7 тыс. человек выступил на фронт. На подступах к Севастополю героически сражались отряд под командованием матроса с крейсера «Очаков» Н. Е. Максюты и отряд под командованием Матузенко. В Севастополе были сформированы и направлены на станцию Альма в распоряжение временного полевого штаба Республики Тавриды коммунистические отряды под командованием В. А. Басенко и А. С. Силичева, в которых плечом к плечу с рабочими и солдатами сражались моряки-коммунисты. В тылу наступавших германо-австрийских войск активно действовал Черноморский партизанский отряд особого назначения [33].

Общее руководство операциями по обороне Севастополя фактически осуществляли Ю. П. Гавен (несмотря на то что он в это время был болен и едва передвигался на костылях) и созданный им временный полевой штаб. Активное участие в организации обороны Севастополя принимал член Военно-морского комиссариата Н. А. Пожаров [34]. Коммунисты Севастополя и Черноморского флота стали душой обороны Крыма. Они героически сражались на дальних подступах к Севастополю с германскими войсками, которые несли значительные потери. Советские части вели упорные, кровопролитные бои и задерживали неприятеля на промежуточных рубежах. Встретив упорное сопротивление в районах Альмы и Бельбека, немецкое командование вынуждено было подтянуть новые крупные части.

Иную, по существу предательскую политику проводили эсеро-меньшевистское руководство сконструированного 19 апреля Севастопольского Совета и Центрофлота, а также командование Черноморского флота. 22 апреля состоялось заседание Севастопольского Совета, посвященное вопросу обороны Крыма. «Беспартийный» Совет, большинство в котором принадлежало меньшевикам и правым эсерам, без прений утвердил резолюцию рабочих порта, в которой говорилось: «1. Подчиниться Совету военных и рабочих депутатов. 2. Эвакуацию не производить. 3. Погрузку на суда не производить, так как не хватит хлеба. 4. Мобилиза-

ция». Заседание заслушало резолюции команд линкора «Воля», крепостной артиллерии и авиационного отряда, в которых подчеркивалась решимость черноморцев держать фронт на Альме, активно защищать Севастополь до последней возможности. Авиационный отряд Круглой бухты вынес решение «все ломать» [35].

На закрытом заседании Совета было принято решение назначить командующим всеми сухопутными вооруженными силами бывшего полковника, коменданта крепости Карпова, а для контроля над его действиями выделить из состава исполкома Совета коллегию, которая «если найдет нужным, то будет иметь посредством привлечения представителей с мест связь с демократией». Против этого постановления решительно выступила коммунистическая фракция Совета, «ввиду того что Красная Армия, которая уже сражается, подчиняется Военно-морскому комиссариату...». В заявлении коммунистической фракции говорилось, что «она слагает с себя ответственность» за принятие этой резолюции [36].

На заседании в ночь с 22 на 23 апреля 1918 г. Севастопольский Совет постановил: «Передать командование сухопутными силами по защите Крыма гражданину Карпову. Ввиду же отказа последнего Исполнительный комитет избрал военную коллегию из трех своих членов: Пашкова, Гаркушенко и Пивоварова с включением в нее коменданта крепости Карпова, перед которой ответственен Областной военно-революционный штаб. Военно-морской комиссариат Республики Тавриды заменен этой коллегией, к которой переходят все функции Военно-морского комиссариата» [37].

Это постановление меньшевистско-эсеровского Совета нанесло большой ущерб обороне Крыма и Севастополя, так как оно фактически отстраняло от руководства операциями по обороне большевиков и таких руководителей Военно-морского комиссариата республики, как Ю. П. Гавен, Н. А. Пожаров, В. А. Басенко, пользовавшихся большим авторитетом среди матросов и трудящихся Крыма. В соответствии с этим постановлением руководство обороной Крыма сосредоточивалось в руках военной коллегии, в состав которой были избраны ненадежные, малоавторитетные люди. Карпов, назначенный Советом

главнокомандующим, был скрытым врагом Советской власти. Боясь ответственности, он отказался от этой должности, но, чтобы окончательно не разоблачить себя, согласился войти в военную коллегию. Будучи членом коллегии, он саботировал мероприятия большевиков по обороне Севастополя. После ухода флота Карпов остался в Севастополе и 1 мая возглавил колонну военного парада, приветствовавшего вступивших в город немецких оккупантов [38].

По существу изменническим было и поведение эсеро-меньшевистского руководства Центрофлота. Вместо выполнения приказа Совнаркома вопрос об эвакуации флота 24 апреля 1918 г. вновь обсуждался на объединенном заседании Центрофлота, Севастопольского Совета, Главного заводского комитета и представителей судовых и береговых комитетов. Председатель Центрофлота Кнорус зачитал радиограмму Советского правительства от 23 апреля 1918 г. с требованием эвакуировать флот. Вокруг вопроса об эвакуации флота разгорелась борьба. Снова подняли голову сторонники «украинизации» флота. Извращая факты, член Военно-морского отдела Центрофлота Ермолин утверждал, что «наступают на Севастополь не немцы, а украинцы, видимо преследуя цель занять то, что им принадлежит по мирному договору». Поэтому Ермолин предлагал «выяснить недоразумения... не с Германией, а с Украиной» и послать в Киев Центральной раде телеграмму с призывом «приложить все усилия для прекращения братоубийственной борьбы» [39]. Это миролюбивое послание на деле означало предательство интересов рабочих и крестьян, измену Советской власти. В нем предлагалось заключить сепаратный мир с контрреволюционной Центральной радой, превратившей Украину по существу в колонию германских империалистов и находившейся в состоянии войны с рабочими и трудящимися Украины. В этих условиях мир с Радой означал бы удар в спину борющейся с многочисленными врагами Советской республике, вел к отторжению Крыма от социалистического государства и передаче Севастополя и Черноморского флота в руки врагов пролетарской революции.

В целях обмана матросских масс и рабочих Севастополя руководство Центрофлота в лице Кноруса, Ермолина, Молчанского усиленно распространяло вер-

сию о том, что в Крым вступили войска Украинской рады, «братья украинцы», силы которых незначительны. На самом деле руководству Центрофлота хорошо было известно, что наступление вели главным образом немецкие войска. Еще 20 апреля 1918 г. в Севастополе было получено секретное донесение, в котором сообщалось: «По полученным сведениям, в 8 верстах от Дюрмени встречена воинская часть, состоящая исключительно из немецкой регулярной кавалерии численностью до 1 тыс. человек... Командующий силами ведет исключительно немецкие части — силы, по словам немецкого солдата, весьма велики. Войска состоят из всех родов оружия»[40].

Воспользовавшись отсутствием коммунистов и революционно настроенных моряков, сражавшихся против немецких оккупантов, эсеро-меньшевистские лидеры Центрофлота и Совета под влиянием украинской буржуазно-националистической пропаганды протащили пацифистскую, а по существу изменническую резолюцию: начать переговоры с Радой. Резолюция тем самым фактически отменяла революционные решения делегатского собрания от 21 апреля 1918 г. об обороне Крыма и эвакуации флота. В тот же день, 24 апреля, телеграмма Центральной раде была отправлена.

Не получив ответа на свое послание от 24 апреля 1918 г., председатель Центрофлота Кнорус на следующий день вновь послал в Киев Центральной раде телеграмму, в которой просил «сообщить, на каких основаниях и что именно добивается Украина и Германия, наступая на Крым и Севастополь»[41]. Таким образом, вместо выполнения директивы Советского правительства об организации отпора врагу и эвакуации флота руководство Центрофлота тратило усилия на бесплодные послания Центральной раде, не понимая или не желая понять, что она служила лишь ширмой для захватнических планов германского империализма в отношении Крыма и Черноморского флота.

Так же предательски повел себя и Саблин. Получив приказ Совнаркома о своем назначении начальником морских сил Черного моря с предоставлением чрезвычайных полномочий для обороны Севастополя и эвакуации флота, Саблин высмеял приказ и

отказался его выполнять. В посланной 25 апреля в Москву телеграмме он заявил: при «современной организации флота» и в сложившейся в данный момент на Крымском полуострове военной и политической обстановке чрезвычайные полномочия «являются пустым звуком. Я счел бы преступлением принять такие полномочия...». Во второй телеграмме, отправленной в тот же день, Саблин, ссылаясь на то, что он «не обладает, согласно декретам правительства, полнотой власти», а также на состояние здоровья, сообщил: «Далее командовать флотом не могу и передаю окончательно командование Центрофлоту до выбора или назначения другого командующего»[42]. Центрофлот на эту должность временно назначил антисоветски настроенного командира линкора «Воля», бывшего капитана I ранга А. И. Тихменева.

Такую же предательскую линию проводил и председатель Центрального комитета Черноморского флота левый эсер Кнорус. По тем же самым мотивам, что и Саблин, он отказался от назначения на должность главного комиссара флота. Правда, Кнорус подчеркнул, что он состоит только выборным председателем Центрофлота и работает в столь трудное время «по долгу совести, терпеливо, по мере сил», выполняя волю демократии, поэтому принять назначение, исходящее от Совнаркома и дающее чрезвычайные полномочия, не находит возможным. Чтобы замаскировать свое предательство, Кнорус обещал исполнять обязанности председателя Центрофлота до истечения срока полномочий[43], хотя ни о каких перевыборах в обстановке того времени не могло быть и речи. Во время эвакуации флота в Новороссийск левый эсер Кнорус остался в Севастополе. Этот факт проясняет его поведение в последние дни перед занятием города немцами.

Итак, в критические дни, когда решалась судьба Севастополя и Черноморского флота, командные верхи флота, прикрываясь демагогическими рассуждениями, отказались выполнять приказ Совнаркома и стали на путь измены Советской власти.

Шифрованной радиограммой от 26 апреля 1918 г. на имя Саблина и Кноруса народный комиссар по морским делам приказал им «вступить в должность наморси и главного комиссара без всяких отговорок.

Об исполнении донести». Но донесения об исполнении приказа не последовало. Поэтому 28 апреля в шифрованной радиограмме на имя Центрофлота народный комиссар по морским делам и начальник Морского генерального штаба категорически потребовали «исполнения всех приказаний и указаний правительства, и в первую голову в отношении назначения наморси и главного комиссара флота. Шатание мысли и неисполнение распоряжений правительства в грозную минуту настоящей обстановки является преступлением по отношению к Советской власти» [44].

Коллегия Морского комиссариата и Морской генеральный штаб не только прилагали все усилия к эвакуации Черноморского флота из Севастополя, но и принимали конкретные меры по обеспечению флота горючим во время его пребывания в Новороссийске. В телеграмме от 25 апреля 1918 г. начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс сообщил в Севастополь Центрофлоту, что Главным морским хозяйственным управлением «сделано распоряжение об отправке из Царицына в Новороссийск 200 тыс. пудов мазута, считая это количество равным месячной потребности флота». Е. А. Беренс предлагал срочно сообщить в Главморхоз: «1) имеются ли в Новороссийске и какой емкости баки и цистерны для мазута; 2) можно ли срочно перевести в Новороссийск наливные суда для вмещения в них мазута и какой емкости» [45].

Однако эти сведения не были сообщены, так как после объединенного заседания 24 апреля 1918 г., принявшего резолюцию о вступлении в переговоры с Центральной радой, Центрофлот не информировал коллегию Морского комиссариата и Морской генеральный штаб о положении Крыма, Севастополя и Черноморского флота. В связи с этим 26 апреля народный комиссар по морским делам радировал Центрофлоту: «Несмотря на неоднократные запросы, донесений об обстановке, военной и политической, в Крыму вообще и в Севастополе в частности за последние три дня нет. Требую немедленного ответа радиошифром с подробными донесениями об обстановке. Считаю, что отсутствие донесений мне об обстановке при настоящих условиях является совершенно нетерпимым нарушением служебного долга» [46].

Отправив телеграммы в Киев Центральной раде с предложением о перемирии, С. С. Кнорус полагал, что конфликт по вопросу о Севастополе и Черноморском флоте будет улажен мирным путем и флот не придется эвакуировать в Новороссийск. Об этом свидетельствует обмен радиограммами между комиссией Тягина, находившейся в Новороссийске на вспомогательном крейсере «Траян», и руководством Центрофлота 26 апреля 1918 г.[47] До этого дня, несмотря на то что бои уже шли на дальних подступах к Севастополю, эсеро-меньшевистское руководство Центрофлота не думало всерьез об эвакуации флота.

Убедившись в бесплодности переговоров с Центральной радой, Центрофлот совместно с представителями демократических организаций города организовал делегацию во главе с меньшевиком Михайловым и направил ее для переговоров с германским командованием о прекращении наступления. Как и следовало ожидать, немцы отказались даже вступить в переговоры и продолжали бешено рваться к Севастополю. Командующий германской армией генерал Кош заявил делегации через украинских посредников, что он не желает вступать в переговоры с «безответственными коллективными организациями»; может говорить только с лицом, ответственным за флот и за соблюдение условий, выработанных путем переговоров с каким-либо известным ему адмиралом; наступление прекратит только при условии немедленного признания флотом Украинской державы, которой он якобы будет передан, в знак чего на судах должны быть подняты украинские флаги[48]. Таким образом, германское командование фактически предъявило ультиматум: наступление продолжается, разговаривать оно будет только с «известным ему адмиралом», т. е. с Саблиным, на судах флота должны быть подняты украинские флаги. Требование вести переговоры только с «известным» адмиралом было не случайным: Саблин уже давно вел закулисные беседы с представителем Рады германским агентом Сотником.

Под давлением большевиков и революционно настроенных моряков, стоявших за выполнение директивы Совнаркома об эвакуации флота, 26 апреля 1918 г. на линкоре «Воля» было созвано делегатское собрание. Усилиями моряков-патриотов было принято

решение — выход судов в Новороссийск осуществить 27 апреля. Только после этого Центрофлот отдал распоряжение о подготовке к походу, и над штабным кораблем «Георгий Победоносец» был поднят сигнал: «Приготовиться к походу 27 апреля к 12 часам». Делегатское собрание определило порядок выхода на рейд, дислокацию во время похода, отряд миноносцев для конвоирования транспортов. Команды судов энергично готовились к эвакуации. Корабли приняли запасы горючего, погрузили необходимые боеприпасы, продовольствие. К назначенному времени они стояли под полными парами, готовые к отплытию. 27 апреля Центрофлот отправил радиограммы в порты Крыма, где находились военные суда, с указанием следовать в Новороссийск [49].

Однако 27 апреля в 12 часов дня сигнала о начале похода в Новороссийск не последовало. Только через час был поднят сигнал «Стоять под малыми парами». Стало ясно, что поход отменяется. Отсрочка была вызвана получением сведений о победах, якобы одержанных моряками под Симферополем. Эти провокационные слухи проникли даже на страницы местной прессы [50]. Их усиленно распространяли агенты Центральной рады, чтобы выиграть время, необходимое для подхода германских войск к Севастополю, и сорвать эвакуацию флота. В действительности же положение на фронте осложнялось с каждым днем. Подтянув свежие силы, германское командование предприняло решительное наступление на Севастополь, применяя коварную тактику наступления на флангах и отступления в центре фронта, чтобы втянуть в бой как можно больше живой силы советских войск, главным образом моряков, окружить их и уничтожить, не дав им возможности отойти к Севастополю и эвакуироваться на судах.

Не разгадав маневра врага, не зная о положении дел на других участках фронта, рядовые моряки ошибочно полагали, что одерживают победы, что враг может быть легко разбит и флоту не придется эвакуироваться в Новороссийск. Отражением этих глубоких заблуждений явилось воззвание команды линейного корабля «Свободная Россия», появившееся в эти дни на улицах Севастополя. «Товарищи солдаты, рабочие и граждане г. Севастополя! — говорилось в

воззвании. — Моряки военного флота решили защищать город Севастополь и крепость до тех пор, пока не будет ни одного немца на Крымском полуострове. Помните, граждане, что моряки скорее погибнут, чем сдадут крепость и флот. Мы примем все меры к тому, чтобы через неделю ни одна германская каска не была на полуострове. С Украиной моряки и флот не воюют и воевать не будут. Моряки готовы признать народную власть Украины. И если Украина желает освободиться от немецкого сапога, то путь она знает, что моряки всеми силами и средствами помогут Украине. Боевые суда не уйдут из Севастополя до тех пор, пока все снаряды в Сухарной балке не будут выстрелены по неприятелю. Моряки призывают всех погрузившихся на транспорты для эвакуации возвратиться по домам» [51]. Объективно это воззвание играло на руку врагу: оно срывало мероприятия по эвакуации флота, сеяло вредные иллюзии относительно мира с контрреволюционной Радой, готовило почву для передачи ей Черноморского флота.

27 апреля 1918 г. немцы продолжали атаковать Альминские позиции, стойко обороняемые частями моряков и коммунистическими отрядами В. А. Басенко, А. С. Силичева и Василевского численностью 2500 человек под общим командованием Ю. П. Гавена. Советские воины оказывали ожесточенное сопротивление. Героический подвиг совершила разведывательная группа бойцов-коммунистов отряда В. А. Басенко. 12 храбрецов во главе со своим командиром вступили в неравный бой с немецким бронепоездом. Вся группа погибла смертью храбрых, но вражеский бронепоезд не прошел [52].

Однако германским войскам, имевшим огромное превосходство в живой силе и технике, 28 апреля 1918 г. удалось прорвать фронт на Альме. В это время пришло донесение из Севастополя от начальника Областного военно-революционного штаба М. М. Богданова о готовности флота начать эвакуацию войск. Восстановить фронт было невозможно, и Ю. П. Гавен отдал приказ оторваться от неприятеля и отходить к Севастополю для погрузки на суда. Отступление прикрывали отряды моряков.

Только когда отступавшие войска стали входить в Севастополь, в городе и на флоте узнали о действи-

тельной обстановке на фронте. Везде чувствовалась тревога и растерянность. Встал вопрос, как быть с флотом. Для его решения 29 апреля 1918 г. на линкоре «Воля» было созвано делегатское собрание моряков всего флота. Часть делегатов предлагала снять почти весь личный состав кораблей и сражаться до последнего снаряда на суше при поддержке огнем судовой артиллерии. Только так, утверждали они, можно заставить германцев принять наши условия. Представители минной бригады настаивали на прекращении сопротивления и немедленной эвакуации в Новороссийск. Многие делегаты под влиянием агитации контрреволюционных офицеров и украинских националистов высказались за принятие предварительных германских условий: передать командование флотом контрадмиралу Саблину, с которым немцы будут разговаривать, и поднять на судах украинские флаги в ознаменование передачи Черноморского флота Центральной раде. Это решение и было принято незначительным большинством голосов. Делегаты минной бригады в знак протеста против такого предательского решения покинули собрание [53].

Собрание послало к Саблину специальную делегацию во главе с А. И. Тихменевым. Прибыв на собрание, Саблин заявил, что он не согласен с предписанием Совнаркома об эвакуации флота в Новороссийск, так как единственное спасение для флота — это остаться в Севастополе и поднять на всех судах украинские флаги. По его мнению, флот — достояние всего российского народа, в том числе и украинского, который постарается его сохранить, тогда как большевики посылают флот на верную гибель. Саблин соглашался принять командование флотом на следующих условиях: ни одно делегатское собрание не будет собираться без его на то согласия, никто не будет ему мешать и все беспрекословно будут выполнять его распоряжения. Собрание согласилось с этими диктаторскими требованиями контр-адмирала.

Около четырех часов дня Саблин прибыл в Морской штаб и принял от Тихменева командование флотом. В Киев Центральной раде была послана радиограмма: «Сего числа Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинские флаги. В командование флотом вступил контр-адмирал

Саблин». На штабном корабле «Георгий Победоносец» был поднят сигнал: «Вступил в командование украинским Черноморским флотом. Адмирал Саблин». Затем была отправлена телеграмма немецкому командованию, в которой Саблин извещал о своем вступлении на пост командующего украинским Черноморским флотом и просил принять от него делегацию. По судам было отдано распоряжение: «Поднять украинские флаги». К шести часам вечера на линкорах, крейсерах, некоторых эсминцах были спущены красные флаги и подняты украинские. Большая же часть эсминцев осталась под красным, советским флагом. Команда эскадренного миноносца «Керчь», выражая протест против предательского приказа, подняла на стеньге боевого корабля сигнал: «Позор и продажа флота» [54].

Получив радиограмму Саблина об «украинизации» Черноморского флота, немецкое командование от имени Центральной рады послало ответ в тоне приказа. В нем говорилось, что радио об украинизации флота весьма обрадовало украинцев и они просят его, как командующего флотом, отдать приказ Керчи и Керченской крепости, а также судам, стоявшим в порту Керчь, срочно поднять украинский прапор до 8 часов утра 30 апреля. Желая завоевать симпатии правителей Украины, Саблин послал в Киев радиограмму: «Братья Киевской Центральной рады! Сего числа Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинские флаги. Контр-адмирал Саблин. 29 апреля» [55].

Срочно была назначена делегация представителей Черноморского флота и Севастопольской городской думы. В нее вошли: контр-адмирал Клочковский, капитан I ранга Черниловский-Сокол и чиновник Тухолка — от командующего Черноморским флотом; Никонов, Бируля и Емельянов — от Севастопольской городской думы. Около 24 часов 29 апреля делегация отбыла в Симферополь для переговоров с немецким военным командованием о приостановке наступления, так как флот «украинизировался» [56]. Многие моряки и жители города считали, что выход найден: немцы вступят в переговоры с черноморской делегацией и прекратят наступление до окончания переговоров. Но стремительно развивавшиеся события принесли жесто-

кие разочарования и доказали правоту позиции большевиков, боровшихся за осуществление директивы Совнаркома об эвакуации флота.

Тот факт, что именно делегаты минной бригады покинули собрание, на котором был совершен по существу акт государственной измены, и пошли в авангарде борьбы за увод флота из Севастополя, не был случайностью. Среди моряков минной бригады влияние партии большевиков было особенно сильным, поэтому по сравнению с другими частями Черноморского флота они были настроены наиболее революционно. Моряки минной бригады принимали активное участие в боях против Каледина и Корнилова, в разгроме гайдамацких и татарских банд, в борьбе за Советскую власть на Украине и в Крыму. В минной бригаде особенно выделялся своей преданностью делу революции 3-й дивизион, в который входили эсминцы «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси» и «Калиакрия». Они вступили в строй только в 1917 г. и строились в Николаеве, где команды кораблей постоянно испытывали влияние большевистской партии, имели возможность для широкого общения с рабочими-революционерами и приобретали опыт революционной борьбы. В 3-м дивизионе самым боевым революционным кораблем был эскадренный миноносец «Керчь». Команда «Керчи» энергично протестовала против введения смертной казни на флоте, принимала участие в боях против белогвардейцев и татарских националистов, за установление Советской власти в Ялте, подавляла контрреволюционные выступления в Новороссийске, оказывала помощь Дунайской флотилии в боях против румынских интервентов и банд Щербачева. Матросы «Керчи» первыми разгадали коварный маневр германского командования с поднятием украинских флагов на кораблях.

Команда эскадренного миноносца «Керчь», руководимая судовым комитетом в составе Кулинича (председатель), Перевалова, Гончарова, Гридина, Бачинского и боевым командиром патриотом В. А. Кукелем [57], первой приняла решение о походе в Новороссийск и выступила инициатором созыва экстренного делегатского собрания флота для выяснения вопроса, какие корабли присоединятся к ее решению. Гневно отвергнув изменническое решение общего делегатского

Командир эскадренного миноносца «Керчь»
Владимир Андреевич Кукель

собрания на линкоре «Воля» об «украинизации» флота, к «Керчи» присоединились эскадренные миноносцы «Калиакрия», «Громкий», «Пронзительный», «Пылкий», «Поспешный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Живой», «Гаджибей», дивизион сторожевых катеров и подводные лодки. Состояв-

Председатель судового комитета эскадренного миноносца «Керчь» В. Перевалов

шееся в тот же день, 29 апреля 1918 г., на базе минной бригады собрание приняло резолюцию: «Делегатское собрание на блокшиве № 9 представителей судов постановляет: прекратить военные действия и немедленно приступить к эвакуации» [58].

Весь день коммунисты флота и революционно настроенные моряки вели на кораблях напряженную борьбу за выполнение предписания Совета Народных Комиссаров об эвакуации флота без шатаний и колебаний, ломали сопротивление офицеров. Они разъясняли матросским массам, что контрреволюционные офицеры, социал-предатели и украинские националисты хотят сдать флот врагу, что немцы не приостановят наступления на Севастополь. «В это время,— вспоминал участник событий, матрос с линкора «Свободная Россия» Н. Д. Гамов,— в городе стихийно, мелкими группами возникали митинги на Приморском, Историческом бульварах и в других местах. Рабочие порта

и матросы спорили. Эти споры иногда доходили до кулачного боя. Особенно ратовали группы украинских националистов и эсеров, которые, признав украинскую Раду, агитировали за оставление флота в Севастополе. Эти изменники пытались запугать матросов. Они говорили, что, если корабли выйдут из бухты, их немцы подорвут подводными лодками. Но основная часть моряков поддерживала требование большевиков и готовила флот к эвакуации»[59].

Вечером 29 апреля к Саблину была послана делегация в составе Ю. П. Гавена и члена ЦИК Республики Тавриды А. С. Турецкого с требованием выполнить приказ Совнаркома РСФСР об эвакуации флота в Новороссийск. Делегаты сообщили командующему о решении большинства эсминцев сегодня же покинуть Севастополь. Во время переговоров Саблин приложил все усилия к тому, чтобы сорвать эвакуацию. Он уговаривал, требовал, угрожал, запугивал. Саблин предлагал подождать возвращения делегации, посланной им к немцам на переговоры, требовал, чтобы минная бригада подчинилась решению собрания на линкоре «Воля», запугивал немецкими подводными лодками, которым приказано топить все суда, выходящие из Севастополя.

Во время переговоров в штабе Саблина находился в качестве представителя Центральной рады украинский комиссар Сотник. Он заявил, что «украинский» флот из Севастополя не уйдет и не даст эвакуироваться на нем врагам украинского народа. Наглый выпад агента германских империалистов получил достойный отпор. Член делегации большевик А. С. Турецкий с возмущением заявил, что в таком случае Красная Армия и Красный Флот не сложат оружия и будут драться до последней возможности с теми, кто будет препятствовать эвакуации из Севастополя. Это категорическое предупреждение представителей Советской власти отрезвляюще подействовало на Саблина. Командующий флотом согласился на выход части судов. В результате достигнутой договоренности судам флота была дана радиограмма: «Желающие уходить должны покинуть бухту до 12 часов ночи. После 12 выход будет закрыт и минирован»[60].

После возвращения делегации от Саблина на эсминце «Пронзительный» состоялось оперативное совеща-

Командир эскадренного миноносца «Калиакрия»
Евгений Сергеевич Гернет

ние командиров всех судов, решивших покинуть Севастополь. Совещание разработало конкретный план и маршрут похода. Командование отрядом было передано командиру эсминца «Калиакрия» Е. С. Гернету и его заместителю командиру «Керчи» В. А. Кукелю. Почти весь высший командный состав флота оставался при Саблине. Среди офицеров кораблей, решивших идти в Новороссийск, он, как опытный военный моряк, также пользовался авторитетом. Поэтому, разработав план похода, собрание командиров с целью официально поставить Саблина в известность о принятом реше-

нии, «чтобы не обидеть старика», отправило к нему избранную здесь же делегацию. В письме в коллегию Морского комиссариата присутствовавший на собрании командиров В. А. Кукель так описывал встречу этой делегации с Саблиным: «Вернувшаяся делегация сообщила, что Саблин расплакался, обнял их и сказал, что они поступают правильно, что сам он ушел бы с ними, но не может бросить главные силы («Воля», «Свободная Россия»), но эти корабли заняли непримиримую позицию и он предупреждает, что, по его сведениям, они в 11 часов вечера закроют боны, дабы не выпустить никаких кораблей в море, и советует уходить раньше этого времени» [61]. Трогательная сцена, разыгранная Саблиным, и предупреждение о быстрейшем уходе преследовали определенную цель: добиться от командиров отказа от похода в Новороссийск. Боны были заведены раньше указанного времени не по желанию команд дредноутов, а по приказу штаба командующего.

Команды линейных кораблей «Воля» и «Свободная Россия», поверившие провокационной пропаганде украинских националистов и контрреволюционно настроенных офицеров, действительно пытались воспрепятствовать уходу кораблей из Севастополя. Вечером 29 апреля 1918 г. на все суда, решившие идти в Новороссийск, явились представители этих команд с предупреждением, что каждый корабль, который попытается выйти из Южной бухты, будет расстрелян из 12-дюймовых орудий. Но угрозы дредноутов не оказали своего действия. Команды эсминцев ответили, что на стрельбу линкоров они ответят минной атакой. Однако до применения силы дело не дошло [62].

Судьба Севастополя и Черноморского флота вызывала тревогу у Советского правительства. После вторжения германских интервентов в Крым связь полуострова с Москвой и другими районами страны была прекращена. На север проникали лишь случайные отрывочные сведения о событиях в Крыму. В связи с этим чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе предлагал находившемуся в то время в Таганроге члену ЦИК Донской Советской республики М. Ермилову: «Запросите по радио Севастополь о положении дел в Крыму. Не известно ли вам что-нибудь о Севастополе?» [63]

Советское правительство энергично протестовало против вероломного нарушения Германией Брестского мирного договора и оккупации Крыма германо-гайдамацкими войсками. В ноте от 22 апреля 1918 г. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин заявил: «Продвижение в Крым является существенным нарушением Брестского договора, так как является вторжением в пределы Советской Республики». В ноте полномочного представителя РСФСР в Германии А. А. Иоффе правительству Германии от 29 апреля 1918 г. говорилось: «Выражая от имени Рабоче-Крестьянского Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики свой решительный протест против такого нарушения Мирного договора, подписанного и ратифицированного и Россией и Германией, я усматриваю в этом существенное нарушение тех дружественных и добрососедских отношений, которые должны были бы установиться между Россией и Германией после заключения мира» [64].

29 апреля 1918 г. положение Севастополя стало критическим. Германские войска стремительно приближались к городу. Со всех сторон непрерывным потоком в город входили утомленные и измученные боями матросские и красноармейские части. Они направлялись в порт, где шла погрузка людей, вооружения и боеприпасов на транспорты, готовившиеся к выходу в Новороссийск. Эскадренные миноносцы пополняли запасы горючего и продовольствия. На траспорты были погружены работники советских учреждений и члены коммунистических организаций, эвакуированные еще раньше из Симферополя и других городов Крыма, а также из Севастополя. К 22 часам шум в городе утих и берег опустел. Погрузка была закончена. С перегруженными трюмами и до предела переполненные людьми восемь транспортов: «Херсон», «Николай», «Алексей Михайлович», французский пароход «Оксюз» и другие — начали в темноте медленно пробираться вдоль узкой бухты к выходу. У бонновых заграждений транспорты остановились в ожидании эсминцев. В 23 часа 30 минут начали сниматься с якорей и выходить в море эскадренные миноносцы, команды которых решили уйти в Новороссийск,— «Керчь», «Калиакрия», «Гаджибей», «Пронзительный», «Беспокойный», «Пылкий», «Поспешный», «Гром-

кий», «Живой», «Жаркий», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный», а также десять сторожевых катеров, приказав транспортам, стоявшим на рейде, следовать за ними. В бухте остались все подводные лодки, команды которых в последний момент изменили свое решение о походе в Новороссийск под влиянием провокационной пропаганды. В 2 часа ночи флотилия благополучно миновала боновые заграждения, построилась в боевой походный порядок и скрылась за поворотом к Херсонесскому маяку [65].

Несмотря на все дипломатические угрозы, Германия опасалась, что Черноморский флот со всеми исправными военными и торговыми судами уйдет в Новороссийск. Чтобы воспрепятствовать этому, командующий германо-турецким флотом адмирал Ребейр-Пашвиц поставил в известность морской генеральный штаб в Берлине, что он намерен с «Гебеном» и «Гамидие» крейсировать перед Севастополем, причем все выходящие из бухты корабли будут рассматриваться как неприятельские. «30 апреля оба крейсера вышли в море,— пишет Г. Лорей,— и в ночь на 1 мая заняли позицию перед Севастополем... Вследствие того что «Гебен» еще не пришел в Севастополь, русский флот беспрепятственно на следующий день прибыл в Новороссийск» [66].

30 апреля 1918 г. на оставшихся в Севастополе судах коммунисты развернули усиленную борьбу за увод кораблей. Активизировали свою подрывную деятельность и украинские буржуазные националисты. Борьба достигла своего апогея, когда вечером стали известны результаты переговоров с немцами от вернувшейся из Симферополя делегации Клочковского. К этому времени немецкие разъезды и передовые части подошли непосредственно к городу, занимая наиболее удачные позиции для его обстрела. Делегация сообщила, что немцы настаивают на своих прежних требованиях, несмотря на поднятие украинских флагов. Генерал Кош заявил, что он не может отказаться от оккупации Севастополя и предоставить автономию Черноморскому флоту. Он требует немедленного разоружения флота и расформирования личного состава, после чего он будет переукомплектован по указанию

украинского штаба флота, в распоряжение которого поступит. В Севастополе флот будет стоять в бездействии до конца войны на Западном фронте под надзором германского гарнизона, а затем перейдет в полное распоряжение Украины. Только при соблюдении этого условия, несмотря на активные выступления флота против украинских и германских войск, морякам будет гарантирована неприкосновенность личности и предоставлена свобода выезда на родину, в противном случае к флоту будет применена вооруженная сила и виновные в неподчинении понесут заслуженную кару по законам военного времени[67].

Сообщение делегации о наглом германском ультиматуме быстро разнеслось по кораблям и вызвало всеобщее негодование моряков. Они поняли, как жестоко их обманули командные верхи и буржуазно-националистические провокаторы. Всем стало ясно, что под прикрытием «украинизации» немцы решили захватить в свои руки Севастополь и Черноморский флот. Оставалось только два выхода: или подчиниться требованиям Коша, или немедленно уходить в советский Новороссийск. Большинство моряков избрало последнее. Украинские желто-голубые флаги были сорваны, и на кораблях взвились красные флаги. Команды кораблей категорически потребовали от командующего флотом Саблина, чтобы он немедленно увел суда из Севастополя. В ответ Саблин заявил, что красный флаг должен быть спущен, корабли он поведет только под андреевским флагом и снимет с себя обязанности командующего флотом по прибытии в Новороссийск. Времени для переговоров не было, и моряки приняли его условия. Сам Саблин, когда пришел к выводу, что средней линии нет, предпочел господству германских империалистов подчинение Советской власти и, несмотря на свою ненависть к большевикам, решил идти в красный Новороссийск. Им был отдан приказ спустить украинские и красные флаги, поднять вместо них как «нейтральный» андреевский флаг и к 22 часам 30 апреля приготовиться к походу. Приказ о походе в Новороссийск был передан и в другие порты Крыма, где находились суда Черноморского флота, в частности в Ялту, Феодосию и Керчь. Саблин со своим штабом и отдельными членами Центрофлота переехал на линкор «Воля», на котором был поднят флаг

командующего флотом, и вскоре корабли начали сниматься с якорей и бочек.

К этому времени германские части уже заняли командные высоты Северной стороны, установили полевую артиллерию против бонов и получили возможность расстреливать суда почти в упор. Было очевидно, что при обнаружении уходивших кораблей немцы предпримут артиллерийский и пулеметный обстрел, однако Саблин, строго придерживаясь нейтралитета, категорически запретил открывать огонь по вражеским огневым точкам даже в случае начала обстрела с их стороны. Решили не зажигать огней, пропустить вперед эскадренные миноносцы, подводные лодки и мелкие суда, за которыми пойдут линейные корабли. В соответствии с этим планом около 23 часов 30 апреля 1918 г. двинулись к выходу из бухты эсминцы «Дерзкий», «Гневный», «Звонкий» и «Зоркий». Как только первый эсминец прошел узкий проход между бонами, немцы заметили движение судов в темноте. Немедленно взвилась ракета, осветив бухту, и по выходившим судам был открыт артиллерийский и пулеметный огонь. Эсминец «Дерзкий», дав полный ход, сумел выйти из-под обстрела, а следовавший за ним эсминец «Гневный» попал под прямой огонь врага. На корабле произошло замешательство. Чтобы избежать попадания снарядов, он сманеврировал, но наскочил на боновые заграждения и, потеряв возможность двигаться, оказался под губительным обстрелом. Когда он освободился от бон, выяснилось, что собственным ходом он не дойдет до Новороссийска, так как открылась течь от попадания немецких снарядов. Команда решила уничтожить корабль, но не сдать его врагу. «Гневный» повернул в бухту и на полном ходу выбросился на берег носом в Ушаковскую балку. Покидая эсминец, команда открыла кингстоны и подорвала машины. Корабль оказался наполовину на суше, наполовину затоплен [68]. Впоследствии немцы приложили немало усилий, чтобы отремонтировать и восстановить его, но это им так и не удалось.

Миноносец «Заветный», стоявший на ремонте, был затоплен командой в порту. Направлявшиеся к выходу из бухты эсминцы «Звонкий» и «Зоркий», а также подводные лодки, катера, торговые и вспомогательные суда из-за усилившегося обстрела вынуждены были

вернуться в Южную бухту. Подводники привели в негодность важнейшие механизмы подводных лодок и сошли на берег (позднее они были подвергнуты жестокому преследованию со стороны немецкого командования)[69].

Линейные корабли «Воля» и «Свободная Россия», имевшие мощную броню, несмотря на ожесточенный обстрел, благополучно покинули бухту. Снаряды мелких калибров не могли причинить линейным кораблям серьезных повреждений. В линкор «Свободная Россия», шедший следом, попало несколько снарядов. Два из них упали около второй башни. Один попал в башню и осколком повредил винт катера, стоявшего на палубе. Еще один снаряд врезался в палубу, но броню не повредил. Из команды было ранено пять человек[70]. Несмотря на приказ Саблина не открывать огня, один из комендоров «Свободной России» не выдержал и выпустил по интервентам два противолодочных снаряда.

В Севастополе остались и попали в руки немцев 7 старых линейных кораблей, команды которых были в основном расформированы и переведены на суда первой линии; 3 крейсера, 12 эсминцев, в их числе несколько старых миноносцев, стоявших в доках на ремонте; 15 подводных лодок, 5 плавучих баз, 3 румынских вспомогательных крейсера, большое количество транспортных и вспомогательных судов. Остались неэвакуированными из Севастополя 1-я и 2-я бригады воздушного флота, большие запасы боевого снаряжения, в частности все мины, снаряды и другие боеприпасы Сухарной балки, мастерские и все портовое имущество[71].

Более организованно проходила эвакуация из других портов Крымского полуострова, в частности из Керчи и Феодосии. После эвакуации из Одессы здесь скопилось значительное количество торговых судов. Так, в Феодосии находилось более 25 больших пароходов. Почти столько же судов оказалось в Керчи. Постепенная эвакуация этих портов на Кубань и в Новороссийск началась вскоре после вторжения немецких войск на Крымский полуостров. В ночь с 28 на 29 апреля 1918 г. в Керчи было погружено и отправлено в Ейск и Новороссийск 18 пароходов с войсками, советскими и партийными работниками, портовыми грузами. Крас-

ноармейские отряды, топливо и все ценное портовое имущество были погружены на стоявшие в Феодосии торговые суда и в сопровождении эсминца «Фидониси» отправлены в Новороссийск [72].

Первоначально на всех оставшихся в Севастополе судах были подняты украинские флаги и в командование флотом вступил контр-адмирал Остроградский, который известил украинское правительство в Киеве и германское командование, что не пожелавшие украинизироваться суда ушли в море, а все остальные подняли украинские флаги и остались в Севастополе. 1 мая 1918 г. в 15 часов войска немецких оккупантов заняли Севастополь. 2 мая в Севастопольскую бухту вошли «Гебен» и «Гамидие», но, ввиду того что им еще не было известно, все ли укрепления заняты германскими войсками, в особенности Балаклавские, входили они в полной боевой готовности: на них была пробита боевая тревога. Сведения о том, что входной фарватер свободен от мин, они предварительно получили от контрреволюционных офицеров [73]. 3 мая на всех оставшихся в Севастополе судах были спущены украинские и подняты германские флаги, что означало переход их в руки кайзеровской Германии.

Таким образом, несмотря на прямое противодействие командования флотом, соглашательскую, а по существу предательскую политику руководства Севастопольского Совета и Центрофлота, провокационную пропаганду эсеров, меньшевиков, анархистов и украинских буржуазных националистов, большевикам флота и Севастополя удалось спасти основные боевые силы Черноморского флота от захвата германскими империалистами. Это был поистине героический подвиг моряков-патриотов, до конца преданных Советской власти.

Глава III. МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЗАХВАТА СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В НОВОРОССИЙСКЕ

1. Корабли Черноморского флота в Новороссийске

Директива об эвакуации Черноморского флота в случае явной угрозы Севастополю стала известна в Новороссийске в начале апреля 1918 г., после прибытия на вспомогательном крейсере «Император Траян» комиссии Центрального комитета Черноморского флота под председательством Б. Е. Тягина, антисоветски настроенного бывшего капитана I ранга царского флота. Комиссия должна была подготовить здесь временную базу для стоянки кораблей Черноморского флота. 25 апреля из Москвы в Новороссийск, не имея возможности проехать в Севастополь, вернулась комиссия Центрофлота в составе товарища председателя И. Шульги и начальника отдела по укомплектованию флота Р. Левговда. Комиссия привезла 15 млн. руб., которые Народный комиссариат по морским делам отпустил на нужды Черноморского флота. 28 апреля на крейсере «Император Траян» состоялось заседание членов Центрофлота, где было принято решение хранить деньги на крейсере, рассматривать «Траян» как кладовую банка и усилить его охрану; временно никаких денег не выдавать, кроме как для выплаты жалованья личному составу находившихся в Новороссийске военных кораблей [1]. Кроме того, для управления судами, базировавшимися в Новороссийске, на совещании была создана временная коллегия Центрального комитета Черноморского флота в составе товарища председателя Центрофлота Шульги и членов Центрофлота Шейко, Козинцева и Стрелковского.

29 апреля на крейсере «Император Траян» состоялось заседание Новороссийского областного центрального исполнительного комитета, Военно-революцион-

ного комитета, Военно-морского комитета, командования порта, а также представителей Центрофлота. Обсуждались два вопроса: оборона Новороссийска в связи с угрозой захвата города германскими войсками и белогвардейцами со стороны Керченского пролива; финансовое положение Новороссийска ввиду возможной эвакуации флота. Однако заседание не успело принять по обсуждаемым вопросам никаких постановлений, поскольку в спешном порядке было закрыто, так как пришла радиограмма от Саблина из Севастополя, что якобы весь флот поднял украинские флаги.

Появление утром 1 мая 1918 г. в Цемесской бухте кораблей Черноморского флота, вышедших из Севастополя в 23 часа 30 минут 29 апреля, было полной неожиданностью для новороссийцев. «При входе в Новороссийскую гавань,— вспоминал бывший вахтенный начальник эсминца «Керчь» Б. М. Подвысоцкий,— нас прежде всего поразило то, что, несмотря на яркий весенний день, несмотря на необычность и внушительность картины подхода к порту крупной эскадры военных кораблей, на широких, просторных набережных и пирсах было почти совершенно пусто, как будто все кругом вымерло. На некоторых пирсах буквально некому было даже принять с кораблей бросательные концы, вследствие чего некоторым кораблям для швартовки приходилось подходить к пирсам вплотную. Почти та же картина была и в городе. Было совершенно очевидно, что здесь нас боятся и на всякий случай, не зная, какой мы придерживаемся ориентации, стараются избегать с нами встречи[2]. Однако такое положение продолжалось недолго. Убедившись, что ничего предосудительного мы себе не позволяем, отношение к нам быстро переменилось, и жизнь в городе приняла свое обычное, свойственное всем южным городам течение»[3].

Вечером 2 мая в сопровождении эсминца «Дерзкий» прибыли в Новороссийск линейные корабли «Воля» и «Свободная Россия»[4]. Они вышли из Севастополя около 23 часов 30 апреля. Вначале линкоры стали на внешнем рейде, но на следующий день вошли в бухту. «Воля» ошвартовалась у западного мола, а «Свободная Россия» — у восточного. 3 мая из Керчи пришел миноносец «Летчик».

Таким образом, в первых числах мая 1918 г. на Новороссийском рейде стояло 20 военных судов — основное боевое ядро Черноморского флота: линейные корабли «Воля» и «Свободная Россия», вспомогательный крейсер «Траян», 10 эскадренных миноносцев нефтяных, 6 угольных и 1 старый миноносец, а также 10 сторожевых катеров. Кроме того, в Цемесской бухте находилось до 30 пароходов и транспортов, причем только восемь из них пришли из Севастополя с некоторыми портовыми запасами [5].

Личный состав военных кораблей насчитывал около 3500 моряков, в том числе около 100 представителей командного состава, главным образом бывшие мичманы и мичманы военного времени. Кадровых офицеров царского флота было всего 15—20 [6]. Кроме того, прибыло около 1500 торговых моряков и около 15 тыс. беженцев и эвакуированных в Новороссийск красногвардейцев.

Вместе с флотом в Новороссийск эвакуировались многие руководящие партийные и советские работники из Одессы, Симферополя, Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи и других городов, оккупированных немцами. В ряды большевиков Новороссийска влились Ю. П. Гавен, Н. А. Пожаров, О. Х. Алексакис, П. З. Марченко, А. С. Турецкий, С. Г. Сапронов, Н. К. Сапронов, М. М. Богданов, Н. А. Кремлянский, Г. П. Ачканов, С. М. Лепетенко, В. В. Роменец, А. С. Силичев и др. С конца апреля в Новороссийске находилась и Н. И. Островская.

Советское правительство высоко оценило самоотверженность моряков-черноморцев, спасших свои корабли от захвата германскими империалистами. В приказе Народного комиссариата по морским делам командованию Черноморского флота говорилось: «Выражаем всему личному составу флота, пришедшего в Новороссийск, братское приветствие от имени Морского комиссариата и Совнаркома. Республика оценит героические усилия, направленные в этих трудных условиях на спасение флота, страны и революции» [7].

Вскоре после прибытия кораблей в Новороссийск настороженное отношение населения города к морякам рассеялось. Моряки-черноморцы принимали активное участие в жизни города. Флот взял в свои руки охрану Новороссийска. Ежедневно для охраны горо-

да и поддержания революционного порядка назначалось две роты: одна от линейных кораблей, а другая от минной бригады. Моряки-черноморцы несли гарнизонную службу, а по ночам высылали патрули[8].

Под угрозой применения силы моряки удалили из Новороссийска анархистски настроенные воинские части, отказавшиеся следовать по назначению, что также способствовало установлению революционного порядка в городе. Так, немало неприятностей причинил городским органам Советской власти транспорт «Евфрат». На нем находились отряд анархистов численностью свыше 700 человек, около 2 тыс. пудов различных взрывчатых веществ, а также деньги и всевозможные ценности, награбленные в городах Крыма. В ответ на предложение Новороссийского Совета сдать оружие и ценности анархисты заявили, что скорее взорвутся, чем выдадут их. Тогда Совет обратился за помощью к морякам. Разоружить «Евфрат» было поручено «Поспешному». Эсминец подошел к «Евфрату» и предъявил требование немедленно сдаться, угрожая в противном случае торпедировать его. «Евфрат» поднял белый флаг и сдал ценности и оружие. Специальная комиссия произвела учет денег и ценностей, а затем отправила их в Москву. 23 мая 1918 г. член коллегии Морского комиссариата В. М. Альтфатер сообщил Саблину, что отправленное им «ценное имущество прибыло в Москву». Деньги в сумме 850 205 руб. были сданы в Новороссийскую контору Народного банка на текущий счет Новороссийского Совета рабочих и крестьянских депутатов[9].

Коммунисты флота и города вели большую организационно-политическую работу среди портовых рабочих и трудящихся Новороссийска. Делегации партийно-советских работников и рабочих города посещали боевые корабли, а моряки — предприятия города. Руководящие партийные и советские работники и представители флота выступали на рабочих митингах и собраниях. Так, 13 мая 1918 г. на многочисленном собрании рабочих Староцементного завода (ныне завод «Пролетарий») состоялся доклад Н. И. Островской о текущем моменте, в котором она подробно остановилась на революционной борьбе, жизни и труде рабочих Центральной России, осветила международное положение Советской республики. Новороссийская «Красная

газета» в отчете о собрании отмечала, что доклад закончился под бурные аплодисменты. Н. И. Островская обстоятельно ответила на вопросы, которые ей были заданы. 14 мая 1918 г. на общем собрании рабочих и служащих Владикавказской железной дороги с докладом о текущем моменте выступил Н. П. Авилов-Глебов, член большевистской партии с 1904 г., после Октября был наркомом почт и телеграфов. От командования и личного состава Черноморского военного флота выступил Р. Левговд, который заявил, что «флот признает Советскую власть и Совет Народных Комиссаров и готов совместно с рабочими дать решительный отпор немецким насильникам». Эвакуированная вместе с флотом ялтинская большевистская боевая дружина передала в знак братской солидарности Новороссийскому городскому комитету РКП(б) 2800 руб.[10]

Прибытие кораблей Черноморского флота сыграло положительную роль в жизни Новороссийска и укреплении Советской власти. Рабочие Новороссийска в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией опирались на флот как военную силу революции.

Однако флот в Новороссийске оказался в трудном положении. Новороссийский порт, оборудованный под погрузку зерна, цемента и других товаров, был совершенно не приспособлен для долговременной стоянки большого количества военных кораблей. Здесь не было необходимых флоту мастерских, запасов топлива (уголь, нефть), боеприпасов, продовольствия. Поэтому флот мог рассчитывать только на то, что было вывезено из Севастополя. «По приходе в Новороссийск,— вспоминал командир «Керчи» В. А. Кукель,— наиболее катастрофично дело обстояло с жидким топливом: эскадренные миноносцы с нефтяным отоплением, т. е. самые современные корабли, представлявшие наиболее активную часть морских сил, сосредоточенных в Новороссийске, после прихода из Севастополя в среднем имели по 4—6 тонн запаса нефти. Конечно, такое количество топлива не допускало возможности произвести хотя бы самую скромную боевую операцию»[11].

Особенно остро стоял продовольственный вопрос. Эвакуированного из Севастополя продовольствия не хватало, так как на довольствии у флота находились прибывшие вместе с ним красноармейские отряды и беженцы. Несмотря на все усилия, партийно-советские

организации Новороссийска не могли оказать реальную помощь флоту: город едва мог прокормить свой небольшой гарнизон и около 2 тыс. больных и раненых красноармейцев, ранее эвакуированных с Кавказа и Крыма. Рассчитывать на подвоз продовольствия из других районов страны не приходилось, так как единственная железнодорожная линия, связывавшая Новороссийск с Екатеринодаром, ввиду малочисленного и крайне изношенного подвижного состава еле справлялась с перевозкой большого количества пассажиров и эвакуированных из причерноморских городов грузов. В начале мая 1918 г. финансовое положение Новороссийска настолько ухудшилось, что были прекращены выплаты пособий больным, беженцам и пенсионерам.

Значительно осложнилась, стала более напряженной и политическая обстановка на Черноморском флоте, так как флот фактически остался без руководства. Только благодаря энергии и настойчивости большевиков и революционно настроенных матросов, а также некоторых командиров-патриотов во главе с В. А. Кукелем удалось спасти боевые суда флота от захвата германскими войсками. Председатель Центрального комитета Черноморского флота С. С. Кнорус и большинство его членов из правых эсеров и меньшевиков остались в Севастополе. Центрофлот как руководящий орган Черноморского флота перестал существовать. Временная коллегия Центрофлота, созданная в Новороссийске 28 апреля 1918 г., пыталась подчинить своему руководству военные корабли, стоявшие в Цемесской бухте, но после прибытия основных сил Черноморского флота распалась: с ней никто не стал считаться. Саблин под давлением команд согласился лишь привести суда в Новороссийск. Команды миноносцев избрали командиров только на время похода.

Резкое недовольство матросских масс предательским поведением своих руководящих верхов, которым они доверили власть и верили, не могло не сказаться на их поведении и настроении. На политических настроениях личного состава сказывалось и отсутствие главного комиссара флота, который обязан возглавлять и направлять политическую работу на кораблях. Сменивший в марте 1918 г. главного комиссара флота большевика В. В. Роменца левый эсер В. Б. Спиро, как отмечалось, 6 апреля 1918 г. был арестован в

Москве. Назначенный Советским правительством главным комиссаром на период эвакуации флота в Новороссийск председатель Центрофлота левый эсер С. С. Кнорус от этого поста отказался. Таким образом, флот остался и без централизованного политического руководства, так как политическим воспитанием личного состава занимались только судовые комитеты и судовые политработники.

Вот в такой обстановке началось обсуждение вопроса об оперативном руководстве Черноморским флотом. Вечером 2 мая 1918 г. на вспомогательном крейсере «Император Траян» состоялось делегатское собрание флота. Участники собрания заслушали доклады Р. Левговда и И. Шульги об их поездке в Москву и об отношении центра к Черноморскому флоту. Выступление Шульги носило открыто контрреволюционный характер. Он клеветал на коллегию Морского комиссариата, призывал моряков не признавать Совет Народных Комиссаров и Новороссийский Совет[12]. Контрреволюционное выступление Шульги нашло сочувствие у офицеров и у некоторой части матросов. Выступившие на собрании анархисты Шелестун и Кедрин заявили, что хотя они не признают никакой власти, но в данных чрезвычайных обстоятельствах власть необходима. Оба высказались за вручение единоличной власти Саблину и получили поддержку. Собрание выбрало делегацию, которая немедленно направилась к Саблину на линкор «Воля», чтобы поставить его в известность.

Выслушав делегатов, Саблин заявил, что согласится принять командование флотом лишь в том случае, если будут выполнены его условия. Выдвинутые Саблиным условия носили ультимативный, диктаторский, антидемократический, а фактически контрреволюционный характер. Он требовал изгнать из флота всех, кто не желает мириться с его единоличной властью как командующего; устранить на флоте выборное начало; опустить на судах флота красные флаги — символ революции, символ государственного флага Советской республики — и поднять ненавистные морякам царские андреевские флаги. Несмотря на то что требования Саблина противоречили революционным завоеваниям, они были приняты большинством личного состава флота. Результаты проведенного 3 мая

1918 г. референдума были следующими: в голосовании участвовало свыше 3 тыс. человек, за передачу всей полноты власти Саблину проголосовали 2433 человека, против — 237, остальные воздержались или требовали смягчения поставленных условий [13].

Воодушевленный итогами референдума, Саблин прибыл на состоявшееся в тот же день на «Траяне» делегатское собрание, где выступил с демагогической и контрреволюционной речью. Саблин обещал при поддержке команд привести суда в боеспособное состояние, всячески восхвалял офицеров и открыто призывал к расправе над большевиками и идущими за ними революционными матросами. 4 мая в 8 часов утра была проведена торжественная церемония поднятия на судах андреевских флагов. Она означала, что Саблин вступил в исполнение обязанностей командующего Черноморским флотом в Новороссийске. В тот же день он оформил приказом свое вступление на пост командующего. «Две недели тому назад,— говорилось в приказе,— Совет Народных Комиссаров назначил меня начальником морских сил Черного моря с чрезвычайными полномочиями, а всеобщим голосованием Черноморского флота 3 мая на Новороссийском рейде я избран на должность командующего флотом с предоставлением мне в соответствии с исключительными обстоятельствами всей полноты власти» [14]. Этот приказ раскрывает двуличие поведения и антисоветскую направленность политики Саблина. Спекулируя на факте своего назначения Совнаркомом на пост начальника морских сил Черного моря, от которого он совсем недавно, в Севастополе, так решительно отказался, не скупясь на псевдопатриотическую и псевдореволюционную фразеологию, Саблин призывал к «классовому миру» во имя спасения флота. Но, разумеется, не для чуждой ему Советской власти, в силу и прочность которой он не верил, а для милой его сердцу «единой и неделимой России», символ которой — андреевский флаг — он так настойчиво требовал поднять и поднял на судах Черноморского флота.

Вскоре Саблин посетил заседание Новороссийского исполнительного комитета. На заседании присутствовали Н. И. Островская и А. В. Баранов, балтийский моряк, член РСДРП(б) с 1914 г., в начале мая 1918 г. командированный Я. М. Свердловым для выяснения

политического положения на флоте и Кубани. В своей речи Саблин заявил, что никакой анархии и партийной борьбы во флоте он не допустит [15].

Став диктатором, Саблин начал предпринимать шаги по реставрации старых порядков во флоте. Он всячески притеснял коммунистов и судовые комитеты и в то же время поднимал роль и значение белогвардейски настроенных офицеров, которые вели антисоветскую пропаганду среди матросов, преследовали большевиков флота и угрожали физической расправой наиболее активным из них. Когда белогвардейцы сообщили Саблину, что в местной тюрьме с января 1918 г. содержится 49 корниловских офицеров, он попытался найти повод для их освобождения. Так, Саблин запросил Новороссийский Совет, предъявлено ли им обвинение. Совет, рассчитывая на поддержку флота, сообщил, что обвинение еще не предъявлено. Но, к удивлению Совета, Саблин, как начальник морских сил Черного моря, потребовал от имени флота немедленно освободить арестованных офицеров, угрожая, что в случае отказа пришлет своих людей и выпустит их. Совет вынужден был освободить всех офицеров, причем шесть из них были зачислены в команду линкора «Воля», где реакционное ядро офицеров вело антисоветскую агитацию за возвращение флота в Севастополь и сдачу его немцам. Остальные освобожденные Саблиным офицеры бежали из города к белогвардейцам и принимали активное участие в борьбе против Советской власти. Саблин не ограничился поднятием андреевских флагов на военных кораблях и потребовал также спустить красные флаги и поднять царские трехцветные флаги на судах торгового флота. Все эти факты свидетельствовали о намерении Саблина возродить старые порядки и превратить Черноморский флот в орудие реакционных сил на юге страны.

Борьба за матросские массы, против контрреволюционного влияния офицеров, эсеров и украинских буржуазных националистов нарастала, принимала все более острые формы. Коммунисты флота, партийные и советские работники Новороссийска, Екатеринодара, а также Одессы, Севастополя и других городов, эвакуированных в Новороссийск, усилили революционную борьбу за идеологическое влияние партии среди матросских масс. В начале мая 1918 г. в Новороссий-

ске состоялось партийное собрание городской организации РКП(б) во главе с А. Е. Худаниным, коммунистов флота и Севастополя. В нем приняли участие Н. И. Островская, Ю. П. Гавен, Н. А. Пожаров, О. Х. Алексакис, В. В. Роменец, П. З. Марченко, С. М. Лепетенко, Н. К. Сапронов, М. Ф. Долгов, Н. А. Кремлянский, Г. П. Ачканов, А. С. Силичев и др. На собрании присутствовали Н. П. Авилов-Глебов и А. В. Баранов.

Выступавшие на собрании коммунисты говорили о возраставшей опасности реакционных брожений в Черноморском флоте. В связи с тем что Саблин запретил проводить митинги, собрания и открытую революционную пропаганду на кораблях, решили усилить политическую работу среди матросских масс на берегу. Участники собрания приняли резолюцию, в которой говорилось: «Всем нашим работникам в советских организациях, в армии и флоте вменяется в обязанность усилить партийную дисциплину и партийное влияние во флоте, с тем чтобы превратить его в надежный оплот социалистической революции, памятуя славные традиции Черноморского флота» [16].

Наряду с конкретными мероприятиями по организации обороны Новороссийска и Черноморья собрание решило организовать отряд из коммунистов и направить его на фронт. В него влилось около 50 коммунистов флота, что, правда, ослабило его партийную организацию.

Партийное собрание постановило организовать в ближайшие дни издание ежедневной «Красной газеты» — органа Новороссийской организации РКП(б). Газета должна была сплотить моряков под знаменем большевистской партии, расширить и углубить политическую и организационную работу среди трудящихся города. Практическое осуществление этой задачи было возложено на Н. П. Авилова-Глебова и заместителя председателя Новороссийского Совета И. Е. Кузьмина [17].

По инициативе коммунистов флота в начале мая 1918 г. в Новороссийске был создан Чрезвычайный черноморский революционный комитет по обороне Новороссийского района из представителей советских организаций, флота и профсоюзов. В него вошли от флота пять человек: Н. И. Островская, А. В. Баранов, А. С. Силичев, П. З. Марченко и Г. Руснак. При коми-

тете создавались оперативные штабы из военных специалистов [13].

8 мая 1918 г. члены Чрезвычайного черноморского революционного комитета Н. И. Островская и А. С. Силичев были делегированы ЦИК Черноморской советской республики в город Екатеринодар для установления связи с военным штабом Кубано-Черноморской республики. В мандате, выданном Н. И. Островской, предлагалось «всем учреждениям и лицам оказывать тов. Островской полное содействие». Такое же содержание имел и мандат А. С. Силичева [19].

8 мая 1918 г. Н. И. Островская послала в СНК РСФСР письмо, в котором подробно охарактеризовала политическую обстановку на флоте, мировоззрение и поведение Саблина. «Матросы Новороссийской эскадры еще не очнулись от паники, навеянной стараниями пораженцев в Севастополе, поспешным отступлением эскадры,— писала Н. И. Островская,— и потому попали всецело под влияние Саблина, приспешники которого стараются сделать его спасителем флота... Адмирал приказал поднять андреевские флаги, и, кроме транспортов, их везде подняли. Матросы ему вручили власть. Никто из нас адмиралу не доверяет, он держится диктатором, говорит о необходимости примирения с корниловцами, дабы вместе ударить на немцев, игнорирует все наши учреждения... Им организован штаб помимо советских учреждений, без их ведома (даже информации не было). Назначен начальник укрепленного района таким же порядком...» В качестве практических мер по наведению революционного порядка и оздоровлению политической обстановки среди личного состава эскадры Н. И. Островская рекомендовала: во-первых, поставить над Саблиным «контроль, подчинив его непосредственно организовавшемуся в Новороссийске Чрезвычайному революционному комитету по обороне района», а во-вторых, «тотчас же по радио назначить политических комиссаров флота — меня или Глебова, который тоже тут и ставит газету» [20].

Эта довольно полная и правдивая информация о политической обстановке на флоте и в Новороссийске имела важное значение для Советского правительства и Народного комиссариата по морским делам. В соответствии с предложением Н. И. Островской коллегия Народного комиссариата по морским делам назначила

Н. П. Авилова-Глебова главным комиссаром Черноморского флота, а его помощником А. В. Баранова. 14 мая 1918 г. Саблину была послана радиограмма: «Коллегия Морского комиссариата постановила возложить на тов. Авилова-Глебова временное исполнение обязанностей Главного комиссара Черноморского флота, а на тов. Баранова — его помощника» [21].

Назначение главного комиссара флота и его помощника адмирал Саблин встретил враждебно. В разговоре по прямому проводу с В. М. Альтфатером 16 мая 1918 г. Саблин с возмущением заявил: «Лица, назначенные комиссарами флота, начали свою деятельность в Новороссийске агитацией против меня и андреевского флага. От их дальнейшей деятельности будет зависеть увеличение боеспособности или окончательный развал флота, так как я совершенно не считаю себя способным заниматься политикой и партийной борьбой, и в этом отношении вся ответственность за дальнейшее ложится на них и на вас, назначивших их, так как флот с приходом сюда под моим командованием начал оздоровляться и появилась возможность сделать его боеспособным» [22]. Из вышесказанного ясно, какое «оздоровление» флота имел в виду Саблин.

Приступив к обязанностям главного комиссара флота, Н. П. Авилов-Глебов прежде всего принял меры для развертывания политической работы среди личного состава, поднятия воинской дисциплины и пресечения фактов воровства общественного имущества, которые имели место. Отмененные Саблиным делегатские собрания начали регулярно созываться. Опираясь на коммунистов и революционно настроенных моряков, главный комиссар прилагал все усилия к тому, чтобы предотвратить начавшийся процесс деморализации личного состава флота и уход части моряков в связи с истечением срока контрактов. Однако завоевать авторитет среди матросских масс Н. П. Авилову-Глебову было не легко: он не был моряком, вел политическую работу главным образом на берегу и к тому же не обладал ораторскими способностями.

Уже 19 мая 1918 г. было созвано делегатское собрание. Получив внеочередное слово, Н. П. Авилов-Глебов призвал матросов остаться на кораблях и честно выполнить свой революционный долг, встав на защиту Отечества рабочих и крестьян. Главный комис-

Главный комиссар Черноморского флота
(май — июнь 1918 г.)
Николай Павлович Авилов-Глебов

сар подчеркнул, что в дальнейшем будет решительно бороться с контрреволюционным течением, откуда бы оно ни исходило.

Политработники флота во главе с Н. П. Авиловым-Глебовым, опираясь на коммунистов и наиболее сознательных матросов, широко развернули разъяснительную работу среди личного состава флота за продление срока службы и в конце мая провели референдум. 31 мая 1918 г. на делегатском собрании, проходившем на «Траяне», было заслушано сообщение об итогах референдума о продлении сроков договоров. В результате проведенной агитационной работы основ-

ная масса моряков решила остаться во флоте. В связи с осложнением военно-политической обстановки на Кубани и Черноморье многих матросов волновала судьба флота и их будущее. Н. П. Авилов-Глебов заверил, что военные моряки в случае ликвидации флота будут обеспечиваться государством наравне с рабочими заводов. После выступления главного комиссара делегатское собрание приняло постановление: «Призвать к выполнению революционного долга всех военных моряков и напомнить им, что, покидая флот в такое трудное время, они являются пособниками германо-украинских контрреволюционных банд... а потому все военные моряки должны оставаться на своих местах до выяснения положения флота, которое должно определиться в ближайшее время». Эта резолюция свидетельствовала о значительных изменениях в настроении матросских масс, о росте их политической активности и революционной сознательности под влиянием агитационно-пропагандистской работы комиссаров и коммунистов флота.

Большую политико-воспитательную и организационную работу среди личного состава флота и трудящихся города развернула «Красная газета» — орган Новороссийского горкома РКП(б). Ее первый номер вышел 15 мая 1918 г. Политическое руководство и даже редактирование отдельных ее номеров осуществлял Н. П. Авилов-Глебов. За короткое время он выступил на страницах газеты с рядом статей, в которых просто и понятно разъяснял внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства. «Партийная работа и постановка газеты,— писал он в Москву,— взяли много времени...» [23]

В «Красной газете» регулярно публиковались работы В. И. Ленина, сыгравшие огромную роль в коммунистическом воспитании трудящихся и моряков флота. Во второй половине мая — первой половине июня 1918 г. в ряде номеров газеты были опубликованы тезисы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и его «Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.». Выступления вождя Коммунистической партии разъясняли политику Советской власти, сложное международное и внутреннее положение Советской республики, определяли ее очередные задачи и при-

зывали всеми силами укреплять экономическое и военное положение социалистического государства.

Несмотря на трудности, коммунисты флота, партийные и советские организации Новороссийска и Екатеринодара упорно вели борьбу против контрреволюционных сил, группировавшихся вокруг Саблина. Острая борьба разгорелась в связи с приказом Саблина о поднятии на военных кораблях андреевских флагов, а на торговых судах — трехцветных флагов. 20 мая 1918 г. начальник Морского генерального штаба радиограммой сообщил Саблину: «Народный комиссар по иностранным делам уведомил, что флагом Российской республики является красный флаг с надписью золотыми буквами «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика»» [24]. Несмотря на это, Саблин 23 мая телеграфировал в народные комиссариаты по морским и иностранным делам, что радиограмма Морского генерального штаба относительно флага для торговых судов его не удовлетворяет, необходим категорический приказ о том, какой иметь носовой флаг.

Командиры многих кораблей под влиянием коммунистов спускали андреевские и поднимали красные флаги. Моряки не хотели мириться с царскими флагами, о чем сообщали Советскому правительству. 21 мая 1918 г. в телеграмме на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина Чрезвычайный черноморский революционный комитет за подписью А. С. Силичева сообщил о своем постановлении по вопросу о поднятии кормового флага: «Так как суда Черноморского флота, как военные, так и коммерческие, являются собственностью Российской Федеративной Советской Республики, флагом которой Рабоче-Крестьянское правительство утвердило красное знамя с надписью белыми буквами название республики, просить Совет Народных Комиссаров издать приказ по флоту поднять на корме наш флаг, обагренный кровью лучших защитников нашего социалистического Отечества». Еще более энергично протестовали исполком Кубано-Черноморского Совета и Чрезвычайный штаб обороны. 23 мая они телеграфировали в Совет Народных Комиссаров: «Ввиду явной измены делу революции, осложнившей оборону Черноморско-Кубанской Советской Республики, и контрреволюционной дея-

тельности командующего Черноморским флотом Саблина, потребовавшего поднятия торговым флотом трехцветного флага, требуем немедленного отстранения его от занимаемой должности командующего флотом и предания суду народа» [25].

Встретив решительное противодействие попыткам восстановить дореволюционные порядки во флоте, Саблин начал посылать в Морской комиссариат письма, в которых, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья, просил или освободить его от занимаемой должности, или вызвать в Москву для доклада.

Таким образом, тяжело пережив предательство эсеро-меньшевистских руководителей Центрофлота и Севастопольского Совета и временно подпав под влияние Саблина, пытавшегося возродить реакционные порядки во флоте, основная масса моряков Новороссийской эскадры твердо встала под знамя большевистской партии. Важную роль в этом сыграла широкая агитационно-пропагандистская работа комиссаров и коммунистов флота, советских и партийных работников Новороссийска и Екатеринодара.

В середине мая 1918 г. чрезвычайно обострилось международное и внутреннее положение Советской республики. Напряженное положение, созданное интервенцией Антанты, усугублялось новым обострением отношений Советской России с Германией, в политике которой могла взять верх военная партия, стоявшая за немедленное наступление на Советскую республику. Большинство партий немецкой империалистической буржуазии пока стояло за соблюдение Брестского мира и вместе с тем было не прочь аннексировать новые территории России.

Однако в «Тезисах о современном политическом положении», написанных 12—13 мая 1918 г., В. И. Ленин отмечал: «Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил». «...Пока остались хотя бы некоторые шансы на сохранение мира,— подчеркивал В. И. Ленин,— или на заключение, ценой известных новых аннексий или новых потерь, мира с Финляндией, Украиной и Турцией, мы никоим образом не должны делать ни одного шага, который мог

бы помочь крайним элементам военной партии империалистских держав»[26]. Ленинский глубокий анализ международного и внутриполитического положения Советской России полностью подтверждался развитием событий на Дону, Кубани, Черноморье и в Закавказье.

28 апреля 1918 г. германские империалисты разогнали не оправдавшую их надежд петлюровскую Центральную раду и установили на Украине монархический режим бывшего царского генерала гетмана Скоропадского. Под прикрытием германских войск усилиями всероссийской контрреволюции на оккупированной территории стали возрождаться буржуазно-помещичьи порядки. Это оживило силы контрреволюции на Дону, Кубани и в Закавказье. Вероломно нарушая Брестский договор, германские войска продолжали рваться на восток. «На Украине все идет планомерно,— писал в своем дневнике немецкий генерал М. Гофман. — Мы заняли весь Крым, нам еще следует занять Таганрог и Новороссийск, тогда все Черное море будет в наших руках». 2 мая 1918 г. немцы заняли Таганрог, а 8 мая пал Ростов-на-Дону. Немецкие войска переправились через Дон и двинулись на Батайск. Но под Батайском они встретили упорное сопротивление революционных отрядов А. В. Мокроусова и Б. Г. Родионова, отступивших в этот район с Украины[27].

В ночь с 8 на 9 мая 1918 г. при поддержке германских интервентов кулаки и зажиточные слои казачества подняли восстание против Советской власти на Таманском полуострове. Во главе мятежа стояли белогвардейские офицеры Гулыга и Цибульский. Контрреволюционеры захватили в плен часть красногвардейцев, расстреляли командира отряда Красной Армии И. Т. Белинова, овладели станицей Таманской и предприняли наступление на соседние населенные пункты.

58-й Берлинский пехотный полк и другие подразделения немецких интервентов, форсировав Керченский пролив, высадились на Таманском полуострове. Германские интервенты и белогвардейцы, оттеснив малочисленные и плохо вооруженные красноармейские отряды, заняли станицы Таманскую, Ахтанизовскую,

Вышестеблиевскую и Голубицкую и непосредственно угрожали г. Темрюку [28].

На помощь революционным отрядам по указанию Чрезвычайного штаба обороны Кубано-Черноморской республики, созданного 29 апреля 1918 г., на Таманский полуостров срочно перебрасывались подкрепления из Екатеринодара, Новороссийска, Ейска, Славянской, Крымской, Варениковской. Советскими войсками, действовавшими на Таманском полуострове, командовал А. А. Романенко, сын бедного рыбака из поселка Пересыпь на Тамани. После революции фельдфебель А. А. Романенко был избран командиром 491-го Варнавинского полка, прибывшего во второй половине января 1918 г. из Трапезунда в Новороссийск и включившегося в борьбу с контрреволюцией на Кубани. Получив подкрепление, советские части перешли в наступление против немецких интервентов и белоказаков. 13 и 14 мая произошло ожесточенное сражение. Противник не выдержал сильного натиска и начал отступать, однако боевые действия на Тамани против немцев и контрреволюционной части казачества продолжали сковывать значительные силы и лучшие полки, сформированные на Кубани и Черноморье [29].

В начале мая 1918 г. закавказское контрреволюционное правительство двинуло крупные военные силы против Советской Абхазии. 9 мая председатель Военно-революционного комитета Абхазии Е. Эшба сообщил по прямому проводу в Чрезвычайный штаб обороны Кубани и Черноморья о наступлении контрреволюции и просил помощи сухопутными и морскими силами. В Новороссийск была послана делегация, представители которой выступили на матросском митинге с просьбой оказать помощь Сухумскому Совету. Моряки-черноморцы выразили горячую готовность вступить в бой с закавказской контрреволюцией [30].

11 мая 1918 г. Е. Эшба обратился с телеграммой к Председателю Совнаркома В. И. Ленину и в копии к чрезвычайному комиссару Юга России Г. К. Орджоникидзе с просьбой о помощи. В телеграмме говорилось, что в случае прорыва Сухумского фронта все Черноморское побережье окажется в опасности, спасти положение могут только суда Черноморского флота, стоявшие в Новороссийске, поэтому необходимо

«срочно дать распоряжение новороссийскому командующему флотом Саблину о высылке на Сухумский фронт боевых судов» [31].

В ответ на просьбу Сухумского Совета коллегия Морского комиссариата 12 мая 1918 г. направила Саблину директиву, в которой предлагалось подготовить часть судов флота для выхода в район Сухума с целью оказания помощи советским войскам, оборонявшим Сухумский округ. «Флот держать в полной боевой готовности,— говорилось в директиве,— и надлежащую часть двинуть в Сухум-Кале для защиты его против изменнических нападений закавказской шайки Чхенкели, объявившей себя правительством. На случай боевых действий немцев против флота с суши защищаться энергично, и защищать все побережье от Донской области до Поти в случае нападения как с моря, так и с суши. Сдача флота будет изменой». Однако, отдавая указание Черноморскому флоту оказать помощь Советской Абхазии в борьбе с контрреволюцией, Советское правительство в то же время принимало меры для соблюдения условий Брестского мирного договора. Так, в директиве подчеркивалось: «Ни в коем случае не совершать никаких нападений на суда, военные или торговые, подводные лодки, миноносцы и т. п. Четверного союза. Только защищаться на случай их нападения. Даже один выстрел в германское или турецкое судно будет играть роль провокационного акта, могущего повести к наступлению на Кавказ. Такой акт был бы равносилен измене. Помнить твердо и соблюдать строжайше, что мы храним Брестский договор и с Германией не воюем, отбивая атаки лишь изменников чхенкелевского правительства (так называемый Закавказский сейм) или тех банд, кои вопреки заявлениям немецкого правительства способны наступать вне пределов Украины» [32].

Советское правительство поставило в известность Министерство иностранных дел Германии о приказе части судов Черноморского флота выйти к Сухуму. В ноте народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина германскому послу в Москве Мирбаху разъяснялось, что так называемое закавказское правительство не имеет опоры в широких народных массах, что отделение Закавказья не было признано Советским правительством, а поэтому является нарушением

Брестского мирного договора. «Нашему флоту,— говорилось в ноте,— дана инструкция в случае нападения самозваного, так называемого закавказского правительства на Сухумский округ оказать поддержку советским властям. К Турции и Германии наш флот будет относиться как флот нейтральной державы» [33].

Но германское правительство, поддерживая закавказскую контрреволюцию, не дало согласия на выход военных судов Черноморского флота из Новороссийска для оказания помощи Советской Абхазии. Поэтому 14 мая 1918 г. нарком по морским делам радировал в Новороссийск командованию флота: «...посылка судов к Сухуму и вообще к портам Кавказского побережья отменяется... Флоту оставаться в Новороссийске...» Саблину было предложено «безотлагательно обратиться по радио к германскому командованию с объявлением, что Черноморский флот, сосредоточенный в Новороссийском порту, будет строжайшим образом соблюдать условия Брестского договора, посему не будет выходить из Новороссийска, каковое обстоятельство отнимает у противной стороны какие бы то ни было основания для враждебных действий как против флота, так и Черноморского побережья». На следующий день наморси Саблин послал радиограмму указанного содержания в Николаев главнокомандующему германских войск на Востоке. Однако 16 мая Саблин поспешил уведомить германское командование в Николаеве о том, что во время ожесточенных боев за Сухум команды двух катеров и тральщика из кавказского отряда, несколько месяцев назад отколовшегося от Черноморского флота, по собственному почину подвергли бомбардировке с моря войска контрреволюционеров. В своей провокационной телеграмме Саблин просил главнокомандующего германских вооруженных сил на Востоке срочно выработать условия, при которых он смог бы принять решительные меры к пресечению такого рода выступлений [34].

Не желая осложнять отношения с Германией, Совет Народных Комиссаров РСФСР в то же время продолжал изыскивать пути для оказания помощи Советской Абхазии. 16 мая 1918 г. Г. В. Чичерин представил В. И. Ленину проект телеграммы начальнику морских сил Черного моря Саблину, в которой говорилось: «...войска закавказского правительства, на-

ходящиеся в двадцати верстах от Сухума и поддерживаемые флотилией вооруженных торговых судов, двигаются на Сухум, угрожая всему черноморскому побережью. Предписываем Вам немедленно вооружить ряд наших торговых судов и под видом защиты наших торговых грузов двинуть на юг для защиты Сухума». В записке Г. В. Чичерину на проекте телеграммы В. И. Ленин писал: «...по-моему, Брестский договор не может нам запретить бороться против мятежников-пиратов (вооруженные торговые суда) и надо *найти форму*, чтобы дать вооруженный отпор нашими морскими силами против мятежников» [35].

В соответствии с указаниями В. И. Ленина Народный комиссариат иностранных дел продолжал требовать от Германии согласия на поход судов к Сухуму. 17 мая 1918 г. Г. В. Чичерин дал указание советскому полпреду в Германии А. А. Иоффе сломить сопротивление германского правительства по вопросу оказания помощи Советской Абхазии. «Необходимо,— писал он,— чтобы наши суда могли выйти из Новороссийска поддержать наших абхазцев против закавказских узурпаторов, но Германия требует неподвижного пребывания наших судов в Новороссийске» [36].

В тот же день Г. В. Чичерин направил германскому послу Мирбаху ноту с просьбой как можно быстрее разрешить оказание помощи советским войскам в Абхазии. В ноте указывалось, что так называемое закавказское правительство, против которого в Абхазии борется весь народ, бомбардирует побережье с вооруженных торговых судов. Революционные моряки не могут оставаться пассивными зрителями вероломных нападений на мирных жителей советского побережья Кавказа. Если германское правительство не оказывает помощи РСФСР против этих пиратов на Черном море, подчеркивалось в ноте, то «оно не может возражать против того, что мы будем сами себя защищать» [37].

Несмотря на настоятельные просьбы, германское правительство не согласилось на передвижение судов Черноморского флота из Новороссийска, так как само готовилось к оккупации Грузии. 25 мая 1918 г. в Поти высадился 3-тысячный немецкий отряд фон Кресса, а 10 июня германские войска вошли в Тифлис [38].

Несмотря на героическое сопротивление явно превосходившим вооруженным силам закавказского контрреволюционного правительства, советские части в Абхазии вынуждены были отступить. 21 мая 1918 г. пал Сухум. Вскоре по всей Абхазии была установлена власть грузинских меньшевиков, просуществовавшая до марта 1921 г. Таким образом, силы закавказской контрреволюции подошли к границам Кубано-Черноморской советской республики. С севера, со стороны Ростова-на-Дону и Тамани, Новороссийску угрожали войска германских империалистов и белогвардейцев. Вражеское кольцо все сильнее сжималось вокруг временной базы Черноморского флота.

2. Усилия советской дипломатии путем переговоров с Германией спасти базировавшиеся в Новороссийске суда

Черноморский флот в распоряжении Советского правительства представлял грозную силу в борьбе с контрреволюцией на юге страны. Поэтому германские милитаристы решили во что бы то ни стало овладеть им полностью, чтобы тем самым ослабить Советскую республику, стать хозяевами на Черном море и использовать Черноморский флот против первого в мире государства рабочих и крестьян, а также в продолжавшейся войне против стран Антанты. Вопреки Брестскому миру Германия не только препятствовала передвижению наших судов у советского Черноморского побережья, но и стремилась захватить основные боевые силы флота, сосредоточившиеся в Новороссийске.

11 мая 1918 г. главнокомандующий немецких войск на Восточном фронте генерал-фельдмаршал Эйхгорн радиограммой сообщил народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину требование германского правительства о немедленном возвращении находившихся в Новороссийске кораблей в Севастополь, мотивируя его тем, что якобы суда Черноморского флота неоднократно принимали участие в боях против немецких войск на Украине. Если это требование не будет выполнено, угрожало германское командование, то «Главнокомандующий Восточным фронтом будет вынужден продолжать наступательные действия в

районе Черноморского побережья против судов Черноморского флота, вышедших из Севастополя»[1]. На следующий день, 12 мая, ультиматум Эйхгорна о возвращении судов Черноморского флота в Севастополь был послан в Новороссийск командующему флотом Саблину.

Советское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы путем дипломатических переговоров с Германией спасти суда Черноморского флота, сосредоточившиеся в Новороссийске, от притязаний германской военщины. 11 мая 1918 г. В. И. Ленин пишет гневный «Протест германскому правительству против оккупации Крыма» — проект ноты наркома иностранных дел в связи с немецким ультиматумом от 11 мая. В. И. Ленин подчеркивал: «Ни одного разу ни в одном документе германское правительство не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине... Поэтому соответствующее заявление в радио от 11.V 1918 явно неверно, не находит себе подтверждения в актах германского правительства... Если наш флот ушел из Севастополя, то это сделано было лишь после наступления германцев и нападения на Севастополь, следовательно, в этом случае явно нарушен был Брестский договор германцами, а не нами». В. И. Ленин указывал, что Советское правительство твердо стоит на почве Брестского договора, а правительство Германии отступило от него, заняв весь Крым и нарушив тем самым свое же заявление о том, что Крым не входит в территорию Украины[2].

В заключение В. И. Ленин писал: «По вопросу о Черноморском флоте мы согласны дать всяческие новые гарантии его невмешательства в войну или его разоружения (о чем вчера, 10.V 1918, посол Мирбах официально заявил нам), если только точные условия полного мира, т. е. мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, германское правительство нам сообщит и этот мир будет заключен, на чем мы настаиваем... Мы нисколько не отказываемся и от возвращения флота в Севастополь, если этот порт,— согласно заявлению Мирбаха от 10.V 1918 в беседе с народным комиссаром иностранных дел,— не аннектируется в той или иной форме и не оккупируется Германией и если точный и полный мир с германцами, как с со-

ставной частью финских, украинских и турецких армий, будет осуществлен» [3].

В полном соответствии с ленинским «Протестом германскому правительству против оккупации Крыма» 13 мая 1918 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин послал ноту Министерству иностранных дел Германии. Копия ноты была послана также полномочному представителю РСФСР в Германии А. А. Иоффе.

В ноте Советского правительства всесторонне обосновывалась явная несостоятельность требования германского военного командования возвратить суда Черноморского флота в Севастополь. Чтобы добиться прочного мира на всех фронтах, Советское правительство готово было пойти на уступки Германии. В качестве гарантии невмешательства Черноморского флота в войну Советское правительство предлагало разоружить флот, но при условии, что он останется в Новороссийске. Оно даже соглашалось на возвращение судов в Севастополь, если Германия примет его условия: во-первых, соглашение по этому вопросу будет частью общего соглашения о немедленном и безусловном прекращении военных действий, а также об установлении окончательных пределов германской, австро-венгерской и турецкой оккупации во всех частях Советской России и границ Финляндии и Украины; во-вторых, Севастополь будет полностью освобожден от оккупации со стороны Германии, Турции, Австро-Венгрии и Украины [4].

В. И. Ленин прилагал все усилия к тому, чтобы Черноморский флот — грозное достояние революции — не попал в руки Германии, и твердо и последовательно отстаивал выдвинутые Советским правительством условия его возвращения в Севастополь. Поэтому Ленин был крайне возмущен безответственным и самовольным поведением А. А. Иоффе, когда тот, зная о позиции Советского правительства в этом вопросе, в середине мая 1918 г. от своего имени послал германскому правительству ноту, в которой выразил согласие на передачу Черноморского флота немцам при условии заключения мира только с Украиной. В постскриптуме от 28 мая 1918 г. к письму А. А. Иоффе и В. Р. Менжинскому В. И. Ленин с возмущением писал по этому поводу: «Между тем наше правитель-

ство в ясной ноте (по радио сообщенной и Иоффе) признало возможным согласиться на отвод судов в Севастополь *на иных* условиях, именно: 1) *мир на всех* трех фронтах, т. е. и с Украиной и с Финляндией и с Турцией; 2) не — аннексия Севастополя.

Как мог Иоффе сделать такую ошибку? Как мог он так «продешевить»? Как можно было вообще по столь важному вопросу посылать ноту *от себя,* не посоветовавшись, не понимаю...» [5]

Командующий Черноморским флотом Саблин, считая вопрос о возвращении находившихся в Новороссийске судов в Севастополь уже предрешенным, 12 мая 1918 г. послал радиограмму в Николаев главнокомандующему германских войск на Востоке, в которой, явно оправдываясь перед немцами, сообщил, что перевел суда из Севастополя в Новороссийск по приказу Советского правительства, и просил германское командование обратиться к Советскому правительству, чтобы оно дало ему соответствующие указания. Ссылаясь на отсутствие надежной связи, Саблин просил германское командование передать текст данной радиограммы в Москву. В тот же день, 12 мая, Саблин в радиограмме народному комиссару по морским делам запросил срочных и «вполне определенных приказаний для флота, стоящего в Новороссийске», и отправил в Николаев вторую радиограмму, в которой изъявил желание послать своего представителя на переговоры «для более обстоятельного выявления вопроса» и просил указать порт и время, куда его представитель мог бы прибыть на миноносце [6]. На обе радиограммы Саблина германское командование не ответило.

После ультиматума 11 мая 1918 г. германское военно-морское командование открыто установило надзор за Новороссийском и прибегало к провокациям против советского флота. По утрам почти ежедневно над городом и гаванью появлялся немецкий гидроплан. Вначале он летал на довольно значительной высоте, но через несколько дней осмелел до такой степени, что начал снижаться до 500 метров. На провокационные полеты аэропланов корабли не отвечали, но для отражения возможной воздушной атаки была изменена дислокация судов, стоявших в гавани. С утра и до захода солнца у входа в бухту дежурили в надводном положении германские подводные лодки

крупного тоннажа. 14 мая командование флотом телеграфировало в Москву: «Новороссийск блокирован германскими подводными лодками». Немецко-турецкие подводные лодки и эсминцы обстреливали и захватывали быстроходные катера, лайбы и торговые пароходы, осуществлявшие плавание между близлежащими советскими портами. Так, 15 мая немецкая подводная лодка обстреляла быстроходный катер, направлявшийся с больными в Анапу. На огонь катер не ответил. Несколько раньше тральщик под немецким флагом, прибывший из Керчи в Тамань с немецкими солдатами, захватил там наш пароход и увел в Керчь. 16 мая немецкая подводная лодка захватила и увела советский катер, посланный в Анапу Чрезвычайным черноморским революционным комитетом. Турецкий легкий крейсер «Гамидие» в Азовском море совершал пиратские нападения на советские торговые суда и лайбы и обстреливал Таманское побережье[7]. Все эти действия германо-турецких военно-морских сил носили явно выраженный провокационный характер и преследовали цель заставить команды советских судов открыть огонь, чтобы затем обвинить Черноморский флот в военных действиях против Германии и ее союзников. Однако советский флот был обречен Брестским договором на бездействие, и с самого начала командованию флотом был дан категорический приказ не поддаваться на провокации и не открывать огня, который строго выполнялся всем личным составом флота.

Советское правительство решительно протестовало против провокационных действий германо-турецких военно-морских сил на Черном море. В ноте народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина германскому послу Мирбаху от 26 мая 1918 г. указывалось на очевидные нарушения Турцией и Германией условий Брестского договора без всякого на то повода с советской стороны: ни суда, ни батареи не открывали огня. В ноте подчеркивалось, что вопреки Брестскому мирному договору и другим своим обязательствам Германия захватила Севастополь и часть судов Черноморского флота и рассматривает их как свою собственность, так как на оставшихся в Севастополе судах подняты германские флаги. Поэтому нежелание германского правительства теперь же созвать морскую

комиссию в Берлине, на созыв которой оно вначале согласилось, лишает Советское правительство возможности выяснить технические и специальные стороны вопроса о Черноморском флоте и еще больше обостряет положение. В ноте выражалась надежда, что германское правительство положит конец враждебным действиям, которые противоречат Брестскому договору [8]. Но правительство кайзеровской Германии отвергало законные требования Советского правительства и настаивало на безоговорочном возвращении Черноморского флота в Севастополь.

В связи с дальнейшим осложнением военно-политической обстановки в районе Новороссийска и усилением провокационных действий германо-турецких военно-морских сил 14 мая 1918 г. Высший военный совет приказал начальнику морских сил М. П. Саблину:

«1. Безотлагательно принять меры к оборудованию защиты с моря входа в Новороссийскую бухту, используя для сего, если это понадобится, часть орудий судов по Вашему усмотрению.

2. Принимая меры к содержанию судов в готовности, надлежит принять все меры к уничтожению судов, если бы обстановка этого потребовала. Подготовку к уничтожению надлежит провести как расписание на всех судах, причем надлежит иметь список лиц, коим поручена та или иная работа по уничтожению судов, надлежит разъяснить этим лицам всю важность и ответственность возложенных на них обязанностей.

3. Ежедневно доносить об обстановке и положении на флоте» [9].

Таким образом, принимая меры для укрепления обороны Новороссийска, Советское правительство уже в середине мая 1918 г. предлагало осуществить конкретные мероприятия по подготовке судов Черноморского флота к потоплению.

16 мая 1918 г. состоялся разговор по прямому проводу члена коллегии Морского комиссариата В. М. Альтфатера с начальником морских сил М. П. Саблиным и начальником оперативного отдела флота М. В. Паруцким. Отвечая на вопросы В. М. Альтфатера, М. В. Паруцкий сообщил: техническое состояние почти всех судов удовлетворительное, но нет ни-

каких средств для его поддержания: в Новороссийске совсем нет нефти и угольных брикетов; на судах, транспортах и в порту имеется около 1 млн. пудов курного угля, но для поддержания стоянки судов необходимо до 1 млн. пудов нефти и брикетов, причем екатеринодарская и майкопская нефть совершенно не годится, поэтому необходимо организовать доставку мазута через Царицын из Баку; принимаются меры к организации обороны Новороссийска, но необходимы сети для защиты от мин и подводных лодок; бухту легче защищать с моря, чем с суши, так как оборона Керченского пролива чрезвычайно слаба; настроение в войсковых частях неустойчивое, для поднятия их боевого духа необходимы вооружение и снаряжение, поскольку его фактически нет. На другой день В. М. Альтфатер телеграфировал в Новороссийск Саблину: «Распоряжение о высылке мазута из Царицына в Новороссийск... сделано, и все меры приняты к скорейшему и беспрепятственному продвижению мазута по назначению. Распоряжение о высылке сетей и радиостанции сделано. Сообщите, сколько и каких орудий было бы вам необходимо для усиления обороны входа в Новороссийск» [10].

В директиве от 17 мая 1918 г. Народный комиссариат по морским делам сообщил М. П. Саблину и Н. П. Авилову-Глебову: «Дипломатия поставила своей задачей добиться в кратчайший срок перемирия и мира. В Киеве мирные переговоры начнутся 22 мая. Высший военный совет предписал военным властям Юго-Восточного (Ростовско-Донецкого) фронта выслать парламентеров для установления перемирия. Тем не менее нет никаких гарантий, что перемирие будет достигнуто». В связи с этим комиссариат постановил: «Флот обязан поддерживать высшую боевую готовность. Наморси и главному комиссару вменяется в священную обязанность работать рука об руку над упорядочением внутренней жизни флота. Никакие местные организации не имеют права отдавать флоту какие бы то ни было предписания. Все местные советские учреждения обязаны оказывать флоту всемерную поддержку. Взаимоотношения наморси и главного комиссара определены инструкцией для Балтфлота, которая обязательна и для вас» [11].

Выполняя указания Советского правительства, командование Черноморского флота приняло некоторые меры по организации обороны Новороссийска с моря и по упорядочению внутренней жизни флота. Саблин обратился в Москву с просьбой прислать в Новороссийск орудия, снаряды и небольшое войсковое подкрепление. Началось восстановление двух 6-дюймовых батарей, была организована перекидная стрельба с линейных кораблей «Воля» и «Свободная Россия», рылись котлованы для установки новых батарей на случай прибытия орудий.

Особенно энергично наводили боевой порядок на кораблях команды минной бригады. Они чистили и выщелачивали котлы, перебирали и ремонтировали механизмы. Миноносцы чистили и красили от киля до клотика, нередко матросы не прерывали работу даже на время отдыха. Один дивизион нефтяных миноносцев постоянно стоял в боевой готовности. Вскоре в Новороссийск прибыло несколько железнодорожных составов с нефтью, и нефтяные эскадренные миноносцы довели топливные запасы до полного предела [12]. После назначения главного комиссара и его помощника усилилась политическая работа среди личного состава флота, поднялась дисциплина.

Однако все попытки Советского правительства решить вопрос о судьбе Черноморского флота дипломатическим путем наталкивались на упорное сопротивление кайзеровской Германии. Лицемерно заверяя советских дипломатов, что флот в Севастополе останется собственностью РСФСР, германское правительство тайно вело переговоры с гетманом Скоропадским и обещало ему передать суда, находившиеся в Новороссийске. Грубо нарушая Брестский мирный договор, не считаясь с продолжавшимися переговорами, германская военщина стала на путь провокаций и открыто стремилась силой захватить флот. Советская республика не располагала тогда вооруженными силами, способными дать сокрушительный отпор германским милитаристам, поэтому Советское правительство было вынуждено лавировать, отступать, выжидать и всячески отстаивать Брестский мирный договор, чтобы не довести дело до военного конфликта. Выступая с речью о текущем моменте на I Северокавказском съезде Советов в Екатеринодаре, Г. К. Орджоникидзе го-

ворил: «Почему же мы не согласны с левыми эсерами дать сейчас отпор Германии, почему же мы держимся за Брестский мир? Мы в настоящий момент против войны, потому что у нас нет армии, нет продовольствия, нет путей сообщения, нет вообще налаженного государственного аппарата; когда в центре от голода пухнут, когда все паровозы больны, мы считаем невозможным воевать. В силу международных отношений у нас есть возможность передышки. Мы не должны делать преступления перед народом, посылать его против вооруженного до зубов немца» [13].

Всесторонне взвесив внутреннюю военно-политическую и международную обстановку и понимая бесплодность дальнейших дипломатических переговоров с германским военным командованием, Морской генеральный штаб и коллегия Комиссариата по морским делам пришли к выводу о необходимости уничтожения судов Черноморского флота, сосредоточенных в Новороссийске. «Исчерпав все аргументы против требования немецкого командования, — писал В. Д. Бонч-Бруевич,— он (В. И. Ленин. — *И. С.*) несколько раз совещался со специалистами-моряками, желая найти выход к спасению флота, но никакого иного выхода, кроме потопления, никто предложить не мог. Владимир Ильич потребовал письменный доклад от начальника Морского генерального штаба о положении Черноморского флота» [14]. Свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича раскрывает одну из важнейших черт ленинского стиля руководства: умение опираться на коллективный опыт, на знания специалистов и не допускать субъективизма, поспешности в принятии ответственных решений.

24 мая 1918 г. начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс представил в Высший военный совет доклад, где всесторонне охарактеризовал политическую и военную обстановку, в которой оказался Черноморский флот в Новороссийске, и глубоко обосновал необходимость его уничтожения. «Германия и Турция,— говорилось в докладе,— ведут явную охоту за нашими судами, нарушая при этом самым бесцеремонным и явным образом Брестский договор. Ими занят Севастополь, захвачена там часть судов, на которых подняты германские флаги. Они требуют возвращения судов из Новороссийска в занятый ими Се-

вастополь, не мотивируя это абсолютно ничем и грозя захватить и Новороссийск, к чему ими уже фактически предприняты шаги в виде похода на Керчь.

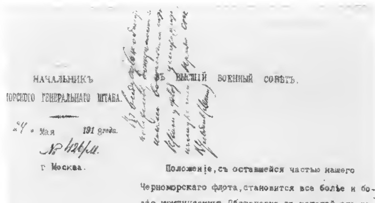
На все наши протесты ответы получаются самые уклончивые или явно несообразные с договором... Фактически никакого мирного договора по отношению к Черноморскому флоту у нас с Германией и Турцией нет. Последняя попытка наша остановить их продвижение и выяснить обстановку путем переговоров в специальной морской комиссии в Берлине, видимо, тоже не удается, судя по перехваченной радиограмме графу Мирбаху, в которой говорится, что «до выяснения положения в Черном море комиссию следует отложить».

Политическая обстановка осложняется еще Украиной, поползновения которой на Черноморский флот, видимо, тоже встречают со стороны Германии противодействие и такую же уклончивую политику. Впечатление получается такое, что Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом и не согласна на уступку его даже Украине, не говоря уже про соглашение по этому поводу с нами.

Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышеизложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украине, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море...

Все эти условия показывают,— говорилось в заключение доклада,— что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверно полностью или в части попадут в руки Германии и Турции... Вполне сознаю, что решение это очень ответственное и его принять трудно, но и обстановка в Черном море сейчас совершенно исключительная»[15].

Доклад Е. А. Беренса после всестороннего обсуждения был утвержден Высшим военным советом Республики. В резолюции председателя Высшего военного совета говорилось: «Предложить Народному комиссариату по морским делам послать в Новороссийск абсолютно надежных и компетентных лиц для подготовки полного уничтожения флота в момент, когда

НАЧАЛЬНИКЪ
[М]ОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

«24» Мая 191 года.
№ 426/м.
г. Москва.

ВЪ ВЫСШIЙ ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Положенiе, съ оставшейся частью нашего Черноморскаго флота, становится все болѣе и болѣе критическимъ. Обстановка, въ которой онъ находится сейчасъ въ Новороссiйскѣ, характеризуется слѣдующими главными данными.

Резолюция В. И. Ленина от 24 мая 1918 г.
о потоплении кораблей Черноморского флота

это окажется необходимым. Обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров с представлением о необходимости уничтожить флот немедленно, ввиду безвыходности положения» [16].

Докладная записка Е. А. Беренса с резолюцией Высшего военного совета была направлена Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину. После ознакомления с ней В. И. Ленин дал указание Высшему военному совету: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*» [17]. Давая такое указание, В. И. Ленин понимал ту огромную ответственность, которую брал на себя. Но это было единственно правильное, продиктованное интересами Советского государства решение, и он не колеблясь принял его. Последующие события целиком и полностью подтвердили его необходимость, прозорливость и государственную мудрость В. И. Ленина.

Принимая решение о потоплении Черноморского флота, В. И. Ленин, Советское правительство вполне отдавали себе отчет, насколько оно ответственно и трудно выполнимо. Боевые корабли создаются не для

самоуничтожения. Вполне естественно поэтому, что потопление боевого корабля, а тем более целой военной эскадры не может не вызвать у каждого человека, и особенно у моряка, чувства недоумения или протеста. Каким же глубоким пониманием сложившейся обстановки, какой высокой революционной сознательностью и каким чувством долга перед Родиной и революцией должны были обладать моряки, чтобы опустить на дно без единого выстрела, не сопротивляясь, покрытые боевой славой серо-стальные гиганты — линкоры и быстроходные эсминцы — свой плавучий родной дом — и не отдать их врагу.

28 мая 1918 г. В. И. Ленин подписал секретную директиву Совнаркома командующему и главному комиссару Черноморского флота: «Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего военного совета, приказывает вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске». Учитывая недостаточно высокий авторитет местного морского командования у матросских масс, Советское правительство не могло на него полностью положиться в осуществлении столь трудной и ответственной задачи. Поэтому в тот же день В. И. Ленин утвердил постановление Высшего военного совета о направлении заместителя народного комиссара по морским делам И. И. Вахрамеева в Новороссийск с инструкцией приступить к выполнению приказа правительства о потоплении сосредоточенного там флота. В. И. Ленин лично беседовал с И. И. Вахрамеевым и подписал удостоверение, данное ему СНК [18].

Специальным поездом с охраной из моряков-балтийцев И. И. Вахрамеев выехал в Новороссийск. Он вез с собой данное ему Совнаркомом удостоверение, в котором указывалось: «1. Ввиду явного стремления германцев захватить Черноморский флот, ныне находящийся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевести суда в другой порт Совет Народных Комиссаров приказал теперь же уничтожить все военные и коммерческие

Иван Иванович Вахрамеев. 1916 г.

суда, находящиеся в Новороссийске. Общее руководство выполнением этой ответственной задачи возлагается на Вас.

2. При выполнении этой основной задачи Вам предоставляются чрезвычайные полномочия: все начальствующие лица, Советы и организации обязаны оказывать Вам полное содействие и исполнять Ваши указания беспрекословно.

3. По прибытии Вашем в Новороссийск немедленно надлежит приступить к подготовке судов к уничтожению и по готовности, не ожидая указаний от правительства, уничтожить.

4. О всех предпринятых Вами мерах, а равно и тотчас по прибытии, немедленно донести по радио и по телеграфу правительству.

5. Если бы по обстоятельствам дела правительство решило отменить отданное приказание об уничтожении судов, то Вы будете извещены по радио и по телеграфу условной телеграммой.

6. Личный состав и то имущество, которое может быть вывезено без задержки работ по уничтожению судов, надлежит направить в Саратов или другое место, которое будет указано дополнительно» [19].

Советское правительство до последней возможности принимало меры к тому, чтобы спасти суда Черноморского флота путем дипломатических переговоров и отменить исполнение решения об его уничтожении в Новороссийске. Продолжая изыскивать возможные способы сохранения Черноморского флота за Советской Россией, начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс 28 мая 1918 г. представил Высшему военному совету доклад, где предлагал пойти на всевозможные компромиссы с Германией, хотя бы на основе данных ею гарантий. Е. А. Беренс советовал предложить Германии следующие условия: «1. Наши суда в Новороссийске остаются там же в полном нашем обладании и выполняют условия Брестского договора. Если Германия желает контроль, она может, по соглашению между военно-морскими специалистами, установить степень такого контроля. Мы можем предложить нечто вроде блокады с моря.

2. Остальные наши суда, находящиеся еще в разных портах Черного моря, предупреждаются о необходимости оставаться в портах, не выходя в море, и вообще соблюдать Брестский договор. По истечении установленного для сего срока Германия могла бы поступать с такими судами — в случае явного нарушения ими договора — как с воюющими.

3. Весь вопрос о Черноморском флоте во всем его объеме должен быть решен теперь же. Способ устанавливается по соглашению» [20].

В соответствии с предложениями Морского генерального штаба Г. В. Чичерин в ноте от 29 мая 1918 г. послу Германии Мирбаху запросил германское правительство, не найдет ли оно возможным «установление такой гарантии [пребывания] Черноморского флота в Новороссийске, при которой интересы германского правительства были бы достаточно обеспечены». Г. В. Чичерин подчеркивал: «Контроль флота может быть установлен такой, который не оставлял бы сомнения в полной безвредности флота для германских морских сил. Степень такого контроля могла бы быть установлена по соглашению между военными морскими специалистами Германии и России. Дипломатическая гарантия могла бы быть нам указана Германским Правительством, и мы охотно будем обсуждать все заявления, им сделанные». Народный комиссар выразил надежду, что «на этом пути удастся достигнуть соглашения и положить конец крайне нежелательным недоразумениям в районе Черного моря» [21]. Однако Германия стояла на своем и ультимативно требовала возвращения флота в Севастополь.

Не имея возможности спасти корабли от притязаний германских империалистов и не желая сдавать их немецкому командованию, Советское правительство в конце мая 1918 г. окончательно решило вопрос об уничтожении судов Черноморского флота, отдало соответствующие директивы и приняло конкретные меры по их осуществлению на месте.

Коллегия Морского комиссариата решила отозвать в Москву начальника морских сил М. П. Саблина. В радиограмме народного комиссара по морским делам Саблину от 31 мая 1918 г. говорилось: «В Новороссийск выехал через Грязи, Царицын и Тихорецкую член Морской коллегии Вахрамеев с особым, чрезвычайно важным поручением. Вам надлежит немедленно выехать в Москву для доклада, но снестись с Вахрамеевым, чтобы вам встретиться и переговорить в пути. Сегодня, 31 мая, Вахрамеев со своим поездом находится, вероятно, в Царицыне» [22]. Но Саблин отказался немедленно сдать дела и выехать в Москву. Он решил подождать приезда Вахрамеева и ознакомиться с данным ему поручением.

В Новороссийск И. И. Вахрамеев прибыл 2 июня 1918 г., к наморси Саблину отправился вместе с

главным комиссаром флота Н. П. Авиловым-Глебовым, от которого получил информацию о политических настроениях личного состава флота. И. И. Вахрамеев предъявил Саблину свои документы, подробно ознакомил с целью своего приезда и попросил его оказать влияние на командиров судов, чтобы убедить их в необходимости выполнить приказ Советского правительства об уничтожении флота. Саблин ответил категорическим отказом, мотивируя его тем, что он видит свою задачу в сохранении флота, а не в его уничтожении и что в Москве он постарается найти путь спасения флота.

На следующий день, 3 июня, И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов созвали совещание представителей судовых комитетов и флагманов, где И. И. Вахрамеев всесторонне обосновал необходимость потопления флота. Большинство совещания встало на точку зрения Советского правительства. Правда, некоторые из его участников высказали опасение, что команды могут запротестовать. Саблин поставил присутствующих в известность о своем отказе привести в исполнение директиву Совнаркома и заявил, что едет в Москву для доклада и оставляет вместо себя командира «Воли» А. И. Тихменева, который, как и Саблин, был противником потопления флота. Собрание решило пока не разглашать в командах привезенные Вахрамеевым директивы о флоте. В тот же день после совещания И. И. Вахрамеев послал телеграмму В. И. Ленину: «В воскресенье, 2 июня, в 11 часов утра, прибыл в Новороссийск. Выполнить задачу Саблин отказывается, едет в Москву. Положиться не на кого. Тихменев — против, командам задача не известна, имею в виду вероятный отказ. Местные силы находятся на Таманском фронте, город без войск. Немедленно дайте директиву» [23].

4 июня 1918 г. на вспомогательном крейсере «Траян» состоялось делегатское собрание, посвященное проводам Саблина. Саблин скрыл от делегатов подлинные причины своего отъезда. В своей прощальной речи он заявил, что едет в Москву по собственной инициативе для подробного освещения положения Черноморского флота и приложит все усилия для «снабжения с севера флота всем тем, без чего он не может существовать». Ярый противник эвакуации

Черноморского флота из Севастополя, Саблин тем не менее лицемерно заявил, что переходом в Новороссийск флот «написал светлую страницу истории», и объявил делегатам, что передает командование «всем... известному и уважаемому Александру Ивановичу Тихменеву», с которым у него «взгляды на службу и флот совершенно одинаковы». Будучи осведомлен о принятом Советским правительством решении и цели приезда И. И. Вахрамеева, Саблин фактически призвал моряков не подчиняться приказу Совнаркома об уничтожении флота, когда в конце речи провозгласил: «Поддерживайте его (флот. — *И. С.)* до последней возможности и защищайте до последней минуты!» [24]

Главный комиссар флота Н. П. Авилов-Глебов, чтобы в какой-то мере подготовить представителей команд к восприятию директивы Совнаркома о потоплении судов, в своей речи заявил: «Сейчас решается участь Черноморского флота. Быть может, не доедет Саблин до Москвы, как вопрос о дальнейшем существовании флота решится окончательно. За последнее время германское командование говорит с нами все более и более наглым тоном и не желает входить ни в какие рассуждения» [25].

Через два дня Саблин в сопровождении Гурского и Левговда специальным поездом под личной охраной 40 матросов выехал в Москву. «Наморси Саблин отбыл шестого в Москву. Вступил в командование флотом» [26],— телеграфировал Тихменев. После этого началась целая серия совещаний И. И. Вахрамеева и Н. П. Авилова-Глебова с высшим командованием флота. Под влиянием Тихменева флагманы, высказавшиеся 3 июня 1918 г. за уничтожение флота, выступили против выполнения приказа Совнаркома. На одном из совещаний Тихменев заявил, что главное препятствие на пути выполнения директивы правительства он видит в самих командах, которые не пойдут на потопление флота. Если бы он сейчас отдал такое распоряжение, то уверен, что оно не только не будет выполнено, но администрация за это поплатится: матросы выбросят за борт в первую очередь Вахрамеева, Авилова-Глебова, а затем офицерский и политический состав, но суда не потопят. Тихменев полагал, что поднимать теперь этот вопрос в командах несвоевременно и даже опасно. Флагманы его поддержали.

Совещание флагманов 7 июня 1918 г. приняло решение: поскольку нет реальной угрозы наступления германских войск на Новороссийск со стороны как Ростова, так и Керченского пролива, корабли уничтожать преждевременно; попытка отдать подобный приказ будет расценена как явное предательство. Тихменев 9 июня телеграфировал в свое оправдание начальнику Морского генерального штаба: «Обстановка на флоте с момента отбытия наморси Саблина не изменилась» [27].

И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов, встретив сопротивление контрреволюционного командования флотом, не смогли его преодолеть. Вместо того чтобы обратиться непосредственно к матросским массам и разъяснить им необходимость немедленного уничтожения кораблей, они колебались, действовали нерешительно, запрашивали новых директив. Так, 7 июня 1918 г. они послали в Совнарком телеграмму за подписью Вахрамеева: «Сообщите немедленно: исполнение задания диктуется ли положением здесь или дипломатическими отношениями» [28].

Ссылки Тихменева на то, что команды не пойдут на потопление флота и расправятся с офицерами и политработниками как предателями, боязнь Вахрамеева и Авилова-Глебова обратиться через голову контрреволюционного командования к широким матросским массам не имели серьезных оснований. Вопрос о потоплении флота не был для черноморцев непредвиденным событием. Он был злободневным еще в Севастополе, когда немецкие полчища устремились к базе Черноморского флота. Значительная часть черноморцев, руководимых коммунистами, не желая отдать флот врагам революции, готова была уничтожить в критический момент свои корабли в Севастопольской бухте или привести их в негодность. Команды эсминцев «Гневный» и «Заветный» затопили тогда свои корабли, а подводники испортили механизмы, за что немцы подвергли их суровым репрессиям. Вопрос о потоплении флота не снимался с повестки дня и после прибытия судов в Новороссийск — правда, здесь вначале он потерял остроту и в настроениях личного состава не было единодушия. Основная масса матросов и часть командиров кораблей считали, что они ушли из Севастополя только потому, что упустили вре-

мя для уничтожения флота, и были готовы выполнить свой революционный долг в случае приближения немцев к Новороссийску[29]. Довольно значительная часть черноморцев, не задумываясь о последствиях, предпочитала потоплению флота героическую гибель в открытом морском бою. Украинские буржуазные националисты вели агитацию за передачу флота «гетманской самостийной Украине». Местное население смотрело на флот как на ценное народное имущество и не могло примириться с мыслью об уничтожении покрытых боевой славой красавцев кораблей, этой грозной силы, завоеванной в революционных боях.

Не было единого мнения об отношении к флоту и у руководителей Новороссийского Совета и ЦИК Кубано-Черноморской республики. Их позиция внесла большую сумятицу в вопрос о потоплении флота. Члены ЦИК Кубано-Черноморской республики вопреки Брестскому миру требовали активной помощи со стороны флота сухопутным войскам, которые вели ожесточенные бои с немцами под Батайском и на Таманском полуострове. К тому же с потерей Черноморского флота создавалась угроза высадки десантов с моря, в тылу Кубано-Черноморской республики. Поэтому идея использования флота в борьбе с германскими вооруженными силами в целях обороны советского Причерноморья приобретала все больше сторонников в руководстве Кубано-Черноморской республики. «Весь фронт от Ростова до Тамани возмущен отношением Черноморского флота к делу защиты революции и социалистического Отечества,— говорилось в телеграмме Военного комиссариата Кубано-Черноморской республики от 24 мая 1918 г. на имя командующего и главного комиссара флота. — Заявляем, что всякое промедление будет заклеймено как предательство и измена русской революции». На эту телеграмму Н. П. Авилов-Глебов ответил, что флот есть достояние всей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а не отдельной ее части, поэтому он, как главный комиссар флота, может выполнять требования советских учреждений только в том случае, если они не расходятся с распоряжениями Совнаркома РСФСР[30].

На митингах в Новороссийской гавани представители сухопутных войск горячо призывали черноморцев

охранять их тыл от немецкого вторжения. Широкая пропаганда идеи сохранения флота в интересах защиты Кубано-Черноморской республики оказывала значительное влияние на матросскую среду, однако моряки не отказывались от мысли уничтожить флот в критический момент. «Конечно, при таком стихийном обсуждении,— вспоминал матрос с эсминца «Громкий» Н. Г. Бойко,— команда никакого определенного решения не вынесла, но всем нам было ясно, что, если немцы и белые близко подойдут к Новороссийску, положение флота окажется безнадежным, и в этом случае матросы миноносца «Громкий» немедленно приходили к одному-единственному решению: защищать Советскую власть и завоевания Октября до последней капли крови и, если придется уходить из Новороссийска, миноносец никому не сдавать и в крайнем случае затопить у берегов Черного моря» [31].

Таким образом, почва для миссии И. И. Вахрамеева была подготовлена объективными условиями. Задача состояла в том, чтобы доходчиво и убедительно разъяснить широким матросским массам необходимость беспрекословного выполнения ленинской директивы о потоплении флота, поскольку Советское правительство исчерпало все пути и средства для сохранения флота за Советской республикой и решилось на эту крайнюю меру только потому, что не было иного выхода. Однако Вахрамеев и Авилов-Глебов продолжали совещаться с высшим командованием флота и не рискнули обратиться непосредственно к матросским массам. «Вахрамеев,— писали участники этих событий Н. Сапронов, В. Мягкий, М. Кулик, Г. Буланов, Н. Уткин и И. Завадин,— не смог разъяснить массе моряков указания Советского правительства, так как не пытался опереться на партийные организации» [32].

Выполнение директивы Совнаркома затягивалось. Москва посылала в Новороссийск одну за другой телеграммы с требованием уничтожить суда. 5 июня 1918 г. коллегия Морского комиссариата отправила на имя И. И. Вахрамеева и Н. П. Авилова-Глебова телеграмму, в которой говорилось о необходимости срочно «выполнить инструкции, данные Вахрамееву». В телеграмме от 7 июня вновь указывалось: немцы ультимативно требуют возвращения флота в Севастополь; возможны два выхода: либо подчиниться уль-

тиматуму, либо уничтожить флот; решено второе, необходимо выполнить второе. 8 июня из Москвы на имя Вахрамеева и Авилова-Глебова пришла телеграмма народного комиссара по морским делам, в которой подробно излагались планы германских империалистов в отношении Черноморского флота и мотивировалась необходимость его потопления. «На наше предложение немцам оставить флот в Новороссийске под гарантией, что он оттуда не выйдет,— говорилось в телеграмме,— дан отрицательный ответ... Все дипломатические попытки обезопасить Черноморский флот в Новороссийске оказались тщетными. При таких условиях и при беззащитности Новороссийска с суши было принято решение уничтожить суда в Новороссийске, чтобы они ни в коем случае не могли быть использованы Германией» [33].

В это время германское правительство предъявило Совету Народных Комиссаров новый ультиматум и категорически потребовало возвращения Черноморского флота в Севастополь. Германия заявила, что признает право собственности Российской республики на эти суда и возвратит их России после заключения всеобщего мира. Германское правительство заверило, что немецкие войска не перейдут линию Батайск — Дон — Донец — Лайтва до Дегтево — Осиновка — Новобелая — Валуйки — Грушевка — Белгород — Суджа — Рыльск, если суда прибудут в Севастополь в течение обусловленного срока. В ультиматуме устанавливался срок 6—10 дней [34].

9 июня 1918 г. народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин сообщил германскому послу в Москве Мирбаху, что Советское правительство принимает эти условия, и выразил уверенность, что «полное прекращение военных действий в южной России будет непосредственным результатом этого соглашения» [35]. Советское правительство, чтобы не осложнять отношений с Германией и сохранить Брестский мир, в данном случае лишь формально согласилось на перевод Черноморского флота в Севастополь. «Официально мы согласились на перевод флота в Севастополь,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— но на самом деле твердо решили утопить его в море, взорвав все суда, прибывшие в Новороссийск. Инициатива такого решения при-

надлежала Владимиру Ильичу. Владимир Ильич очень остро переживал это чрезвычайное событие»[36].

9 июня 1918 г. В. И. Ленин вызвал для беседы о положении дел в Новороссийске члена коллегии Народного комиссариата по морским делам Ф. Ф. Раскольникова. Ленин поставил его в известность, что часть команд и все белогвардейски настроенные офицеры Черноморского флота противятся потоплению судов, и сообщил о только что полученной телеграмме из полпредства РСФСР в Берлине с новым ультимативным требованием германского правительства в течение шести дней перевести флот из Новороссийска в Севастополь. В. И. Ленин поручил Раскольникову в тот же день выехать в Новороссийск, позвонить от имени Ленина в Наркомпуть В. И. Невскому и попросить его подготовить экстренный поезд. Владимир Ильич написал Ф. Ф. Раскольникову мандат, который удостоверял, что он командируется СНК по срочному и важному делу в Новороссийск, и предлагал всем гражданским, военным и железнодорожным властям оказывать ему всяческое содействие[37].

В тот же день, 9 июня, коллегия Народного комиссариата по морским делам послала в Новороссийск И. И. Вахрамееву и Н. П. Авилову-Глебову шифрованную телеграмму № 13, в которой говорилось: «Германское правительство заявило Комиссариату инодел, что оно ожидает ответа на вопрос о возвращении наших судов из Новороссийска в течение 6 дней, т. е. до 14 сего июня. Это ультимативное заявление германцев вновь подтверждает всю необходимость безусловного исполнения возложенного на вас поручения. Всякое промедление означало бы передачу флота Германии. Разъясните страшную ответственность, которую берут на себя сопротивляющиеся». В связи с формальным согласием Советского правительства на возвращение Черноморского флота в Севастополь коллегия Народного комиссариата по морским делам поздно вечером 9 июня отправила в Новороссийск И. И. Вахрамееву вторую шифрованную телеграмму, № 14: «Так как срок немецкого ультиматума истекает 14 июня и так как флот защитить себя не в силах, то единственным исходом является своевременное уничтожение судов. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвра-

щение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан нешифрованный телеграфный приказ. Но вы обязуетесь его не исполнять и считаться только с отданным ранее предписанием и настоящей телеграммой. Флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет»[38]. Однако в этом случае Германия юридически не имела бы оснований использовать факт потопления флота для развития наступления против Советской республики, так как Совнарком не мог быть ответствен за неисполнение его приказа командами кораблей.

Эта телеграмма была получена в Новороссийске 10 июня 1918 г. И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов понимали, что получение открытой телеграммы с формальным приказом вернуть флот в Севастополь затруднит выполнение данной им секретной директивы. Чтобы ускорить выполнение предписания Совнаркома о потоплении судов, они в тот же день вечером решили еще раз провести совещание с и. о. наморси и флагманами на линкоре «Воля». На совещании И. И. Вахрамеев ознакомил А. И. Тихменева и флагманов с последними директивами правительства и настаивал на принятии решительных мер для уничтожения судов до получения формального приказа возвратить флот в Севастополь. Тихменев, как и прежде, возражал, ссылаясь на необходимость выяснить мнение команд. Он всячески стремился выиграть время, так как давно прилагал все усилия к уводу судов в Севастополь. Тихменев даже послал тайного агента на Дон к генералу Краснову, чтобы узнать его мнение о флоте и согласовать с ним свои действия.

Совещание носило затяжной и напряженный характер. И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов настаивали на немедленном уничтожении судов, поскольку получение телеграммы с формальным согласием выполнить германский ультиматум могло вызвать брожение среди личного состава, активизировать деятельность противников потопления флота и еще больше затруднить выполнение директивы Совнаркома. Тихменев стоял на своем. Флагманы его поддерживали. Совещание снова не дало положительных результатов. Около часу ночи решили утром созвать делегатское собрание флота, на котором обсудить полу-

ченные из Москвы телеграммы, за исключением телеграммы № 14. Все согласились с тем, что посвящать в ее содержание команды пока не следует.

Утром 11 июня 1918 г. на линкоре «Воля» открылось делегатское собрание[39]. В связи с тем что директива Совнаркома касалась не только военных кораблей, но и коммерческих судов, в нем впервые участвовали представители торгового флота во главе с большевиком Н. А. Кремлянским, принимавшим активное участие в политической жизни флота и Новороссийска. Собрание открыл вступительным словом председательствующий на нем А. И. Тихменев. Он заявил, что делегатам предстоит обсудить ряд чрезвычайно важных телеграмм, которые получены из Москвы и к которым следует отнестись с исключительным вниманием, так как ими определяется судьба Черноморского флота. И. И. Вахрамеев передал Тихменеву, как председателю собрания, несколько телеграмм. Однако Тихменев от чтения телеграмм отказался и попросил сделать это кого-либо из комиссаров. Тогда главный комиссар флота Н. П. Авилов-Глебов зачитал все телеграммы в порядке их получения, за исключением последней № 14, в которой говорилось о формальном согласии Советского правительства на возвращение флота в Севастополь.

Н. П. Авилов-Глебов и И. И. Вахрамеев исходили из того, что оглашение для всеобщего сведения текста телеграммы, содержавшей государственную тайну, было преждевременным. Но Тихменев нарушил согласованное ранее решение. Он стремительно поднялся и возмущенно спросил главного комиссара, почему он не прочел еще одну важную телеграмму. Н. П. Авилов-Глебов возразил и. о. командующего флотом, что последняя телеграмма не подлежит оглашению, во всяком случае следует подождать, пока собрание выскажется и определится общее настроение. Объяснение Авилова-Глебова не остановило Тихменева. Чтобы подорвать авторитет представителей Советского правительства и тем самым привлечь на свою сторону личный состав флота, он, прикинувшись поборником демократии, как это делал не раз Саблин, громогласно заявил: «Комиссар флота почему-то скрыл от делегатского собрания — хозяина флота — самую важную телеграмму». Собрание зашумело, раздались угрожаю-

щие голоса с требованием огласить все документы. Но Н. П. Авилов-Глебов медлил, пытался успокоить собрание. Тогда Тихменев выхватил у главного комиссара телеграмму № 14 и в напряженной тишине зачитал этот не ему адресованный секретный документ Советского правительства, который он, как и. о. командующего флотом, не имел права оглашать. Это было открытое предательство.

Как и предвидели И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов, телеграмма № 14 без соответствующей подготовки и разъяснительной работы произвела на участников делегатского собрания ошеломляющее впечатление. Поднялся страшный шум и гвалт. Матросы-«самостийники», ярые противники потопления флота, повскакали с мест и злобно кричали в адрес Вахрамеева и Авилова-Глебова: «Эти предатели хотят на нас свалить вину за потопление флота, хотят нас поставить вне закона». С трудом добившись тишины, Н. П. Авилов-Глебов подробно охарактеризовал тяжелую внешнеполитическую обстановку, вынудившую Советское правительство пойти на формальное согласие возвратить флот в Севастополь, и призвал моряков выполнить свой патриотический долг — не отдать боевые суда врагам революции, уничтожив их в Новороссийске. Выступавший за ним И. И. Вахрамеев подтвердил подлинность телеграммы № 14, ознакомил собрание с содержанием данной ему Совнаркомом директивы и доказывал необходимость ее немедленного осуществления, как единственно правильного выхода из создавшегося положения.

Собрание проходило в обстановке острой борьбы и продолжалось до 5 часов вечера. Против потопления судов выступили офицеры из окружения Тихменева, украинские буржуазные националисты, левые эсеры, анархисты. Особенно яростно возражал против уничтожения флота командир эсминца «Поспешный» бывший капитан II ранга Гутан, ближайший советник Тихменева. В поддержку директивы Советского правительства выступили коммунисты и поддерживавшие их моряки, а также патриотически настроенные командиры кораблей. В результате упорной борьбы И. И. Вахрамееву и Н. П. Авилову-Глебову и их сторонникам удалось добиться принятия большинством голосов решения о потоплении флота: за потопление

голосовали 79 человек, против — 29 человек, 28 воздержались [40]. Однако собрание не сочло себя полномочным окончательно решить столь ответственный вопрос и постановило: немедленно разойтись по судам и ознакомить весь личный состав как с содержанием полученных из Москвы телеграмм, так и с принятым решением; решение делегатского собрания о потоплении флота выполнить после выявления мнения всего флота в порядке голосования.

В тот же день, около 6 часов вечера, на «Воле» грянули три холостых орудийных выстрела — условный сигнал, призывавший моряков с берега на корабли. Начались многочасовые собрания команд, где развернулась отчаянная борьба между сторонниками и противниками потопления кораблей. Коммунисты страстно доказывали, что нельзя верить бумажным гарантиям Германии возвратить флот после окончания войны. Суда необходимо уничтожить, но не отдавать германским империалистам, которые направят их против Советской России. Горячие призывы коммунистов находили поддержку у многих революционно настроенных моряков. На отдельных судах собрания затянулись за полночь.

В 12 часов ночи на «Воле» было созвано собрание представителей всех судовых команд для вынесения окончательного решения о судьбе флота. Оно продолжалось до 6 часов утра 12 июня. За потопление флота проголосовали 600 моряков; за продолжение борьбы с немцами до последней возможности и затопление флота в случае сдачи Новороссийска — 700; воздержались от голосования 600 человек. За поход в Севастополь не было подано ни одного голоса. Выступивший после оглашения результатов референдума Н. П. Авилов-Глебов убеждал моряков немедленно приступить к выполнению предписания Совнаркома. Он еще раз напомнил делегатам, что с целью дезинформации германского правительства Совнарком открытым текстом передаст флоту приказ идти в Севастополь, но его не следует выполнять, а необходимо потопить флот, так как Советское правительство уверено, что после окончания войны Германия не возвратит флот Советской России [41].

Решение делегатского собрания 11 июня и итоги референдума 12 июня свидетельствовали о том, что директивы Советского правительства личным соста-

вом флота были поняты правильно. Черноморцы отдавали себе отчет в создавшейся чрезвычайно сложной обстановке и готовы были пойти на крайнюю меру — уничтожить флот. За увод судов в оккупированный немцами Севастополь никто не голосовал. Однако значительная часть моряков под воздействием местного населения и агитации прибывших в Новороссийск представителей фронта, ЦИК Кубано-Черноморской республики, а также руководителей Новороссийского Совета стала на пагубную точку зрения «сражаться до последнего снаряда».

Решение делегатского собрания 11 июня 1918 г., высказавшегося против увода судов в Севастополь, и результаты референдума 12 июня расходились с планами А. И. Тихменева и его ближайшего окружения, а поэтому активизировали их деятельность. Утром 12 июня Тихменев прямо заявил И. И. Вахрамееву и и Н. П. Авилову-Глебову о своем намерении идти с флотом в Севастополь, ссылаясь при этом на нешифрованную радиограмму № 28, полученную им из Москвы в 5 часов утра 12 июня. Действительно, 12 июня 1918 г. и. о. командующего Черноморским флотом Тихменеву была послана из Москвы радиограмма № 28, в которой открытым текстом излагалась нота народного комиссара иностранных дел по поводу категорического требования германского правительства возвратить корабли Черноморского флота в Севастополь до 14 июня 1918 г. и условное предписание Народному комиссариату по морским делам о переводе флота в Севастополь.

С целью преднамеренной дезинформации германского правительства Народному комиссариату по морским делам предлагалось «безотлагательно отдать командованию Черноморского флота приказ о переводе находящихся в водах Новороссийска военных кораблей в Севастопольский порт». Был в радиограмме № 28 и приказ Тихменеву: «Во исполнение этого предписания коллегия Народного комиссариата по морским делам приказывает Вам немедленно принять меры к переводу судов из Новороссийского порта в Севастопольский с таким расчетом, чтобы закончить перевод всего флота не позднее 19-го сего июня» [42]. Однако он не подлежал исполнению, о чем Тихменев был заранее осведомлен. Как было обусловлено в шифрован-

ной телеграмме № 14, Тихменев должен был выполнить отданную ранее секретную директиву о потоплении флота. При таком обороте дела Германия юридически не имела никаких оснований продолжать наступление против Советской России.

Однако Тихменев решил использовать радиограмму № 28 в своих целях — выдать фиктивный приказ за действительный. Спекулируя на секретности радиограмм с приказом уничтожить корабли в Новороссийске, Тихменев послал в Царицын в адрес комиссариата Северо-Кавказского военного округа телеграмму, в которой сетовал на отказ команд выполнить приказ коллегии Морского комиссариата о переводе судов Черноморского флота в Севастополь. После этого в агитацию за поход в Севастополь включилось подавляющее большинство контрреволюционно настроенных офицеров из окружения Тихменева, и в их числе такие ярые враги Советской власти, как командир эсминца «Поспешный» Гутан — ближайший советник Тихменева, командир эсминца «Дерзкий» лейтенант Житков — «правая рука Гутана», командир миноносца «Пронзительный» Бессмертный, артиллерийский офицер линкора «Воля» Неаронов, лейтенант Цветков и др.[43] Люто ненавидя Советскую власть, они считали, что немцы — меньшее зло, чем большевики, и стремились в оккупированный германскими войсками Севастополь. Среди их единомышленников оказались украинские буржуазные националисты, правые эсеры и меньшевики.

На поводу у контрреволюционеров, возглавляемых и. о. командующего флотом Тихменевым, плелись антисоветские элементы, принятые во флот в связи с большим некомплектом команд. Матрос с эсминца «Громкий» Н. Г. Бойко писал в своих воспоминаниях: «Враждебные Советской власти элементы, пробравшиеся на корабли, пользуясь малочисленностью команд на судах, приступили к широкому приему во флот «добровольцев» из числа враждебных Советской власти элементов. Таким образом им удалось задолго до получения телеграммы из Москвы о судьбе Черноморского флота укомплектовать часть флота враждебными элементами и даже полностью захватить отдельные корабли, в том числе и линкор «Воля»»[44].

Получив телеграммы из Москвы с категорическим требованием немедленно уничтожить суда и желая за-

ручиться поддержкой Новороссийского Совета рабочих и крестьянских депутатов, Н. П. Авилов-Глебов рано утром 12 июня 1918 г. доложил на заседании Совета о необходимости выполнить приказ Совнаркома о потоплении флота. Он убеждал делегатов не «обсуждать существа этого вопроса», поскольку флот не имеет необходимой базы и отстоять себя своими силами не может, а «принять меры к охране города», так как сухопутные силы слабы, но встретил упорное сопротивление[45]. В результате бурных прений на утреннем заседании Совета вопрос так и не был решен.

На вечернем заседании Совета Н. П. Авилов-Глебов доложил, что делегатское собрание большинством голосов постановило взорвать флот. Обсудив это сообщение, участники заседания большинством в 14 голосов при четырех воздержавшихся приняли резолюцию: «Принимая во внимание, что центральная власть недостаточно осведомлена о действительном положении Кубано-Черноморской республики, Новороссийский Совет комиссаров постановил: «От потопления флота воздержаться до результатов совещания военных стратегов в городе Екатеринодаре и Центрального исполнительного комитета. Это совещание заявит свое мнение перед центральной властью» [46].

По инициативе Новороссийского Совета вопрос о положении флота обсуждался на предприятиях города. На проходивших собраниях рабочие Новороссийска принимали постановления сохранить флот для борьбы с германскими интервентами. Заслушав доклад наркома путей сообщения А. Ю. Губернского о решении Советского правительства уничтожить флот, железнодорожники постановили «всеми силами поддержать товарищей матросов, решивших бороться до последней капли крови, а для поддержки флота объявить всеобщее вооружение трудовых масс Черноморско-Кубанской республики». В резолюции рабочих Ревельского завода (ныне «Красный двигатель») указывалось, что «уничтожение флота может быть проведено только в последнюю минуту опасности с боем...» [47].

Вопрос о судьбе флота 12 июня 1918 г. стал предметом острой борьбы на экстренном заседании Новороссийского окружного Совета совместно с представителями рабочих и профессиональных организаций. Совет пришел к выводу, что «потопление флота явится

решительным и последним ударом по Советской власти на Кубани, что в свою очередь разрушит власть Советов на Севере, лишив ее одного из источников снабжения...», и вынес решение: «...флот в Севастополь не выводить и пока не уничтожать...» [48]

Не добившись принятия конкретных мер для немедленного потопления флота на собраниях моряков и не получив поддержки от Новороссийского Совета, И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов нашли свое дальнейшее пребывание в Новороссийске бесцельным и 12 июня 1918 г. покинули город. В тот же день они послали в Совнарком РСФСР телеграмму, в которой сообщали: «Выполнить поручение было невозможно. Делегатское собрание вынесло предварительное решение о затоплении. Собрания команд решили в Севастополь не идти, а сражаться в Новороссийске. Наше влияние было решающим на делегатском собрании, на общих ничего сделать было нельзя. Началась травля и усилилась после получения нешифрованного радио о выходе в Севастополь. Узнали, что Тихменев в последнюю минуту согласился идти в Севастополь. Вероятно, так и будет. В самые решающие минуты нам активно мешали представители Кубани и оказали решающее отрицательное влияние. Считая дальнейшее пребывание в Новороссийске бесполезным, выехали в Москву» [49].

Глубоко ошибочное решение И. И. Вахрамеева и Н. П. Авилова-Глебова об отъезде из Новороссийска имело серьезные последствия и отрицательно сказалось на отношении к ним личного состава флота. Бывший старший помощник командира эсминца «Керчь» Б. М. Подвысоцкий свидетельствует в своих воспоминаниях: «О Вахрамееве и Глебове-Авилове могу сказать, что действовали они медленно и нерешительно. Они не сумели противостоять хитрым и ловким действиям командира «Воли» Тихменева, который сумел вследствие этого их перехитрить и добиться того, что часть кораблей все же была им уведена в Севастополь. В особенности сказался их отъезд на пять дней в Екатеринодар для выяснения мнения правительства Кубано-Черноморской республики о судьбе флота. Их отсутствие в эти решающие дни дало возможность Тихменеву направить события в желательном ему направлении» [50].

Прибыв вечером 12 июня 1918 г. в Екатеринодар, Авилов-Глебов и Вахрамеев отправились в Центральный исполнительный комитет Кубано-Черноморской республики, рассчитывая на помощь в выполнении порученного им правительственного задания. Начавшееся вечером 12 июня заседание ЦИК продолжалось в обстановке острой борьбы всю ночь и закончилось только утром 13 июня. Несмотря на все доводы и настойчивые требования Авилова-Глебова выполнить директиву Совнаркома, подавляющее большинство членов ЦИК Кубано-Черноморской республики, стоявших на позиции «левых коммунистов», а также левые эсеры высказались против потопления Черноморского флота. Еще накануне ЦИК Кубано-Черноморской республики принял ошибочное решение, в котором указывалось, что достигнутое неимоверным усилием положение на внешнем фронте «быстро и безвозвратно рухнет в панике, порожденной осуществлением приказа об уничтожении флота; как следствие дрогнет фронт на всем протяжении, мобилизация будет безнадежно погублена. С потоплением флота немедленно и неизбежно рухнет созданное настроение и устойчивость Советской власти. Вопрос занятия Кубани врагом сведется к количеству часов, необходимых неприятелю для беспрепятственного продвижения и занятия области». Эти и аналогичные им доводы высказывали участники заседания. Особенно настойчиво возражали Н. П. Авилову-Глебову председатель ЦИК А. А. Рубин и военком А. С. Силичев. Свою позицию они мотивировали, в частности, тем, что флот представляет собой колоссальную народную ценность и могучее орудие борьбы и сопротивления, а предписание центра — результат неосведомленности о подлинном положении дел на местах. За выполнение директивы Совнаркома голосовали лишь Островская и Баян-Мальцев. Все остальные члены ЦИК Кубано-Черноморской республики без различия фракций голосовали против потопления флота [51].

Не получив поддержки и в Екатеринодаре, убедившись в бесполезности дальнейших переговоров с руководством Кубано-Черноморской республики, Вахрамеев и Авилов-Глебов 14 июня 1918 г. выехали в Царицын для дальнейшего следования в Москву, что-

бы там лично доложить об обстановке на флоте. На станции Торговая Н. П. Авилов-Глебов связался по прямому проводу с наркомом И. В. Сталиным, который с 6 июня находился в Царицыне в качестве общего руководителя продовольственного дела на юге России, облеченного чрезвычайными полномочиями. Сталин приказал им вернуться в Новороссийск [52].

Внезапный отъезд из Новороссийска представителя Совнаркома И. И. Вахрамеева и главного комиссара флота Н. П. Авилова-Глебова произвел на личный состав флота удручающее впечатление. Об их отъезде морякам стало известно 13 июня 1918 г. во время делегатского собрания на линкоре «Воля». После выступления С. М. Лепетенко и Г. Руснака, горячо отстаивавших идею потопления флота, на собрание вбежал матрос и закричал: «Они бежали!.. Авилов и Вахрамеев бежали из Новороссийска!..» С. М. Лепетенко возразил: «Не бежали, а, наверное, выехали по делам в Екатеринодар». Тихменев незамедлительно подтвердил, что оба комиссара выехали из Новороссийска. «Наступила тишина, разразившаяся взрывом негодования, не поддающегося описанию,— вспоминал С. М. Лепетенко. — Послышались угрозы по адресу Авилова-Глебова и Вахрамеева с требованием их задержать и арестовать». Делегатское собрание решило послать в Екатеринодар телеграмму о задержании Авилова-Глебова и Вахрамеева и возвращении их обратно в Новороссийск. «После посылки телеграммы,— пишет С. М. Лепетенко,— собрание пыталось перейти к текущим делам, но эти попытки кончились ничем, и для нас, сторонников потопления, было ясно, что наше абсолютное большинство под вопросом. Перед закрытием собрания сторонники увода флота в Севастополь прямо заявили: «Вот вам и гарантия, что вас не отдадут немцам за потопление флота: от кого вы ее теперь получите»» [53]. Вскоре в штаб флота поступила телеграмма, в которой Вахрамеев сообщал, что, поскольку его миссия оказалась безуспешной, он счел свое дальнейшее пребывание в Новороссийске излишним и отбыл вместе с Авиловым-Глебовым в Москву для доклада.

Таким образом, в самые ответственные и напряженные дни матросские массы остались без централизованного политического руководства. Вся ответствен-

ность за исполнение приказа В. И. Ленина легла на плечи коммунистов флота и поддерживавших их революционно настроенных моряков. Весь последующий период с 13 по 16 июня 1918 г. был заполнен многотысячными митингами в Новороссийской гавани, заседаниями судовых комитетов, делегатскими собраниями. От утренней зари до вечерней на судах, пристанях, на предприятиях и в организациях города шла ожесточенная борьба между противниками и сторонниками потопления флота.

Новороссийские настроения того времени представляли собой разноголосый хор. Тихменев и контрреволюционное офицерство не только открыто агитировали матросов за увод флота в Севастополь, но и приступили к вербовке ими же обманутых матросов, веривших, что они выполняют приказ Совнаркома, и явных предателей. «Тихменевцев» поддерживали украинские «самостийники» и правые эсеры.

Против потопления флота выступали и анархисты, представлявшие не большую, но довольно крикливую группу со своей «программой». «Анархисты,— писал Н. Г. Бойко,— подбивали матросов выйти в море, разгромить города Крыма судовой артиллерией, занять их десантами и наложить контрибуцию» [54].

Значительная часть растерявшихся и дезориентированных моряков предлагала организовать защиту флота в Новороссийске. Эта пагубная позиция шла вразрез с интересами мира и Советской республики и, несомненно, привела бы к захвату всего флота германскими империалистами. Активными сторонниками «защиты флота до последнего снаряда» были представители ЦИК Кубано-Черноморской республики, а также делегации фронтовиков, прибывшие в Новороссийск для давления на моряков. Они убеждали матросов не топить корабли и не уводить их в Севастополь.

Положение усугублялось еще и тем, что ряд большевиков, пользовавшихся огромным влиянием и авторитетом у моряков Черноморского флота, были переведены из Новороссийска: Н. А. Пожаров еще в начале мая выехал в Москву; Н. И. Островская с конца мая работала в качестве заместителя председателя ЦИК Кубано-Черноморской республики; П. З. Марченко был направлен на работу в Чрезвычайный рево-

люционный комитет; А. С. Турецкий — в военный комиссариат Кубано-Черноморской республики; А. С. Силичев с середины мая работал в военном комиссариате Кубано-Черноморской республики, а 4 июня был избран политическим комиссаром при штабе главнокомандующего Северо-Кавказской Красной Армии К. И. Калнина и вместе с подавляющим большинством руководителей Кубано-Черноморской республики выступал против потопления флота. С середины мая Ю. П. Гавен работал в революционном штабе Кубано-Черноморской республики. Будучи не согласен с позицией Совнаркома об уничтожении флота, он выехал сначала в Царицын, а затем в Москву, чтобы там отстоять позицию сохранения флота в Новороссийске [55].

В авангарде борцов за потопление флота во имя того, чтобы он не достался ни одной империалистической стране, шли коммунисты флота С. Лепетенко, Н. Сапронов, С. Сапронов, Н. Кремлянский, Г. Ачканов, В. Мягкий, Н. Уткин, Н. Гамов, М. Долгов, Лебедев, Петров, Пирогов, Твердохлебов, Желиховский, Бондаренко, Соколов, Суховерхов и другие, а также активно поддерживавшие их моряки Кулинич, Руснак, Гридин, Деркач, Боярский, Карнау-Грушевский, Литвинов, Кулик, Буланов, Гончаров, Завадин, Петренко, Матвеев, Плотников, Ходжемяка, Антонов, Чернявский, Кущенко и многие другие [56].

Коммунисты и сторонники потопления флота вели среди матросов широкую разъяснительную работу против увода судов в Севастополь, рассказывали о тех издевательствах, которым подвергали немцы оставшихся в Севастополе моряков. Сведения об этом поступали от матросов, которым удалось вырваться из Крыма и проехать в Новороссийск, так как немцы и гайдамаки установили в Керченском проливе контрольный пункт и не выпускали моряков на Таманский полуостров, а задержанных арестовывали и расстреливали. «Мне приходилось говорить с этими матросами,— пишет в своих воспоминаниях Н. Д. Гамов,— потому что я подписывал требования на обмундирование. Вот что рассказал матрос Тищенко, которому удалось бежать из-под расстрела: «Немцы сделали объявление: кто желает ехать на родину, собираться в Аккерман, откуда будет отправлен эшелон. Когда

матросы в эшелоне прибыли на станцию Джанкой, немцы и гайдамаки оцепили эшелон, всех матросов арестовали и под конвоем отправили в тюрьму, а потом ночью группами выводили из тюрьмы на какой-то курган и расстреливали». Я был сторонником того, чтобы флот в Севастополь не возвращать, и рассказывал матросам на кораблях о том, что мне говорили моряки, бежавшие от немцев из Севастополя и Крымского полуострова, оккупированного немцами» [57].

Однако, несмотря на все усилия коммунистов и поддерживавших их матросов, отстаивать идею потопления флота становилось все труднее. Получив 12 июня 1918 г. условную открытую радиограмму № 28, Тихменев и его сторонники, спекулируя на авторитете Советской власти, приступили к усиленной обработке растерянных и дезинформированных матросов, которые, соглашаясь идти в Севастополь, полагали, что выполняют приказ Советского правительства.

Несмотря на ясный и совершенно не двусмысленный текст телеграммы № 14, в которой речь шла о необходимости своевременно уничтожить суда ввиду предъявленного немцами ультиматума, о вынужденном и формальном согласии правительства на возвращение судов в Севастополь и о соответствующем открытом приказе, который не следует исполнять, Тихменев разыгрывал из себя человека, не понимавшего, что ему делать. «Командующий флотом,— вспоминал В. А. Кукель,— притворившись простачком, все снова и снова повторял, что ему не ясно, какое приказание центра он должен исполнить — топить ли флот или идти в Севастополь,— «как за то, так и за другое, изволите ли видеть, вне закона». Эта версия усиленно муссировалась офицерами, солидарными с. Тихменевым» [58]. Более того, Тихменеву удалось заразить своими «сомнениями» президиум состоявшегося 12 июня 1918 г. делегатского собрания. В тот же день в Совет Народных Комиссаров была послана телеграмма, в которой говорилось: «Ваше радио № 13, 14 и 28 получены. Остается ли в силе ваша инструкция, переданная флоту Вахрамеевым? Прошу немедленного подтверждения вновь». Телеграмму подписали председатель делегатского собрания Миткевич, товарищ пред-

седателя Алексеев, секретарь Зеленский. В ответ на эту телеграмму 13 июня в 23 часа 10 минут в Новороссийск на имя председателя делегатского собрания Миткевича была послана радиограмма за подписью В. И. Ленина: «Радио № 13 и 14 подтверждаются к немедленному исполнению» [59]. Чтобы устранить всякую неясность, радиограмма была повторена 14 июня в 14 часов 35 минут.

Необходимость быстрейшего решения вопроса о Черноморском флоте диктовалась усилившимся нажимом германской дипломатии на Советское правительство и возросшей угрозой срыва Брестского мирного договора. В разговоре по прямому проводу с В. И. Лениным полномочный представитель РСФСР в Берлине А. А. Иоффе сообщил, что статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии получил из ставки военного командования телеграмму, в которой говорилось, что «дипломатия, очевидно, ничего поделать не может и военные должны применять свои меры». А. А. Иоффе просил В. И. Ленина принять все меры к тому, чтобы не дать немцам повода начать военные действия против Советской республики. «Я серьезно говорю, Владимир Ильич,— доказывал А. А. Иоффе,— что всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения. Необходимо ни в коем случае не допускать до этого. Ультиматум до 15-го, несомненно, будет соблюден в точности. Если передача судов затянется, то, при явной готовности с нашей стороны и при видимости возможного выполнения этой готовности, дело можно будет уладить, но никакие военные действия с нашей стороны до 15-го недопустимы и обязательно возвращение наших войск на прежние позиции» [60].

В ответ на это В. И. Ленин указал: «Мы принимаем с своей стороны решительно все меры, чтобы добиться как перевода судов в Севастополь, так и прекращения военных действий или подобия их с нашей стороны. Повторяю: все возможное делается. Продолжайте энергично, терпеливо и выдержанно Вашу политику» [61].

В чрезвычайно обостренной обстановке того времени было особенно важно точно соблюдать демаркационную линию и прекратить военные действия на

территории, занятой немецкими войсками, чтобы не дать повод германскому военному командованию обвинить советскую сторону в нарушении достигнутого соглашения. Однако по указанию ЦИК Кубано-Черноморской республики командование вооруженными силами Северо-Кавказской Красной Армии допустило нарушение установленной с немцами демаркационной линии. Так, с согласия главкома К. И. Калнина командование советских войск в Ейске во главе с командиром дивизии Клово осуществило 8—9 июня 1918 г. в районе Таганрога крупный десант на судах Азовской флотилии, которой командовал И. И. Гернштейн. Несмотря на беззаветный героизм советских воинов, десант был уничтожен немцами. Узнав об этом, В. И. Ленин и Г. В. Чичерин 10 июня 1918 г. послали в Царицын телеграмму военному комиссариату для передачи командованию советских войск в Ейске: «Германские власти заявляют: войска из Ейска совершают набеги на территории, занятые германскими войсками. Ставим на вид, установленная демаркационная линия ни в коем случае не должна быть нарушаема, виновные будут подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом». Поздно вечером 12 июня военком К. Я. Зедин передал текст этой телеграммы в Тихорецкую главкому К. И. Калнину, а также морскому командованию в Ейске [62].

В тот же день, 12 июня 1918 г., за подписью В. И. Ленина и Г. В. Чичерина была послана в Царицын И. В. Сталину и в копии в Тихорецкую главкому К. И. Калнину телеграмма для передачи командованию советских войск в Ейске о строжайшем соблюдении Брестского мирного договора. «Германские власти заявляют,— говорилось в ней,— что в гавани в Ейске канонерская лодка, шесть судов, вылавливающих мины, несколько баркасов, в городе шесть тысяч красноармейцев и мобилизованное население. Категорически требуем, чтобы никакие русские суда не выходили из гавани, в противном случае виновные будут подлежать ответственности перед революционным трибуналом. Интересы Республики настоятельно требуют соблюдения Брестского договора, неподвижного пребывания судов в русских гаванях» [63].

В ночь с 13 на 14 июня 1918 г. И. В. Сталин и Г. К. Орджоникидзе сообщили из Царицына в Москву

о своем разговоре по прямому проводу со штабом главнокомандующего советских войск Донской и Кубано-Черноморской республик и заверили В. И. Ленина и Г. В. Чичерина: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что военные действия будут приостановлены. Можете не сомневаться, что налаживающееся перемирие не будет сорвано также флотом» [64].

3. Борьба Советского правительства за потопление Черноморского флота в Цемесской бухте

Вопрос о Черноморском флоте стал главной акцией германского правительства: все дальнейшие переговоры и соглашения были поставлены в зависимость от него. Придавая огромное значение вопросу о судьбе Черноморского флота, Совет Народных Комиссаров и лично В. И. Ленин прилагали все усилия к тому, чтобы, во-первых, не был сорван Брестский мирный договор, давший истерзанной войной стране необходимую передышку, и, во-вторых, чтобы корабли Черноморского флота ни в коем случае не попали в руки германского империализма, не были обращены против Советской республики.

Однако особая секретность предписания об уничтожении флота, оторванность Юга страны от Москвы, отсутствие надежной и оперативной связи осложняли выполнение этого имевшего большое государственное значение распоряжения Советского правительства. Так, ЦИК и военное командование Кубано-Черноморской республики, а также Новороссийский Совет продолжали вести пагубную авантюристическую политику, агитируя против уничтожения флота и добиваясь его использования в борьбе против немцев. Об этом свидетельствует переданная утром 13 июня 1918 г. в Москву Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову телефонограмма председателя Новороссийского окружного Совета М. Лучина, в которой заявлялось об отказе выполнять распоряжения Совнаркома относительно флота и о намерении Новороссийского окружного Совета комиссаров созвать в Екатеринодаре совещание представителей ЦИК Кубано-Черноморской республики, флота и города Царицына для обсуждения создавшейся ситуации на Юге России [1].

После получения ВЦИК и Совнаркомом РСФСР телеграмм Н. П. Авилова-Глебова и И. И. Вахрамеева от 12 июня и председателя Новороссийского Совета М. Лучина от 13 июня в Новороссийск и. о. командующего Черноморским флотом Тихменеву была послана 13 июня, в 23 часа 10 минут, секретная радиограмма № 49 за подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с категорическим требованием немедленно уничтожить корабли Черноморского флота. Копия этой радиограммы была направлена председателю делегатского собрания в Новороссийске Миткевичу и главному комиссару Черноморского флота Н. П. Авилову-Глебову. Отдавая вторично приказ о немедленном потоплении кораблей, В. И. Ленин и Я. М. Свердлов прежде всего адресовали его «левым коммунистам» и левым эсерам, которые продолжали агитировать моряков за активное участие флота в обороне Новороссийска и советского Причерноморья. «Вести свою особую политику против воли Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права,— говорилось в радиограмме.— Флот в Новороссийске отстоять себя не может. Следовательно, из положения есть только два выхода: либо уничтожить флот, либо перевести его в Севастополь. Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота,— либо безумцы, либо провокаторы. Немецкие военные власти хотят вызвать флот на какую-либо авантюру, чтобы занять Новороссийск, как они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников. Ответственность за это падет на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и ее военных сил. Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае флот будет объявлен вне закона. Требуем своевременного уничтожения всех секретных телеграмм и инструкций матросами, дабы не достались немцам. Открытое радио № 48 не выполнять» (имеется в виду вторая условная открытая радиограмма № 48 от 13 июня за подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с приказом флоту идти в Севастополь.— *И. С.*)[2]. Учитывая исключительную важность радиограммы № 49, В. И. Ленин приказал повторить ее содержание, что и было выполнено 14 июня 1918 г.

В связи с тем что уничтожение судов Черноморского флота затягивалось, В. И. Ленин 13 июня 1918 г. послал в Царицын на имя И. В. Сталина или А. Г. Шляпникова телеграмму, в которой говорилось: «Крайне важно, чтобы вы ехали без малейшего промедления в Новороссийск, дабы добиться исполнения флотом приказа правительства. Об этом послан уже ряд телеграмм в Новороссийск. Если приказ правительства не будет исполнен флотом без малейшего промедления, то неизбежно германское наступление и взятие германцами Новороссийска — таков точный и определенный германский ультиматум.

Приложите все усилия, чтобы осуществить поездку в Новороссийск и добиться исполнения приказа» [3].

В телеграмме на имя В. И. Ленина от 14 июня 1918 г. Сталин сообщал: «В положении Царицына произошел ночью тринадцатого крутой перелом — казаки взяли Кривую Музгу, верстах в 40 от Царицына. В связи с этим я не счел целесообразным выехать в Новороссийск, послал туда вместо себя Шляпникова, снабдив всеми документами» [4].

14 июня 1918 г. на линкоре «Воля» состоялось делегатское собрание, в котором приняла участие делегация из Екатеринодара в составе председателя ЦИК Кубано-Черноморской республики А. А. Рубина, военного комиссара А. С. Силичева и представителя фронта. А. А. Рубин в пространной речи уговаривал матросов не выполнять правительственное распоряжение о потоплении флота, так как военное положение на сухопутном фронте обнадеживает: из центра прибывает оружие и резервы, армия республики успешно сражается под Ростовом-на-Дону с германскими войсками и т. п., а потопление флота гибельно скажется на моральном состоянии фронта. А. А. Рубин поставил делегатов в известность о решении ЦИК Кубано-Черноморской республики не выполнять предписание Москвы о прекращении военных действий на Ростовском фронте в связи с ультиматумом Германии.

Участники делегатского собрания избрали делегацию в составе нескольких офицеров и матросов под руководством командира эскадренного миноносца «Пронзительный» Бессмертного, которая вместе с А. А. Рубиным в тот же день выехала в Екатеринодар. В делегацию вошел коммунист Г. П. Ачканов. Пред-

ставитель от фронтовых частей в самых оптимистических тонах обрисовал стратегическую обстановку под Батайском, заверил делегатов, что фронт спокоен, пока флот может защищать, хотя бы морально, его тыл, а в конце речи твердо предупредил моряков: в случае потопления судов весь фронт в количестве 47 тыс. штыков повернет на Новороссийск и подымет на них моряков [5].

Позиция руководства ЦИК Кубано-Черноморской республики во главе с А. А. Рубиным и военкомом А. С. Силичевым противоречила ленинской директиве об уничтожении судов Черноморского флота, грозила тяжелыми последствиями для Советской республики. Ее сурово осудили в радиограмме № 49 от 13 июня 1918 г. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. Эта глубоко ошибочная позиция оказала пагубное влияние на дальнейший ход событий в Новороссийске. После делегатского собрания 14 июня атмосфера на флоте еще больше накалилась. Матросы начали покидать свои корабли. Дезертирство с каждым днем усиливалось.

Острой политической борьбой, развернувшейся вокруг флота, решила воспользоваться империалистическая агентура стран Антанты в лице французской миссии в Екатеринодаре и консульств в Новороссийске, которые, выполняя волю правительств США, Англии и Франции, прилагали все усилия к тому, чтобы сорвать Брестский мир, толкнуть Советскую Россию на войну с Германией и тем самым погубить Советскую власть.

Французская миссия прибыла в Екатеринодар с целью «спасти» заводы, машины, оборудование и другие ценности, принадлежавшие союзным державам на Кубани. Узнав о требовании немцев возвратить Черноморский флот в Севастополь, миссия предложила Советской Кубани отделиться от России, стать самостоятельной республикой и вступить в войну с немцами.

Под влиянием сепаратистских настроений ЦИК Кубано-Черноморской республики постановил принять предложения французской миссии и объявить по радио всем, всем, что отныне Кубано-Черноморская советская республика существует самостоятельно. Радиограмма была подписана товарищем председателя ЦИК республики И. П. Борисенко. В ответ из Москвы

поступила радиограмма Советского правительства, в которой сурово осуждалась эта сепаратистская точка зрения и предлагалось исполкому пересмотреть свое решение [6].

Вечером 15 июня 1918 г. на станцию Торговая прибыли посланный И. В. Сталиным из Царицына А. Г. Шляпников, а также И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов. 16 июня они прибыли в Екатеринодар и посетили ЦИК Кубано-Черноморской республики с целью обсудить вопрос о потоплении флота. В это время положение Кубано-Черноморской республики резко ухудшилось. 14—16 июня немцы высадили на Таманском полуострове десант в 2500 человек с артиллерией и 150 пулеметами. Во время высадки десанта германо-турецкий флот обстреливал советские войска. Десант на Тамани немцы пытались представить как ответную меру за десант советских войск в районе Таганрога. В ноте германского министра иностранных дел Кюльмана говорилось: «Десант русских войск у Таганрога... принудил нас к занятию Тамани. Русское правительство, очевидно, не обладает достаточной силой, чтобы помешать действиям отдельных банд, чем мы принуждены сами предпринимать меры безопасности, необходимые для нашей защиты. Такие меры мы в случае нужды будем предпринимать и в будущем» [7]. Высадив десант, немцы активизировали свои действия на Таманском полуострове и угрожали захватом Новороссийску и стоявшим там судам Черноморского флота. Усилили нажим на войска Северо-Кавказской Красной Армии и белогвардейские части Деникина.

16 июня 1918 г. открылось заседание ЦИК Кубано-Черноморской республики. На нем присутствовали А. Г. Шляпников, И. И. Вахрамеев, Н. П. Авилов-Глебов, а также делегация моряков флота, прибывшая вместе с А. А. Рубиным из Новороссийска еще 14 июня. На заседании развернулась ожесточенная борьба по вопросу войны с немцами и выполнения приказа Совнаркома об уничтожении Черноморского флота. Заседание продолжалось всю ночь. Против директивы Совнаркома о потоплении флота яростно выступали левые эсеры, заявлявшие, что «Черноморский флот должен принять участие в обороне Кубано-Черноморской республики». Только к утру 17 июня большинст-

вом голосов была принята резолюция большевиков, в которой говорилось:

«I. Центральный исполнительный комитет Кубано-Черноморской республики, как орган власти части Российской Федеративной Советской Республики, считает для себя обязательным подчиняться всем директивам и распоряжениям центрального Советского Всероссийского правительства;

II. Исходя из этих соображений, Центральный исполнительный комитет не считает возможным по вопросу о флоте принять те или другие решения независимо от центральной власти;

III. Исходя из этих соображений, Центральный исполнительный комитет предлагает члену Совнаркома Шляпникову немедленно осведомить Москву о создавшемся положении и просить Советскую власть отсрочки выполнения распоряжения о флоте;

IV. Товарищам же морякам Черноморского флота по вопросу о судьбе флота Центральный исполнительный комитет предлагает ждать окончательного ответа от центрального правительства, представитель которого комиссар по морским делам Раскольников выехал в Новороссийск со специальными директивами» [8].

Постановление ЦИК Кубано-Черноморской республики от 17 июня 1918 г. свидетельствовало о поражении сепаратистских тенденций, имевших место в руководстве республики. Так, Кубано-Черноморский ЦИК признал для себя обязательным подчинение всем директивам и постановлениям Советского правительства. Правда, по вопросу о судьбе флота он по-прежнему выступал против немедленного уничтожения судов, но уже не настаивал на использовании флота в военных действиях против Германии.

Окончательное изменение позиции руководства ЦИК Кубано-Черноморской республики в вопросе о потоплении Черноморского флота произошло после получения телеграммы ВЦИК и Совнаркома с категорическим требованием полного подчинения приказам центральной власти. 16 июня 1918 г. в Екатеринодар ЦИК Советов Кубано-Черноморской республики была послана за подписью Я. М. Свердлова и В. И. Ленина телеграмма, в которой говорилось: «Наморси доносит нам, что Центральный исполнительный комитет [Кубано-Черноморской республики] в отмену прямого при-

каза Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома предлагает флоту начать борьбу в условиях, когда она грозит крайне серьезными опасностями не только флоту, но и всей Советской Республике. Такого рода поведение равносильно тихой измене. Мы приказываем вам поддержать Наморси всем вашим авторитетом, если понадобится, материальной силой, для обеспечения выполнения отданных ему приказов. В случае вашего противодействия или попустительства безумной преступной агитации против приказов центральной Советской власти вы поставите всю Советскую Россию в крайне критическое положение, ответственность целиком падет на вас. Мы требуем полного подчинения приказам центральной власти» [9]. Копия этой телеграммы была послана А. А. Рубину и Н. И. Островской, Новороссийскому Совету и наморси, а также в Царицын Сталину.

Судьба Черноморского флота в Новороссийске находилась в центре внимания В. И. Ленина. Не получив еще телеграммы И. В. Сталина от 14 июня 1918 г. о поездке в Новороссийск наркома труда А. Г. Шляпникова, В. И. Ленин 17 июня снова посылает телеграмму в Царицын: «Приказы, посланные флоту в Новороссийск, должны быть безусловно исполнены. Надо объявить, что за неисполнение их моряки будут объявлены вне закона. Надо во что бы то ни стало помешать безумной авантюре.

Почему Шляпников не поехал? Почему Вахрамеев уехал, не сделав ничего? Где Раскольников? Непременно должен поехать влиятельный товарищ, чтобы справиться с сопротивляющимися. Обещание, которое Иоффе дал Кюльману от нашего имени, должно быть безусловно исполнено!» [10]

В тот же день И. В. Сталин телеграфировал В. И. Ленину: «Раскольников сегодня утром выехал в Екатеринодар. Шляпников уже там. Глебова вернул из Торговой обратно в Новороссийск. Вахрамеева тоже. Наши кубанские большевики скрепя сердце готовы подчиняться приказу радио... Команда пока упорствует. Было бы хорошо не ограничиваться приказами флоту, а потребовать от немцев увоза десанта с Таманского полуострова, прекращения хулиганских агрессивных действий. Флот нам подчиняется, но жалуется, что ему грозит окружение и разгром. Калнин требует при-

каза флоту о помощи войскам, очутившимся под ударами десанта, но такая помощь, очевидно, не будет оказана»[11].

Контрреволюционеры во главе с Тихменевым не преминули воспользоваться усложнившейся обстановкой и усилили агитацию за поход в Севастополь. Центром предательской деятельности стал линкор «Воля», где свили себе гнездо белогвардейски настроенные бывшие офицеры и украинские буржуазные националисты, перебравшиеся сюда с других кораблей. Коммунисты «Воли» во главе с Лебедевым, Уткиным, Долговым, Петровым и руководимые ими революционно настроенные моряки разоблачали враждебную пропаганду эсеро-анархистских авантюристов, призывали матросов выполнить свой революционный долг, но у них оставалось все меньше и меньше сторонников.

15 июня 1918 г. Тихменев получил шифрованную радиограмму № 49 от 13 июня за подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с категорическим требованием немедленно уничтожить корабли Черноморского флота в Новороссийске[12]. Он понял, что дальше медлить нельзя, и приступил к практическому осуществлению давно задуманного плана — увода судов в Севастополь. Учитывая дезориентацию основной массы матросов и ослабление позиции сторонников уничтожения судов, Тихменев решил обратиться со специальным воззванием к личному составу флота, чтобы склонить его к походу в Севастополь. Пустив в ход демагогию, лесть и угрозы, Тихменев в своем воззвании всячески превозносил «бумажные гарантии» Германии и в намеренно мрачных тонах характеризовал стратегическую обстановку и материальное положение флота в Новороссийске. Он заявил, что из создавшегося положения видит только два выхода: или немедленное уничтожение флота до срока ультиматума 19 июня, или возвращение судов в Севастополь в срок, т. е. выход из Новороссийска не позже 18 июня.

16 июня 1918 г. на линейном корабле «Воля» Тихменев созвал делегатское собрание. Чтобы поднять авторитет собрания, он пригласил на него представителей Новороссийского Совета, заранее оговорив при этом, чтобы прибыли представители не только коммунистов, но и левых эсеров. Новороссийский Совет командировал на делегатское собрание коммунистов

Скобликова и Шатова, а также левых эсеров Серапилова и Арнольда [13]. Собрание началось с внеочередных заявлений председателей судовых комитетов линейных кораблей «Воля» и «Свободная Россия». Они сообщили, что в ночь с 15 на 16 июня с линкоров дезертировало свыше 200 человек и что корабли представляют из себя железные коробки, лишенные какой бы то ни было боеспособности. Это сообщение еще более усугубило и без того тяжелое моральное состояние моряков.

Выступивший на собрании командир эскадренного миноносца «Керчь» В. А. Кукель отметил, что после заявлений председателей судовых комитетов линкоров «Воля» и «Свободная Россия» совершенно очевидно, что главные силы флота не способны оказать сопротивление неприятелю хотя бы потому, что некому стрелять из пушек, а поскольку не может быть и речи о каком бы то ни было сопротивлении флота немцам, выход остается один — сейчас же разработать план потопления и приступить к его осуществлению [14].

Однако Тихменев отверг это единственно правильное практическое предложение, навязал черноморцам мысль о проведении нового референдума по кораблям, а не на базовом собрании, как 12 июня, и вынес на голосование только предложения своего воззвания, которое он разослал по командам. Он потребовал, чтобы делегаты разъехались по кораблям, срочно созвали их личный состав и обсудили его предложения [15]. В результате усилившегося дезертирства с кораблей в обсуждении 16 июня участвовало около 2500 моряков, причем часть из них от голосования отказалась. В назначенный час Тихменев подвел итоги референдума и объявил результаты: за переход флота в Севастополь голосовали 500 моряков, за потопление — 450 моряков и около тысячи воздержались или решили сражаться до последнего снаряда, а пока ждать возвращения делегации из Екатеринодара. Голосование на линейных кораблях дало такие результаты: на «Воле» за переход голосовали 360 моряков, за потопление — 190; на «Свободной России» за переход — 350, за потопление — 240 моряков [16]. Несмотря на то что за переход в Севастополь было подано меньшинство голосов по сравнению со всем личным составом флота, Тихменев заявил, что, поскольку на голосование было вынесено только два предложения — за потопление и

за поход в Севастополь, а большинство высказалось за поход, он это решение и принимает.

С резким протестом против такой постановки вопроса выступил командир «Керчи» В. А. Кукель. Он заявил, что поданное за уход количество голосов не отражает настроений личного состава флота, так как более половины моряков не участвовали в голосовании. В. А. Кукеля горячо поддержал коммунист С. М. Лепетенко. Он убедительно доказывал необходимость выполнить директиву Советского правительства об уничтожении флота. За потопление флота высказались председатель судового комитета линкора «Воля» М. П. Глаз, представитель моряков торгового флота Н. А. Кремлянский, а также командиры миноносца «Лейтенант Шестаков» С. Анненский, миноносца «Сметливый» Панфилов, миноносца «Гаджибей» В. Алексеев и др. [17]

Однако Тихменев объявил вопрос об уходе в Севастополь исчерпанным. На протесты коммунистов и сторонников потопления флота он заявил, что меньшинство подчиняется большинству, потребовал с этого момента беспрекословного исполнения всех своих распоряжений и приказал приготовиться к походу в Севастополь к 9 часам утра 17 июня, о чем известят соответствующие сигналы [18].

За несколько часов до объявления результатов голосования Тихменев получил ответ атамана Краснова на свой тайный запрос, как ему поступить с флотом. Краснов категорически предлагал Тихменеву принять все зависящие от него меры к уводу флота из Новороссийска в Севастополь и ни в коем случае не допустить его уничтожения. Атаман «войска Донского» верил в возрождение «единой и неделимой России» и для нее хотел сохранить Черноморский флот. Мнение Краснова воодушевило и обрадовало Тихменева, так как оно совпадало с его собственными планами.

Приказ Тихменева о подготовке судов к походу в Севастополь вызвал гневное возмущение присутствовавших на собрании коммунистов и всех сторонников потопления флота. Они заявили, что приказу не подчинятся и будут готовить суда к уничтожению. «Меня взбесило подобное отношение Тихменева к сторонникам потопления флота,— пишет коммунист С. М. Ле-

петенко,— и я, подойдя к нему ближе, заявил, что мы не подчиняемся его распоряжению и поступим с остающимися судами так, как находим нужным. Подошедшие вместе со мной к Тихменеву командир «Керчи» Кукель, командир «Лейтенанта Шестакова» Анненский, лейтенанты Панфилов и Алексеев еще раз подтвердили свой отказ выполнить приказание о походе в Севастополь»[19]. Видя всеобщее негодование сторонников потопления судов, Тихменев сбежал с собрания.

Тем не менее Тихменев послал командиру Севастопольского порта телеграмму, в которой сообщил, что во исполнение предписания русского правительства он принимает меры к переводу флота в Севастополь с расчетом закончить поход не позднее 19 июня. Эта телеграмма свидетельствовала об уверенности Тихменева в осуществлении своего предательского плана. Командующий германскими военно-морскими силами Ребейр-Пашвиц ответил Тихменеву, что в 9 часов 19 июня корабли должны находиться перед Севастополем с орудиями, закрепленными по-походному, открытыми орудийными затворами и с боевым запасом в погребах[20].

Когда делегаты и командиры судов возвратились к своим командам и сообщили решение собрания, острые споры и отчаянная борьба среди матросов разгорелись с новой силой. Коммунисты призывали моряков не подчиняться предательскому приказу Тихменева. Матросы, сторонники потопления, заявляли, что торпедируют корабли, которые попытаются выйти из Новороссийска. Сторонники же ухода в Севастополь угрожали потопить остающиеся в Новороссийске суда вместе с их командирами. Но так как почти на всех кораблях были сторонники и потопления, и ухода, в обстановке всеобщего недовольства начался массовый уход матросов с кораблей. Матросы, выжидавшие исхода борьбы, собрав свои вещи, дезертировали на берег. Корабли, команды которых в своем большинстве стояли за уничтожение флота, начали принимать к себе на борт своих сторонников с других судов, решивших идти в Севастополь, и наоборот. Стихийное перемещение матросов продолжалось всю ночь с 16 на 17 июня. Сторонники ухода в Севастополь собирались на линкоре «Воля», где многие матросы активно боро-

лись за потопление флота и линкора. Коммунисты и сочувствующие им моряки — Лебедев, Петров, Долгов, Уткин, Отрезной, Луценко и многие другие потребовали от Тихменева «списать их на берег». «Когда мы начали уходить с линкора по сходням на мол,— пишет бывший турбомашинист с «Воли» М. С. Кулик,— вслед за нами направились и матросы, прежде голосовавшие за уход в Севастополь. Всего успело сойти около 300 человек. Видя это, Тихменев отдал приказ срочно убрать сходни» [21].

Во главе сторонников немедленного выполнения приказа В. И. Ленина о потоплении флота стояла героическая команда эскадренного миноносца «Керчь». При отсутствии единого политического руководства, в обстановке враждебной пропаганды сторонников ухода в Севастополь и недружелюбного отношения со стороны местного населения «керченцы» самоотверженно выполняли свой революционный долг.

В. А. Кукель и председатель судового комитета Кулинич, вернувшись на корабль после делегатского собрания 16 июня, сразу же провели собрание команды «Керчи». Выступивший первым В. А. Кукель сообщил, что завтра утром будет поднят сигнал и. о. командующего флотом о выходе судов на рейд для похода в Севастополь. Он сам, члены судового комитета и несколько моряков из команды решили «лучше умереть, чем сдать эсминец «Керчь» германцам в Севастополе или в Новороссийске». В. А. Кукель призвал моряков не выполнять приказ Тихменева и обратился к команде с вопросом, кто согласен не только потопить свой эсминец, но и помочь потопить те корабли, команды которых из-за некомплекта будут не в состоянии сами это сделать. Коммунисты и вся команда миноносца «Керчь» единодушно поддержали решение своего командира и судового комитета. Все члены команды поклялись затопить не только свой эсминец, но и другие корабли и решили, что ни один человек не уйдет с корабля до тех пор, пока не будет выполнена директива Совнаркома и В. И. Ленина. В знак безграничного доверия и уважения к своему командиру команда «Керчи» предложила В. А. Кукелю, как опытному морскому офицеру, осуществлять единоличное командование операцией по потоплению всех судов, которые откажутся идти в Севасто-

Эскадренный миноносец «Лейтенант Шестаков»

поль. После уничтожения судов Кукель предложил уйти в Туапсе и там затопить свой эскадренный миноносец «Керчь» [22].

Собрание обязало председателя судового комитета Кулинича и членов судового комитета Гончарова, Перевалова, Гридина и Бачинского всемерно содействовать скорейшему исполнению всех отдаваемых командиром приказаний. На эскадренном миноносце «Керчь», ставшем фактически штабом по организации потопления судов Черноморского флота, команда была укомплектована полностью и насчитывала 134 человека, причем все моряки оставались на эсминце до самого прихода в Туапсе. На «Керчи» поддерживался строгий боевой порядок.

У трапа выставили караул, чтобы никто без ведома командира или членов судового комитета не мог проникнуть на корабль. Во избежание возможных провокаций все приборы Обри * мин Уайтхеда ** и бое-

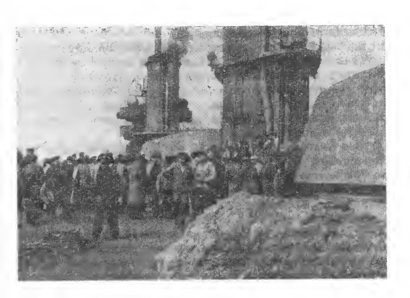
* Обри — прибор, который задает правильное направление движению мины и вставляется в нее лишь незадолго до выстрела.
** Мина Уайтхеда — сигарообразного вида мина, главное боевое оружие миноносца, движется под водой с помощью сжатого воздуха.

вые ударники перенесли в каюту командира, где они все время охранялись Кукелем, а в его отсутствие — председателем судового комитета Кулиничем [23].

Важную роль в выполнении директивы Советского правительства о потоплении флота наряду с командой «Керчи» сыграла команда эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков» во главе с председателем судового комитета коммунистом С. М. Лепетенко и командиром С. Анненским. На эсминце действовала и пользовалась большим влиянием коммунистическая группа. В нее входили С. Сапронов, С. Лепетенко, Боярский, Христич и др. Коммунистов эсминца «Лейтенант Шестаков» хорошо знали во флоте. Особенно большим авторитетом в матросской массе пользовались выступления С. М. Лепетенко.

Вернувшись с делегатского собрания 16 июня, С. М. Лепетенко доложил команде эсминца «Лейтенант Шестаков» о намерении части кораблей флота уйти в Севастополь и о решении затопить корабли в Новороссийске, за которое высказались их командир С. Анненский, судовой комитет и командир эсминца «Керчь» В. Кукель. Выступившие коммунисты С. Сапронов, Христич, Боярский и еще несколько моряков горячо поддержали решение своего командира участвовать в затоплении флота и призвали команду остаться на корабле до его потопления. После кратких прений было принято решение: «Миноносец утопить. До его потопления команде принять самое активное участие в потоплении судов, которые не смогут затопиться собственными силами. Шкурникам и трусам надлежит оставить миноносец немедленно» [24].

Судовой комитет «Керчи» и коммунисты флота во главе с С. Г. Сапроновым, С. М. Лепетенко, Н. А. Кремлянским, опираясь на сознательную часть матросов, 16 и 17 июня 1918 г. развернули большую работу против увода судов в Севастополь, за осуществление приказа В. И. Ленина. Коммунисты флота решили вечером 16 июня собрать на пристани митинг и развернуть на нем агитацию за потопление судов в Новороссийске. Митинг прошел удачно. Агитация коммунистов против похода в Севастополь нашла отклик у многих матросов. Участники митинга избрали делегацию на линкоры, куда вошли Лепетенко и Кулинич. Делегация отправилась на линкор «Воля», но контрреволюци-

Митинг на линкоре «Свободная Россия»
16 июня 1918 г.

онеры «Воли» боялись большевистской агитации и не разрешили делегатам провести собрание команды под предлогом судовых работ. По-иному встретила делегатов флота команда линкора «Свободная Россия». В результате проведенного здесь митинга моряки, занимавшие до этого колеблющуюся позицию, большинством голосов приняли решение остаться в Новороссийске и потопить корабль. Машинная команда почти в полном составе заявила о своем намерении не уходить в Севастополь. В связи с этим часть матросов перешла на «Волю», часть решила остаться до потопления, часть съехала на берег[25].

К 9 часам утра 17 июня 1918 г., к сроку, назначенному Тихменевым для выхода в Севастополь, ни один корабль не был готов к походу. Борьба против ухода вступила в свою решающую стадию. На «Воле» был поднят сигнал о подготовке к походу. На него ответили и начали разводить пары только линейные корабли «Свободная Россия» и «Воля», вспомогательный крейсер «Траян», эскадренные миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Жаркий» и «Живой». Несмотря на нежелание

большинства команды линкора «Свободная Россия» идти в Севастополь, командир Терентьев отдал приказ ответить на сигнал Тихменева и начать разводить пары. Не выполнили приказа командующего об уходе эскадренные миноносцы «Керчь», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Фидониси», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный» и «Летчик» [26].

Весть о том, что утром 17 июня флот покидает Новороссийск, облетела и всколыхнула весь город. Стихийно возникавшие собрания рабочих были прерваны приглашением на митинг, который созывался по инициативе коммунистов минной бригады на одной из пристаней. Выступавшие на митинге моряки резко осуждали сторонников ухода в Севастополь, заклеймили их поведение как преступление перед Советской властью и призвали принять экстренные меры, чтобы корабли остались в Новороссийске. Митинг вынес постановление послать на «Волю» делегацию от моряков и рабочих города, чтобы убедить Тихменева дождаться возвращения посланной в Екатеринодар делегации моряков. Кроме того, было принято решение объявить всенародный митинг на Соборной площади (ныне парк имени В. И. Ленина). «Незадолго до выхода линейного корабля «Воля» на рейд,— вспоминал В. А. Кукель,— к командующему флотом направилась делегация от команд судов, оставшихся в гавани, и местного населения с целью уговорить командующего флотом Тихменева в Севастополь не уходить, а принять на себя руководство потоплением судов. Тихменев делегацию не принял, ей было передано от его имени, что Тихменев решил идти в Севастополь твердо и неизменно» [27].

В 12 часов дня на Соборной площади собрался многотысячный митинг. Выступавшие ораторы призывали трудящихся к борьбе с германскими интервентами и осуждали моряков, решивших уйти в Севастополь и сдаться немцам. Один из матросов-коммунистов заявил, что всю вину за уход флота он возлагает на Тихменева. Член исполкома Новороссийского окружного Совета комиссар труда Пудан выступил с разъяснением, что в воскресенье, 16 июня, в Новороссийске была получена телеграмма, отменившая первоначальное правительственное распоряжение о возвращении судов

в Севастополь. Пудан зачитал полученную из Царицына радиограмму военкома Северо-Кавказского военного округа К. Я. Зедина, в которой приводился текст телеграммы военного руководителя Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевича от 15 июня 1918 г., подтверждавший невозможность возвращения флота в Севастополь для сдачи его немцам [28]. Телеграмма К. Я. Зедина была отпечатана в виде листовки и расклеена по всему городу, а также опубликована 17 июня в «Красной газете», органе Новороссийского Совета.

Революционные моряки и советские организации Новороссийска продолжали вести борьбу против ухода судов в Севастополь. По инициативе коммунистов многочисленные делегации на катерах и шлюпках подходили к «Воле», «Траяну» и убеждали их команды остаться в Новороссийске. Эта агитация оказала свое действие. Тихменев понял, что если суда простоят еще немного времени на внутреннем рейде, то их команды разбегутся, а выход в море станет невозможным, и около часу дня приказал поднять сигнал: «Сняться с якоря и выйти на внешний рейд». С судов непрекращавшимся потоком уходили матросы, не желавшие возвращаться в Севастополь. С ящиками, чемоданами, кульками и винтовками за плечами они двигались пешком и на извозчиках по улицам, прилегавшим к бухте.

Выход судов представлял жалкую картину. Вследствие того что значительная часть моряков покинула корабли, большинство из них были не в состоянии поднять в достаточной мере пары и выводились на буксире. На внешний рейд вышли и стали на якорь «Воля», «Траян» и шесть эсминцев [29], ответивших на сигнал о походе, за исключением линкора «Свободная Россия» и эсминца «Громкий». Командир «Свободной России» Терентьев уговаривал моряков поднять пары и уйти в Севастополь. Часть кочегаров вопреки принятому решению предпринимала попытки развести пары, но безуспешно: кочегаров было очень мало. Часть членов команды сошли на берег, а остальные во главе с коммунистами Бондаренко, Соколовым, Суховерховым и Твердохлебовым вели решительную борьбу против похода, за потопление корабля в Новороссийске. В результате линкор «Свободная Россия» продолжал стоять в гавани вдоль мола [30].

Выход кораблей на внешний рейд команда эскадренного миноносца «Керчь» заклеймила позором. На «Керчи» взвился сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России!» Затем его подняли на всех судах, оставшихся в бухте. В ответ на «Воле», где развевался флаг командующего, и на остальных судах, стоявших на внешнем рейде, появился сигнал «Ясно вижу», но ответа не последовало [31].

17 июня 1918 г., не дождавшись Ф. Ф. Раскольникова, И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов вместе с делегацией флота выехали в Новороссийск, убедив А. Г. Шляпникова остаться в Екатеринодаре. На имя В. И. Ленина ими была послана телеграмма: «Попытки найти активную поддержку в Екатеринодаре не увенчались успехом. Шляпников помочь бессилен. Ехать ему в Новороссийск считаем ненужным и опасным. Не дожидаясь Раскольникова, выехали в Новороссийск. Раскольников едет в четырех часах от нас» [32].

Около трех часов дня 17 июня 1918 г., когда Тихменеву удалось часть судов вывести на внешний рейд, где они стояли под парами, готовые в любой момент уйти в Севастополь, в Новороссийск прибыл экстренный поезд И. И. Вахрамеева.

Взяв на себя задачу осуществить потопление судов в Новороссийске, команда эсминца «Керчь» весь день 17 июня тщательно готовилась к выполнению этого ответственного мероприятия. Эскадренный миноносец привели в полную боевую готовность, так как во время потопления судов, которое должно было производиться на внешнем рейде, а также по пути в Туапсе не исключалась возможность нападения немецких подводных лодок и гидропланов. К тому же немецкий десант на Тамани мог в любой момент прорваться к Новороссийску и с помощью судов, прикрывавших операцию, захватить корабли Черноморского флота.

Вечером на эсминце «Керчь» под руководством В. А. Кукеля состоялось совещание наиболее активных членов инициативной группы по потоплению судов. Помимо командиров и председателей судовых комитетов эскадренных миноносцев «Керчь» и «Лейтенант Шестаков» на нем присутствовали командиры кораблей Алексеев, Гернет, старший помощник командира эсминца «Пронзительный» Депиш. Совещание

разработало план потопления оставшихся кораблей. Чтобы не повторить ошибку Порт-Артура, когда суда затопили на мели и их без особого труда подняли и увели японцы [33], было решено топить корабли на большой глубине и так, чтобы противник не мог ими воспользоваться. Для этого решили подложить на нефтяных миноносцах под турбины, а на угольных под цилиндры машин не менее чем по одному 18-фунтовому подрывному патрону и взорвать их с помощью бикфордова шнура. Планом предусматривалось, что оставшиеся суда должны выходить на внешний рейд в 5 часов утра 18 июня самостоятельно или на буксире миноносцев и портовых судов. На внешнем рейде корабли становятся на якорь и ждут, когда линейный корабль «Свободная Россия» подойдет к параллели Дообского маяка. Тогда по сигналу с «Керчи» или взрыва миной с эскадренного миноносца «Керчь» эсминца, на котором совершенно не окажется команды, начнется общее потопление судов. «Керчь» топит линкор «Свободная Россия» минным залпом. Потопление кораблей производится путем открытия кингстонов и клинкетов и отдраивания всех иллюминаторов на предварительно накрененном борту. Перед самым съездом участников потопления с эсминцев зажигается бикфордов шнур для взрыва заложенных под турбины и главные машины подрывных патронов. В связи с этим с эскадренного миноносца «Керчь» было решено передать лишний запас подрывных патронов на те эсминцы, которые их не имели. Для осуществления самого потопления совещание решило создать на каждом корабле подрывные группы в пять-шесть человек. Эти группы состояли главным образом из коммунистов [34]. Чтобы осуществить вывод судов на внешний рейд, было решено найти в городе опытного лоцмана, так как фарватер не был известен военным морякам и у побережья могли оказаться мины, установленные еще во время войны. Моряки нашли такого лоцмана. Им был К. Е. Пучко, который и осуществил вывод судов к месту потопления.

Сразу же по прибытии Н. П. Авилов-Глебов отправился в Новороссийский окружной Совет, надеясь склонить его к выполнению приказа Советского правительства. В это время проходило заседание комиссариатов. С докладом по вопросу о флоте выступал

А. Ю. Губернский, который тоже только что прибыл из Екатеринодара. Авилов-Глебов сообщил, что приказ Совнаркома о потоплении флота остается в силе и его необходимо немедленно выполнить. Комиссары снова высказались против уничтожения флота. Отстаивая директиву Советского правительства, Н. П. Авилов-Глебов заявил комиссарам: «...о флоте рассуждать не ваше дело. Вы будете отвечать перед Москвой». Это заявление вызвало бурю негодования, особенно у левых эсеров. Против потопления судов решительно выступил А. Ю. Губернский. Полемика носила настолько острый характер, что во время речи Губернского Авилов-Глебов воскликнул: «Молчать, иначе вызову сотню, и вы будете арестованы» [35].

Не получив и на этот раз поддержки от Новороссийского Совета, Н. П. Авилов-Глебов и И. И. Вахрамеев предприняли попытку уговорить Тихменева отказаться от похода, остаться в Новороссийске и потопить суда. С этой целью они в сопровождении председателя судового комитета «Воли» М. П. Глаза, активно выступавшего за потопление флота, отправились на «Волю». Прибыв на линкор, Авилов-Глебов и Вахрамеев убеждали Тихменева остаться в Новороссийске. Но Тихменев вел себя крайне надменно и категорически отказался от такого предложения. Тогда они решили обратиться непосредственно к команде линкора. Хорошо известный матросам председатель судового комитета М. П. Глаз убеждал их не возвращаться в Севастополь и потопить свой корабль. Однако команда встретила его выступление враждебно. Послышались грубые выкрики и угрозы выбросить за борт его и комиссаров.

Несмотря на это, Вахрамеев и Авилов-Глебов остались на корабле и уговаривали Тихменева подождать приезда в Новороссийск посланца Совнаркома Ф. Ф. Раскольникова. После долгих споров и пререканий Тихменев согласился отложить поход до 12 часов ночи, но предупредил, что, если за это время команда «Воли» не согласится на потопление, он будет вынужден дать приказ о походе, так как связан сроком прибытия в Севастополь, установленным предписанием Совнаркома. Разумеется, Вахрамеев и Авилов-Глебов понимали, что команда «Воли» не изменит своего решения, так как она состояла в основном из украин-

ских буржуазных националистов и правых эсеров, находившихся под влиянием контрреволюционного офицерства.

После «Воли» И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов посетили линкор «Свободная Россия» и стоявшие на внутреннем рейде эсминцы. Здесь еще с вечера 16 июня под руководством судового комитета, командира и всей команды эскадренного миноносца «Керчь», а также коммунистов флота шла энергичная подготовка к выполнению приказа В. И. Ленина. Осталось лишь технически организовать потопление кораблей, назначенное на 18 июня 1918 г. Отдав указания относительно эвакуации быстроходных катеров, артиллерии, радиотехнического оборудования, а также флотского имущества, Вахрамеев и Авилов-Глебов отправились на вокзал, полагая, что их миссия почти выполнена. Сначала они решили ждать приезда Раскольникова. Но в час ночи с 17 на 18 июня к ним неожиданно прибыл председатель Новороссийского Совета М. Лучин и предложил немедленно покинуть Новороссийск, так как якобы Совет депутатов только что вынес резолюцию арестовать их и предать смертной казни как изменников и провокаторов. Под впечатлением этого заявления Вахрамеев и Авилов-Глебов вместе с Лучиным выехали на станцию Тоннельная[36], в 18 верстах от Новороссийска.

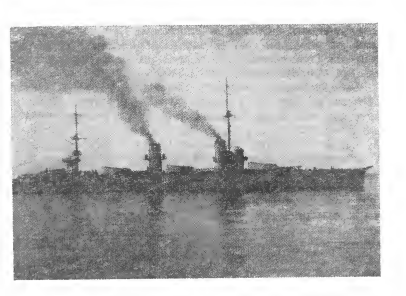
Тихменев намеренно согласился отложить поход до 12 часов ночи: он продолжал изыскивать способы увести все суда в Севастополь. Так, он решил использовать руководителя делегации моряков командира эсминца «Поспешный» Бессмертного, прибывшего из Екатеринодара. С помощью Бессмертного Тихменев задумал добиться выхода на внешний рейд оставшихся в гавани кораблей, чтобы под угрозой орудий «Воли» и верных ему миноносцев заставить их следовать за ним в Севастополь. Для осуществления этого коварного плана по инициативе Тихменева вечером 17 июня 1918 г. на эсминце «Гаджибей» был созван митинг моряков, решивших потопить свои корабли. С отчетом о поездке в Екатеринодар на митинге выступил Бессмертный. В заключение своей речи он заявил, что командующий флотом вышел на внешний рейд только для того, чтобы удостовериться в повиновении флота,

и теперь приказывает всем кораблям, стоявшим в гавани, выйти на рейд [37].

Прибывший на митинг В. А. Кукель разоблачил незадачливого агитатора и заявил: «Передайте командующему, который является изменником России, что суда, оставшиеся в гавани, завтра будут затоплены и, конечно, ему не подчинятся». Заявление командира «Керчи» было бурно поддержано всеми участниками митинга. Получив такой единодушный отпор, Бессмертный немедленно покинул митинг и, сев на ожидавший его у берега моторный катер, бежал на «Волю», бросив свой эсминец [38].

Активно боролся против увода судов в Севастополь председатель судового комитета «Воли» М. П. Глаз. После неудачной поездки на «Волю» с Авиловым-Глебовым и Вахрамеевым он снова пробрался на корабль и беседовал с глазу на глаз с Тихменевым, убеждая его отказаться от похода в Севастополь, свезти команду на берег, а ночью затопить линкор и все другие корабли. Тихменев, как и прежде, ссылался на непреклонную решимость команды «Воли» идти в Севастополь. М. П. Глаз заявил Тихменеву, что это ложь, так как одного решительного слова командующего достаточно, чтобы убедить матросов в необходимости покинуть корабль, тем более что решение «Воли» идти в Севастополь явилось следствием главным образом его, Тихменева, влияния и агитации. Тихменев стоял на своем [39].

Тогда М. П. Глаз отправился на «Керчь», где рассказал о своей беседе с Тихменевым и страстно убеждал В. А. Кукеля применить силу против судов, решивших идти в Севастополь. Он предложил Кукелю, когда эскадра снимется с якорей, догнать «Волю» и затопить минным залпом с эскадренного миноносца «Керчь». В результате команды других кораблей будут деморализованы и согласятся затопить свои суда. По утверждению М. П. Глаза, линкор «Воля» по сравнению с эсминцем «Керчь» находился в таком небоеспособном состоянии, что не смог бы отразить атаку. «Это предложение,— пишет В. А. Кукель,— было категорически отвергнуто. Отказ был мотивирован тем, что этические чувства не позволяли нам губить такое большое число людей, тем более что все равно им придется впоследствии отдать отчет в своем поступке

Линкор «Свободная Россия»

перед историей русского флота» [40]. В этом ответе проявилась недостаточная революционная решимость и твердость командира «Керчи».

По инициативе коммунистов линкора «Свободная Россия» вечером 17 июня была предпринята еще одна попытка склонить команду «Воли» отказаться от похода. На линкор «Воля» была послана делегация от «Свободной России», которая уговаривала команду не идти на раскол, остаться в Новороссийске и затопить свой корабль. Представители команды «Воли» предложили «Свободной России» присоединиться к ним. На это один из матросов машинной команды категорически заявил, что на них не стоит рассчитывать, так как в Севастополь они не пойдут. Представители команды «Воли» под влиянием Тихменева в заключение заявили, что и они своего решения не изменят и уйдут в Севастополь, хотя бы в единственном числе.

Когда все попытки увести «Свободную Россию» и оставшиеся в Цемесской бухте корабли ни к чему не привели, Тихменев отдал приказ о походе в Севастополь. В 11 часов 30 минут линейный корабль «Воля», эсминцы «Беспокойный», «Дерзкий», «Живой», «Пылкий», «Поспешный» и вспомогательный крейсер «Тра-

ян», имевший на буксире миноносец «Жаркий», стоявшие на внешнем рейде, снялись с якорей и взяли курс на Севастополь. Несколько позже к отряду Тихменева присоединилась яхта «Креста» [41].

Эскадренный миноносец «Громкий» утром 17 июня ответил на сигнал «Воли», начал разводить пары и вечером вышел на внешний рейд. Но команда корабля приняла решение немцам не сдаваться. Когда в 11 часов 30 минут Тихменев отдал приказ о походе в Севастополь, команда «Громкого» отказалась его выполнять и решила затопить эсминец в районе Новороссийска после ухода эскадры в Севастополь. Тихменев, полагая, что на «Громком» мало команды и своим ходом он идти не может, послал к нему эсминец «Поспешный» для буксировки. На это командир «Громкого» Н. А. Новаковский по указанию судового комитета ответил, что у эсминца достаточно команды, чтобы довести его туда, куда нужно. Однако Тихменев вторично приказал «Громкому» взяться на буксир к «Поспешному». «Когда наша команда увидела,— пишет Н. Г. Бойко,— что миноносец «Поспешный» идет к нам обратно, мы хотели сняться с якоря, но левый якорь засосало грунтом, и машина его не поднимала. Пока мы освобождались от якоря, «Поспешный» подошел к нам совсем близко, намереваясь брать «Громкий» на буксир. В это время единственный наш минер приготовил против «Поспешного» на левом борту минный аппарат, и наш командир приказал: «Немедленно отойти от миноносца «Громкий», в противном случае буду атаковать». Наша угроза подействовала. Миноносец «Поспешный» немедленно развернулся и ушел к «Воле». После этого вся эскадра с линкором «Воля» во главе выстроилась в кильватерную колонну и устремилась в открытое море, взяв курс на Севастополь, чтобы завершить свое предательство» [42].

Освободившись от левого якоря, «Громкий» взял курс в открытое море. На траверзе Мысхако командир нашел глубокое место. Затем на воду были спущены катер и шлюпка, куда погрузили продовольствие, вооружение и команду. На эсминце остались председатель судового комитета Гобелко, командир корабля Новаковский, радист и несколько человек команды. Радист передал открытую радиограмму: «Всем,

всем, всем! Миноносец «Громкий», носящий название своего геройского собрата (русский миноносец «Громкий», геройски погибший в Цусимском бою. — *И. С.*), верный традиции русского флота, не сдается неприятелю, а топится. Призываем матросов других кораблей последовать нашему примеру. Председатель судового комитета Гобелко» [43]. После этого на миноносце были открыты кингстоны и клинкеты. Последние члены команды сошли на шлюпку и отправились на берег. Через некоторое время миноносец затонул [44]. Так команда эскадренного миноносца «Громкий» в количестве 20 человек первой, на 12 часов раньше других, затопила корабль, честно выполнив свой революционный долг и приказ В. И. Ленина.

18 июня 1918 г. Тихменев сообщил по радио коменданту Севастопольского порта, что русский флот прибудет на следующее утро, а также указал число и название идущих кораблей. Кроме того, в радиограмме сообщалось, что остальным судам по техническим причинам, ввиду отсутствия команд и буксиров, пришлось остаться в Новороссийске [45]. Во время похода в Севастополь из-за малочисленности команд, главным образом машинных, были взяты на буксир почти все миноносцы. Своим ходом дошли лишь два эсминца: «Дерзкий» и «Живой». Поэтому отряд двигался самым малым ходом и дошел благополучно лишь благодаря хорошей погоде. 19 июня корабли под андреевским флагом прибыли в Севастополь и сдались немцам, завершив тем самым измену Советской республике. Когда корабли проходили мимо линкора «Гебен», на нем пробили боевую тревогу.

В походе в Севастополь участвовало всего лишь 730 человек команды [46], т. е. менее четверти личного состава флота, находившегося в Новороссийске, причем часть моряков увели фактически насильно. Изменниками стали бывшие офицеры, сверхсрочники и «самостийники». Этот факт еще раз подтвердил правоту коммунистов и сторонников потопления флота, утверждавших, что за поход в Севастополь высказалось незначительное меньшинство матросов, что Тихменев предательски попрал волю большинства личного состава флота.

«Негодованию Владимира Ильича,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич,— не было пределов, когда он по-

лучил сведения о полном провале Вахрамеева и об отплытии части эскадры из Новороссийска в Севастополь к немцам... Жаль, говорил В. И. Ленин, что наши сплоховали и не открыли огонь по уходящим в Севастополь! Обязательно их надо было расстрелять и потопить... мерзавцев, изменников, предателей, нельзя было упускать!» [47]

Прибыв в Екатеринодар во второй половине дня 17 июня 1918 г., Ф. Ф. Раскольников отправился в исполком Кубано-Черноморской республики, где встретился с председателем ЦИК А. А. Рубиным и товарищем председателя Н. И. Островской. Ф. Ф. Раскольников ознакомил их с целью своего приезда и приложил все усилия, чтобы убедить их в необходимости подчиниться решению Советского правительства о потоплении флота.

Во второй половине дня 17 июня в присутствии А. Г. Шляпникова состоялось заседание Екатеринодарского комитета РКП(б) с участием секретаря комитета П. И. Вишняковой. Большинством голосов было принято решение о потоплении флота [48].

Вечером 17 июня открылось заседание ЦИК Кубано-Черноморской республики [49], которое продолжалось всю ночь. На рассвете оно одобрило директиву ВЦИК и Совнаркома о потоплении флота и разработало мероприятия по ее осуществлению. 18 июня в Новороссийск был послан с широкими полномочиями представитель ЦИК республики коммунист М. Ф. Власов [50]. Это решение означало полную победу политики Коммунистической партии и Советского правительства. К сожалению, оно было принято слишком поздно.

Из Екатеринодара Ф. Ф. Раскольников выехал в Новороссийск. После полуночи на станции Тоннельная он встретился с поездом И. И. Вахрамеева. В вагоне Вахрамеев и Авилов-Глебов проинформировали Раскольникова о положении дел на флоте и советовали ему не ездить в Новороссийск, так как его приезд ничего нового не внесет в создавшуюся ситуацию. Раскольников не согласился с их доводами и в 6 часов утра 18 июня прибыл в Новороссийск [51]. Но решительно повлиять на ход событий он действительно уже не мог: отряд Тихменева ночью ушел в Севастополь, а оставшиеся в Новороссийске суда выводились на внешний рейд для потопления. Тем не менее при-

бытие представителя центральной власти облегчило выполнение приказа Совнаркома, повлияло на настроение матросских масс. Ф. Ф. Раскольников сыграл важную роль в потоплении линейного корабля «Свободная Россия» и эвакуации дивизиона быстроходных катеров, вооружения, боеприпасов и имущества флота, а также подавляющей части матросов из Новороссийска на фронты гражданской войны.

С вокзала Ф. Ф. Раскольников направился на эсминец «Керчь», где В. А. Кукель ознакомил его с планом потопления кораблей. Затем Ф. Ф. Раскольников прибыл на «Свободную Россию», где по приказу командира линкора Терентьева предпринимались попытки поднять пары, чтобы уйти в Севастополь. Ф. Ф. Раскольников провел с матросами митинг и добился принятия решения о потоплении корабля. После этого он с коммунистом Н. А. Кремлянским нашел буксиры «Греза» и «Чиатуры», которые начали выводить дредноут на параллель Дообского маяка [52]. Им удалось также снарядить небольшую парусно-моторную шхуну для перевоза команды на берег.

Ранним утром 18 июня, еще до прибытия Ф. Ф. Раскольникова, В. А. Кукель приступил к осуществлению плана вывода судов на внешний рейд. Для этого требовались буксиры. Но оказалось, что не только со всех портовых буксиров, катеров и судов, но даже со всех коммерческих кораблей команды ушли на берег. Поэтому для буксировки судов пришлось использовать эсминец «Лейтенант Шестаков», на команду которого легла вся тяжесть работы по выводу кораблей на внешний рейд. В 5 часов 30 минут «Лейтенант Шестаков» начал выводить корабли к месту их потопления. Сборная команда в составе 50 человек быстро и точно выполняла распоряжения своего командира С. Анненского и проявила выдающийся героизм. Огромная заслуга в этом принадлежала командиру эсминца и председателю судового комитета коммунисту С. М. Лепетенко, «доблестному, горячему, энергичному и смелому стороннику потопления флота», по словам В. А. Кукеля.

Первым был отбуксирован эсминец «Капитан-лейтенант Баранов» [53]. Когда «Лейтенант Шестаков» взял на буксир эсминец «Гаджибей», над ним взвился сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!» Примеру «Гаджибея»

последовали и все остальные корабли. Под революционным красным флагом и гордым сигналом «Погибаю, но не сдаюсь!», который свидетельствовал о беспредельной доблести и мужестве советских моряков, выводились корабли к месту потопления и с этим сигналом скрывались в морской пучине.

Весть о потоплении флота с раннего утра облетела весь Новороссийск и его окрестности. Со всех концов к бухте стекались толпы народа. Вскоре вся набережная, восточный и западный молы и прилегавшие к ним улицы были забиты людьми. Тут и там возникали летучие митинги. Хмурые, подавленные, но полные революционной решимости моряки, стиснув зубы, не глядя друг другу в лицо, стальной цепью сдерживали напор народа, поддерживали порядок. Упадочным настроением местного населения и моряков решили воспользоваться контрреволюционеры, германские агенты, эсеры и меньшевики. Они вели яростную пропаганду против потопления, шли на открытые провокации, возбуждали ненависть населения к командам эсминцев «Керчь» и «Лейтенант Шестаков», выполнявшим приказ Советского правительства. Немало усилий они приложили к тому, чтобы воспрепятствовать потоплению линкора «Свободная Россия». На восточном молу, у стенки которого стоял линкор, собралась огромная толпа. Рабочие стояли отдельными группами и митинговали. Особенно рьяно выступали против потопления эсеры Сирапилов и Олейников, но матросы линкора остались верны своему решению и не поддались никаким уговорам [54].

Обстановка на берегу особенно накалилась, когда все суда, кроме эскадренного миноносца «Фидониси», были выведены на внешний рейд. У пристани, где стоял всеми покинутый корабль, собрался многолюдный митинг. Оратор-эсер, взобравшись на фонарь, дрожащим истерическим голосом призывал не допустить затопления эсминца. Когда шхуна стала брать на буксир «Фидониси», возбужденная оратором толпа бросилась к эсминцу и попыталась воспрепятствовать его выводу на внешний рейд. Видя, что положение осложняется, эсминец «Керчь» направился к пристани. На корабле пробили боевую тревогу и навели орудия на толпу. Командир «Керчи» В. А. Кукель прокричал в мегафон: «Если буксировке миноносца будут препят-

Потопление кораблей Черноморского флота

ствовать, я немедленно открою огонь». Угроза подействовала. Толпа отхлынула, и «Фидониси» был отведен к месту затопления [55].

К четырем часам дня эскадренный миноносец «Керчь», до этого стоявший в гавани, вышел на внешний рейд. Обойдя все эсминцы, В. А. Кукель отдал приказание подрывным командам приготовиться к потоплению. В это время линкор «Свободная Россия» подходил к Дообскому маяку, расположенному в 8 милях от Новороссийска. Когда эскадренный миноносец «Фидониси» был выведен из бухты, эсминец «Керчь» подошел к нему и с расстояния 4 кабельтовых с установкой на глубину в полтора метра произвел выстрел миной Уайтхеда. Эсминец перевернулся на правый борт и через 12 минут затонул. Взрыв «Фидониси» послужил сигналом к общему потоплению судов. Вслед за ним один за другим опустились на дно моря остальные корабли. Тогда эсминец «Керчь» направился к линкору «Свободная Россия», который был установлен на параллели Дообского маяка, в нескольких кабельтовых от него, на глубине свыше 22 саженей. Пятью залпами из шести мин Уайтхеда «Керчь» потопила линкор «Свободная Россия» [56]. Затем эскадренный

миноносец «Керчь» дал полный ход и вскоре скрылся за мысом.

В 10 часов вечера 18 июня 1918 г. при подходе к Туапсе эсминец послал радиограмму: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь»». Ночью 19 июня, в 12 часов 40 минут, эсминец «Керчь» стал на якорь близ Туапсе, к югу от Кадошского маяка. Начался перевоз команды на берег. В 4 часа 15 минут утра от эсминца отошел последний катер с вельботом, который вел машинист Е. Т. Деркач. На эсминце осталось всего шесть человек: командир корабля Кукель, старший помощник Подвысоцкий, председатель судового комитета Кулинич, машинист Бачинский, рулевой Коваленко и моторист Деркач. В 4 часа 30 минут корабль накренили на правый борт и отдраили все иллюминаторы. Когда последние шесть человек сошли на катер, корабль начал медленно тонуть и через 40 минут, в 5 часов 10 минут утра 19 июня, перевернувшись через правый борт, скрылся под водой [57].

Таким образом, благодаря усилиям Советского правительства и революционных моряков, руководимых коммунистами, в районе Севастополя, Новороссийска и Туапсе было затоплено 14 военных кораблей водоизмещением 35 843 тонны, составлявших боевое ядро Черноморского флота: линкор «Свободная Россия», эскадренные миноносцы «Гневный», «Громкий», «Калиакрия», «Пронзительный», «Фидониси», «Гаджибей», «Керчь», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов» и миноносцы «Заветный», «Сметливый», «Стремительный» и «Летчик».

19 июня 1918 г. Ф. Ф. Раскольников послал в Морской генеральный штаб подробную телеграмму о потоплении кораблей в Новороссийской бухте, где указал их названия и обстоятельства затопления, а в конце сообщил: «Перед уничтожением андреевские флаги, часть артиллерии и радиотехнического имущества были сняты и эвакуированы. Все суда затоплены на большой глубине. Кроме того, под турбины были заложены 18-фунтовые патроны. Два эсминца по особым соображениям отправлены в Туапсе (в Туапсе ушел только эсминец «Керчь». — *И. С.*). Матросы и командный состав вели себя самоотверженно. Особенно отличились

командир «Екатерины II» (линкор «Свободная Россия». — *И. С.*) Терентьев и командир «Керчи» Кукель»[58]. Ф. Ф. Раскольников ошибочно отметил положительную роль Терентьева[59], который на самом деле был активным сторонником похода в Севастополь и ярым контрреволюционером, что и доказал своим бегством с советской территории и верной службой Деникину.

После потопления военных кораблей 18 июня 1918 г. в Новороссийске осталось около 30 пароходов и транспортов, в том числе несколько иностранных. Дело в том, что в период первой мировой войны в составе Черноморского флота находилось несколько торговых кораблей Англии, Франции, Италии и других союзных России держав, которые использовались в военных целях. Эти суда были укомплектованы русскими военными моряками. После эвакуации флота из Севастополя в Новороссийске базировались следующие иностранные коммерческие корабли: английские «Треввориан» и «Фредерика», итальянские «Женироза» и «Сербия», французский «Оксюз» и бельгийский «Эльбрус». Через несколько дней они также были потоплены своими командами[60]. Их водоизмещение составляло 35 500 тонн.

22 июня 1918 г. в газете «Известия» было опубликовано следующее сообщение народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина: «Только что получено известие о том, что часть бывших в Новороссийске судов Черноморского флота возвратилась в Севастополь, остальная же часть была командой взорвана. Что касается возвращения судов из Новороссийска в Севастополь, то непременным условием его была поставлена гарантия со стороны германского правительства, что вернувшиеся суда не будут употребляемы Германией или ее союзниками во время войны и будут отданы России после заключения всеобщего мира, а также обязательство со стороны Германии, что германские войска не будут переходить демаркационную линию, приблизительно совпадающую с их расположением в начале наших переговоров с Украиной. Германское правительство со своей стороны только под условием принятия такого соглашения приостановило наступление на Новороссийск». В тот же день, 22 июня, Г. В. Чичерин сообщил в Берлин А. А. Иоффе: «Полу-

чено извещение: часть наших судов из Новороссийска вернулась в Севастополь, остальная же часть командой взорвана»[61].

Потопление кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте 18 июня 1918 г. — событие большого социально-политического значения, полное трагизма и революционного пафоса. Именно так оценивали его героические защитники завоеваний Великого Октября. В газете штаба Северо-Кавказской Красной Армии «Революционный фронтовик» 4 июля 1918 г. была помещена статья под заголовком «Памяти борцов за свободу», посвященная гибели Черноморского флота. «Погиб, погиб не от недостатка топлива... — писала газета,— а погиб геройски за дело революции, «лучше никому, чем врагу»... Пусть 18 июня будет днем печали для истинных сознательных граждан свободной страны, и в этот день мы выражаем свой последний долг силе российской... Спите спокойно истинные борцы за свободу! Мир вашему праху!» Выполнив приказ В. И. Ленина, подавляющая часть черноморцев показала пример высокой революционной сознательности и преданного служения социалистической Родине. Вдохновителями и организаторами этого патриотического подвига были Коммунистическая партия, Советское правительство, коммунисты Черноморского флота.

Но потопление моряками значительной части кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте вызвало негодование в лагере врагов революции, нападки на Коммунистическую партию и Советское правительство. Особенно неистовствовали эсеры и меньшевики. Они обвиняли большевиков в измене делу революции, чуть ли не в предательстве. Несмотря на категорическое запрещение ЦИК Кубано-Черноморской республики созывать 18 июня заседание Новороссийского Совета и принимать какие бы то ни было решения, по инициативе левых эсеров в тот день состоялось экстренное заседание Новороссийского окружного Совета. Председательствовал на нем левый эсер моряк Шерстнев. Представители фракции левых эсеров и беспартийных выступили с резкими нападками на новороссийских коммунистов, которые теперь поддерживали директиву Совнаркома о потоплении флота. В знак протеста левые эсеры заявили о своем выходе

из состава комиссариатов и президиума Совета. Эсер Окроев призывал депутатов «выйти в народ и агитировать за поголовное восстание» [62].

Депутаты-большевики единодушно осудили политику левых эсеров. «Мы, большевики,— заявил председатель Новороссийского Совета И. Е. Кузьмин,— так позорно не побежим, хотя и тяжело, но мы останемся у власти и будем продолжать свою работу». «Здесь жалеют о флоте, о тех ценностях, которые он стоит,— говорил представитель ЦИК Кубано-Черноморской республики М. Ф. Власов. — Но разве в Севастополе мало осталось ценностей, которые бросили левые эсеры». На заседании Совета была зачитана телеграмма А. А. Рубина, в которой рекомендовалось почаще связываться с Екатеринодаром и извещать, каково положение в Новороссийске, где Раскольников, и каковы его успехи. Во внесенной М. Ф. Власовым от имени фракции большевиков резолюции говорилось, что «решение о потоплении флота вследствие невозможности его защитить лучше, чем отдать в руки врагов» [63]. Однако большинством в 15 голосов была принята резолюция левых эсеров, осуждавшая Брестский мир и решение Советского правительства об уничтожении Черноморского флота.

Вопрос о потоплении части судов Черноморского флота дважды обсуждался на экстренных заседаниях Екатеринодарского Совета. На заседании 20 июня 1918 г., сломив сопротивление фракции левых эсеров, Совет вынес решение одобрить распоряжение В. И. Ленина об уничтожении Черноморского флота.

На экстренном заседании Совета 21 июня при обсуждении вопроса о текущем моменте фракция левых эсеров внесла свою особую резолюцию, в которой осудила потопление флота, считая его «началом конца социалистической революции». В резолюции большевиков одобрялась политика Совнаркома РСФСР. Большинством голосов была принята большевистская резолюция [64].

Во время доклада В. И. Ленина о текущем моменте на IV конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня 1918 г. с целью «изобличения» Советского правительства был задан вопрос о причинах потопления Черноморского флота. Отвечая

на него в заключительном слове 28 июня 1918 г., В. И. Ленин опроверг измышления врагов революции и дал глубокий анализ причин, побудивших Советское правительство пойти на уничтожение кораблей Черноморского флота. Владимир Ильич указал, что это был единственно правильный выход из создавшегося положения: лучше понести тяжелые жертвы, но не отдать флот — это грозное оружие — германским империалистам, которые бы использовали его в борьбе против Советской власти. Потопление флота В. И. Ленин связал с необычайно тяжелым, но необходимым Брестским миром, который дал «возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции в России продолжать держать свое знамя перед рабочими всех стран. Если теперь в Германии,— говорил В. И. Ленин,— с каждым днем растет число рабочих, которые старые предрассудки о большевиках отбрасывают и понимают правильность нашей политики, то в этом заслуга той тактики, которую мы ведем, начиная с Брестского договора» [65].

Известие об уничтожении основных боевых сил Черноморского флота в Цемесской бухте вызвало гнев и возмущение германского правительства, но оно не имело оснований обвинить Советское правительство в нарушении Брестского договора и взятых им на себя обязательств. «Немцы негодовали,— пишет В. Бонч-Бруевич,— узнав о потоплении Новороссийского нашего флота, на который они уже разинули свою прожорливую пасть, чтобы проглотить его. И вдруг такой афронт! Флот наш покоился на глубоком дне Черного моря. Немцы злились, не однажды высказывая это вслух. Владимир Ильич потирал руки и посмеивался. Пусть немцы знают, что мы не шутим и что русский народ может пойти на любые жертвы, но все это до известного предела, который мы никогда не перейдем» [66].

Германская военщина продолжала враждебные действия против Советской республики, нарушала демаркационную линию, предъявляла все новые незаконные требования Советскому правительству. Явно провокационный и агрессивный характер носила посылка в конце июня 1918 г. германо-турецкой эскадры в Новороссийск. 28 июня германо-турецкая эскадра в составе линкора «Гебен», пяти эсминцев и двух тральщиков вошла в Новороссийскую бухту, причем «Гебен» встал

на якорь так близко к молам, что держал весь город под угрозой своих орудий. О ее прибытии немедленно было сообщено в Екатеринодар. 29 июня для переговоров с германским контр-адмиралом Ребейр-Пашвицем была направлена советская делегация в составе председателя Новороссийского Совета М. Лучина, представителей ЦИК Кубано-Черноморской республики Монахова и Лехно, а также представителя водного транспорта Г. Ачканова [67].

На запрос советской делегации о цели прихода в Новороссийск германской эскадры немецкий контр-адмирал ответил, что ему необходимо разрешить следующие вопросы: обмен военнопленными, выдача ему германских и австрийских судов, захваченных во время объявления войны, охрана интересов иностранных подданных, скорейшее открытие торгового мореплавания, а также снабжение эскадры топливом и провиантом [68]. Представители советской делегации резонно заявили, что обмен военнопленными имеет государственное значение и в соответствии с Брестским договором подлежит рассмотрению русско-германской комиссии, без директив которой не может быть решен. По вопросу о судах немцам было сказано, что они будут переданы на условиях взаимного обмена. Советские власти согласятся на открытие торгового мореплавания, когда будет гарантия, что советские суда не будут подвергаться захвату немцами или украинцами.

Германское командование в поисках какого-либо повода для оккупации Новороссийска предложило высадить свой отряд для охраны иностранных подданных, которые, как заявило оно, якобы подвергаются обыскам, арестам и безопасность которых советские власти якобы не могут гарантировать. Это предложение встретило решительный отпор советской делегации, которая заявила, что Советская власть безусловно гарантирует безопасность иностранных подданных и располагает для этого достаточными силами и авторитетом.

Немецкое командование вынуждено было отказаться от своего плана оккупации Новороссийска. Однако с помощью украинской националистической пропаганды, шантажа и угроз немцы добились все же увода из Новороссийска почти всех транспортов и пароходов. В Новороссийске остались лишь парусно-мотор-

ные суда, шхуны и только два крупных парохода — «Боржом» и «Трувор», но и их немцы требовали передать Германии. Получив горючее, провиант, произведя тщательное описание местоположения судов, затопленных на внешнем рейде Цемесской бухты, и фактически насильно захватив немецких военнопленных, германо-турецкая эскадра 30 июня 1918 г. покинула Новороссийск. В бухте остался только пришедший с эскадрой под германским флагом миноносец «Зоркий» под командованием русского белогвардейского офицера князя Ливена [69].

Но правительство Германии этим не ограничилось и предъявило Советскому правительству ряд новых требований. В ноте германского посла Мирбаха от 2 июля 1918 г. выражалось недовольство, что в Севастополь «прибыла лишь небольшая часть флота», и в связи с этим указывалось, что «обязательства, которые русское правительство взяло на себя относительно возвращения всех новороссийских судов, еще не могут быть рассматриваемы как исполненные». Кроме того, германское правительство требовало: «1) немедленной отправки судов, находящихся в гаванях Азовского моря, в Керчь. Эти суда были бы там или в Севастополе интернированы германским высшим командованием; 2) посещения гаваней Черного и Азовского морей судами Германии и ее союзников и отправки всех вооруженных судов, обнаруженных ими, в Севастополь» [70].

Таким образом, правительство кайзеровской Германии настойчиво проводило политику захвата судов советского флота на Черном и Азовском морях, чтобы еще больше ослабить военно-морские силы молодого Советского государства и усилить свое военное могущество. Но, испытывая серьезные экономические трудности, Германия вынуждена была пойти на установление торговых отношений с Советской Россией.

Советское правительство энергично протестовало против незаконных требований Германии, но, не имея сил для сокрушительного отпора германской агрессии, последовательно и неуклонно проводило политику мира, необходимую для сохранения и упрочения завоеванных позиций, экономического оздоровления страны и укрепления военной мощи и обороноспособности первого в мире государства рабочих и крестьян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Героический, поистине самоотверженный подвиг моряков-патриотов, руководимых коммунистами, потопивших по приказу В. И. Ленина эскадру боевых кораблей Черноморского флота, явился событием огромного революционного значения. Нужно было обладать высоким революционным сознанием, непреклонной волей, беспредельным мужеством, доблестью героя, чтобы затопить свои родные корабли. Борьба за предотвращение захвата Черноморского флота кайзеровской Германией стала боевой школой воспитания командиров и политработников регулярного Советского Военно-Морского и торгового флотов, таких, как В. А. Кукель, Е. С. Гернет, М. М. Богданов, С. М. Лепетенко, Б. М. Подвысоцкий, Р. Р. Левговд, П. И. Пашков, М. Ф. Долгов, Н. А. Кремлянский, Г. П. Ачканов, С. М. Кулик, А. Ф. Рудь, В. Ф. Гридин и др.

Выполнив приказ В. И. Ленина и свой революционный долг, около двух тысяч моряков-черноморцев, погрузив на платформы восемь быстроходных катеров, легкую артиллерию и другое вооружение, выехали из Новороссийска. Все катера и свыше 300 моряков остались в Царицыне, около тысячи матросов отправились в Нижний Новгород, где формировалась Волжско-Каспийская военная флотилия, возглавляемая Ф. Ф. Раскольниковым. 200 черноморцев уехали в Петроград на Балтийский флот, 100 — в Мурманск на Северный флот. Около 200 человек, главным образом эсеры и анархисты, вступили в отряд левого эсера Попова [1].

В годы гражданской войны моряки-черноморцы с затопленных кораблей героически сражались с белогвардейцами и интервентами на Волге и Днепре, на Каспийском и Балтийском морях, в Крыму и на Украине, с оружием в руках отстаивали великие завоевания Октября, родную Советскую власть.

Несколько сот матросов, оставшихся в Новороссийске, в конце августа 1918 г. влились в состав Таманской армии, проходившей через город. Вместе с ней моряки совершили легендарный поход на соединение

с основными силами советских войск на Северном Кавказе. Часть черноморцев, в том числе бывший главный комиссар Черноморского флота В. В. Роменец, В. А. и Т. А. Мазуренко, Докучаев, Компанеец, Круковский, Кулемза, Николаев и другие, ушли в горы, где вели борьбу с деникинцами.

Снятое с кораблей вооружение и боеприпасы уже в Новороссийске моряки начали передавать командирам частей Северо-Кавказской Красной Армии. Командир Ейского отряда И. Л. Хижняк получил шесть шести- и восьмидюймовых орудий, двенадцать пулеметов и несколько десятков винтовок и к ним боеприпасы. Бойцы 4-го Днепропетровского полка под командованием И. И. Матвеева, оборонявшего Таманский полуостров, перевезли из Новороссийска в Анапу несколько малокалиберных артиллерийских орудий и свыше десяти пулеметов, которые установили на катерах и рыбацких баркасах для охраны морского побережья [2]. По пути следования в Царицын черноморцы вооружали советские части, сражавшиеся против белогвардейцев.

В результате противодействия врагов революции директивы Советского правительства об эвакуации военного имущества и Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск и уничтожении Новороссийской эскадры полностью не были выполнены. Значительная часть судов и флотского имущества попала в руки немцев. Поэтому вопрос о Черноморском флоте рассматривался на заседании Совета Народных Комиссаров 26 июня 1918 г. под председательством В. И. Ленина. Заслушав доклад наркома по морским делам, Совнарком РСФСР — «ввиду того что вопрос об обстоятельствах, приведших к занятию Севастополя и захвату части флота и переводу другой части флота в Новороссийск, затем к возвращению нескольких судов в Севастополь и взрыву остальных судов, представляется невыясненным официальным порядком в весьма существенных своих частях; ввиду того что всестороннее выяснение этого вопроса представляется делом исключительной важности как с общеполитической точки зрения, так и с точки зрения непосредственной ответственности соответствующих учреждений и лиц» — постановил «назначить комиссию по расследованию вопроса о Черноморском флоте...» [3].

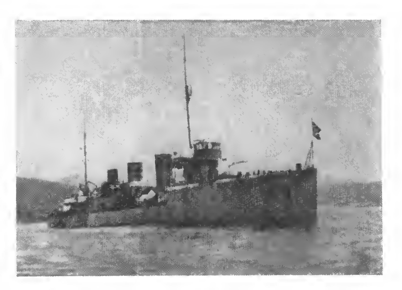
В архивах автору удалось обнаружить лишь отдельные, разрозненные документы, в которых есть упоминания об этой комиссии. Исследовавший в своей диссертации этот вопрос З. В. Гребельский опрашивал участников событий И. И. Вахрамеева и Н. К. Сапронова, но они заявили, что указанное постановление Совнаркома им не было известно, высказали предположение, что комиссия не была создана: помешали экстренные дела, надолго приковавшие к себе внимание партии и правительства, и в частности связанные с мятежом чехословацкого корпуса и наступлением интервентов на Архангельск [4]. Подтверждением данного предположения может служить и тот факт, что уже через несколько дней после приезда в Москву, 1 июля 1918 г., В. В. Вахрамеев был командирован в Архангельск для руководства организацией «морской обороны Архангельска и его района» [5].

Захваченные немцами советские суда Черноморского флота после разгрома Германии в ноябре 1918 г. попали в руки стран Антанты. В первые же дни после оккупации Севастополя интервентами англичане укомплектовали своими командами наиболее боеспособные советские корабли — линкор «Воля», эсминцы «Беспокойный», «Дерзкий», «Звонкий», «Капитан Сакен», «Счастливый» — и отправили их в порт Измир в Мраморное море. Часть судов захватили французы. Ряд кораблей, главным образом мелких, интервенты передали деникинцам. Когда в результате успешного наступления на юге Украины советские войска в апреле 1919 г. вступили в Крым, интервенты и белогвардейцы спешно эвакуировали из Севастополя в Константинополь и Новороссийск значительную часть кораблей Черноморского флота. В Севастополе остались лишь те военные корабли, которые невозможно было увести. 25 апреля 1919 г. по приказу английского военно-морского командования на оставшихся в Севастополе старых линкорах «Борец за свободу» («Потемкин»), «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Ростислав», «Синоп», крейсере «Память Меркурия», эсминцах «Быстрый», «Завидный», трех номерных миноносцах и транспорте «Березань» были взорваны машины. 26 апреля англичане вывели на внешний рейд Севастопольской бухты, подорвали и затопили подводные лодки «Гагара», «Карп», «Кашалот», «Краб», «Кит»,

«Лосось», «Налим», «Нарвал», «Орлан», «Скат», «Судак» и «АГ-21». Французские интервенты в это время разгромили авиабазу и уничтожили все русские гидропланы в бухте Нахимова [6]. Они же увели в Константинополь вспомогательный крейсер «Алмаз».

В связи с ростом революционных настроений среди оккупационных войск и восстанием французских моряков на Черном море весной 1919 г. интервенты вынуждены были вывести свои войска из ряда районов Советской России. Свои главные надежды на уничтожение Советской власти империалисты теперь возлагали на силы внутренней контрреволюции, которой оказывали широкую военную помощь. В августе — октябре 1919 г. были возвращены в Севастополь уведенные англичанами военные корабли Черноморского флота. Все оставшиеся суда Черноморского флота интервенты передали генералу Деникину, а после его разгрома — барону Врангелю. Наличие боевых кораблей Черноморского флота усилило сопротивление белогвардейцев частям Красной Армии на юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе. После разгрома белогвардейских банд в Крыму Врангель и французские интервенты увели эти корабли во французский порт Бизерту, где они и закончили свой бесславный путь.

В 20—30-х годах семь кораблей, затопленных по приказу В. И. Ленина 18 июня 1918 г., были подняты со дна Цемесской бухты. Эскадренный миноносец «Калиакрия» и транспорт «Эльбрус» после ремонта вошли в состав Черноморского флота под названиями «Дзержинский» и «Куйбышев». Вступил в строй боевых кораблей под названием «Фрунзе» эсминец «Быстрый», подорванный интервентами в Севастополе в апреле 1919 г. Кроме того, были достроены и пополнили Черноморский флот три эскадренных миноносца, захваченных немцами на судоверфях Николаева: «Незаможник» («Занте»), «Шаумян» («Левкас») и «Петровский», впоследствии «Железняков» («Корфу») [7]. Все эти пять эскадренных миноносцев типа «Новик» принимали активное участие в боях против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Остальные поднятые со дна моря корабли были разобраны. Тысячи тонн металла были использованы в народном хозяйстве страны, осуществлявшей ленинский план социалистической индустриализации.

Эскадренный миноносец «Фрунзе» («Быстрый»)

В 1964 г. был поднят эсминец «Фидониси», а в 1965 г. — «Пронзительный». До настоящего времени не подняты линкор «Свободная Россия» и эсминец «Громкий».

Таким образом, последующие события со всей очевидностью подтвердили правильность, целесообразность, дальновидность и мудрость решения В. И. Ленина, Коммунистической партии и Советского правительства о потоплении кораблей Черноморского флота, чтобы они не попали в руки кайзеровской Германии. Нет сомнения, что эвакуация всех судов из Севастополя и уничтожение их в Новороссийске избавили бы Советскую республику, наш народ от многих бедствий и жертв, ускорили бы разгром контрреволюционных сил и установление Советской власти на Северном Кавказе, юге Украины и в Крыму. На этом историческом фоне особенно ярко вырисовывается величие и драматизм героического подвига моряков-черноморцев, руководимых Коммунистической партией, с честью выполнивших приказ В. И. Ленина, свой революционный долг. «Героизм и самоотверженность воинов революции,— говорил Л. И. Брежнев в докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма»,— их готовность пойти

Корма эсмиица «Фидониси», поднятого
со дна Цемесской бухты в октябре 1964 г.

Корма эсмиица «Фидоииси», поднятого со диа Цемесской
бухты в октябре 1964 г. Фрагмеит

на самопожертвование, перенести любые лишения ради победы и сегодня восхищают мир... Традиции самоотверженной борьбы за социалистическую Родину, возникшие в годы гражданской войны, навсегда останутся для нас, наследников Октября, неиссякаемым источником мужества и стойкости, воли к победе»[8].

Славные боевые традиции моряков-черноморцев с новой силой ожили в суровые годы Великой Отечественной войны. Помогая Красной Армии громить врага, черноморцы прикрывали от ударов противника ее стратегические фланги, упиравшиеся в море, обеспечивали безопасность морских сообщений, наносили удары по коммуникациям противника и приморским флангам его сухопутных войск. Навсегда останутся в памяти народной доблесть и мужество черноморцев, проявленные ими в защите и освобождении городов-героев Одессы, Севастополя, Новороссийска и Керчи, в великой битве за Кавказ и Крым.

Одно из крупнейших и ожесточенных сражений с фашистскими захватчиками развернулось у стен Новороссийска. Летом 1942 г. гитлеровское командование, стремясь овладеть кавказской нефтью, хлебом Дона и Кубани, бросило на Новороссийское направление группировку отборных дивизий. На защиту города вместе с воинами Северо-Кавказского фронта встали и черноморские моряки. Врагу не удалось полностью овладеть Новороссийском: фашисты были остановлены на рубеже цементных заводов. В февральскую ночь 1943 г. на южный берег Цемесской бухты высадился отряд морской пехоты под командованием майора Ц. Л. Куникова. В тылу врага был создан плацдарм, вошедший в историю Великой Отечественной войны под названием «Малая земля». 225 дней шли тяжелые кровопролитные бои на этом клочке земли. Малая земля приковала к себе крупные силы врага и сыграла важную роль в полном разгроме группировки войск противника.

Как и в годы гражданской войны, душой и боевым организатором этого исторического сражения была Коммунистическая партия. Ее верные и преданные сыны — коммунисты показывали пример беззаветной отваги, высокой организованности и дисциплины. Партийно-политической работой в 18-й десантной армии, покрывшей себя легендарной славой в боях за

Новороссийск, руководил начальник политотдела полковник Леонид Ильич Брежнев. Воины видели его там, где обстановка была наиболее сложной, где бои достигали самого высокого накала. Словом и делом, личной храбростью и железным хладнокровием, глубокой идейной убежденностью и высокой партийностью он вдохновлял бойцов на героические подвиги.

Советские люди с огромным интересом читают и изучают воспоминания Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева «Малая земля», в которых ярко и взволнованно рассказано о бессмертной стойкости, героизме и мужестве десантников, об авангардной роли коммунистов в боях за Новороссийск.

Родина достойно оценила подвиг Новороссийска — ему присвоено почетное звание города-героя с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», он награжден также орденом Отечественной войны I степени. Ныне Новороссийск — один из крупных морских портов и промышленных центров страны. Его оснащенные передовой современной техникой предприятия в несколько раз превысили довоенный уровень промышленного производства. Трудящиеся города-героя свято хранят и преумножают славные революционные и боевые традиции, настойчиво борются за досрочное выполнение планов партии и народа.

В годы мирного строительства Советский Военно-Морской Флот зорко стоит на страже морских рубежей Отчизны и готов выполнить любой приказ Коммунистической партии и Советского правительства. «Все эти годы,— говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев,— партия уделяла должное внимание укреплению обороноспособности нашей страны и совершенствованию Вооруженных Сил. Мы можем доложить съезду, что в этой области нами сделано немало. Улучшилось оснащение Вооруженных Сил современным оружием и боевой техникой, повысились качество боевой подготовки и идейная закалка личного состава. В общем... советский народ может быть уверен, что плоды его созидательного труда находятся под надежной защитой» [9].

Прошли годы, но советский народ не забыл самоотверженного подвига черноморских моряков, совершенного в сложных условиях гражданской войны и

иностранной военной интервенции. В честь революционной эпопеи — потопления эскадры кораблей Черноморского флота в июне 1918 г., в память тех, кто с честью выполнил приказ В. И. Ленина, на 12-м километре Сухумского шоссе над Цемесской бухтой создается величественный ансамбль-монумент, призванный увековечить преданность Октябрьской революции моряков-черноморцев. На смотровой площадке, обращенной к бухте, воздвигается 12-метровая гранитная скульптура коленопреклоненного скорбящего моряка. А в море, в двухстах метрах от берега, устанавливается мачта-обелиск; на ней флаги расцвечивания из металла, покрытого цветной эмалью, будут передавать исторический сигнал, поднятый уходящими в морскую пучину кораблями: «Погибаю, но не сдаюсь» — как постоянное напоминание всем нам и нашим потомкам о священном долге перед Родиной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ (с. 3—15)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 133.

[2] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (Ноябрь 1917—1920 г.). Сб. док. Киев, 1963, с. 147—148.

[3] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 125.

[4] Записка В. А. Кукеля частично опубликована в сборнике документов и материалов «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине» (Киев, 1963). Полный ее текст хранится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (далее — ЦГА ВМФ), ф. 29, оп. 1, д. 177, л. 1—9.

[5] Морской сборник, 1928, № 6.

[6] Морской флот, 1923, № 3.

[7] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах, т. III. М., 1925.

[8] *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941, с. 161.

[9] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 133.

[10] Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК), ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 22.

[11] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 18, л. 129.

[12] Морской сборник, 1928, № 6, с. 117.

[13] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 311а, л. 24.

[14] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II. Симферополь, 1957, с. 77.

[15] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 89, 96, 97, 104, 106.

[16] История города-героя Севастополя. 1917—1957 гг. Киев, 1958, с. 30.

[17] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. I. М., 1957, с. 44.

[18] История города-героя Севастополя. 1917—1957 гг., с. 34.

[19] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II. М., 1957, с. 3; Советский флот, 27 февраля 1959 г.

[20] *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры». М., 1962, с. 123.

[21] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 9, М., 1972, с. 289.

Глава I. **ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

1. Большевистская партия в борьбе за массы матросов Черноморского флота в период подготовки Октября (с. 16—41)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 84.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 24.

[4] *Найда С.* Борьба революционных моряков русского флота за победу социалистической революции. — Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958, с. 42.

[5] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (Ноябрь 1917—1920 г.). Сб. док. Киев, 1963, с. 5.

[6] *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма. — История СССР, 1968, № 5, с. 49.

[7] Цит. по: Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 6.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 337.

[9] История города-героя Севастополя. Киев, 1960, с. 226.

[10] Там же, с. 336.

[11] Цит. по: *Хесин С. С.* Матросы революции. М., 1958, с. 150.

[12] *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма. — История СССР, 1968, № 5, с. 52, 54.

[13] Там же, с. 55.

[14] *Гречанюк Н., Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957, с. 7.

[15] Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Февральская революция. М.—Л., 1925, с. 238.

[16] ЦГА ВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 203, л. 24.

[17] ЦГА ВМФ, ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 1. Сообщение члена Государственной думы И. Тулякова об организации Центрального военно-исполнительного комитета.

[18] *Гавен Ю.* Октябрь в Крыму. — Революция в Крыму. Сб. № 1. Симферополь, 1922, с. 7.

[19] *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РКП(б). — Революция в Крыму. Сб. № 2. Симферополь, 1923, с. 8.

[20] ЦГА ВМФ, ф. 181, оп. 1, д. 26, л. 27. Список кандидатов в Учредительное собрание по Черноморскому флотскому округу.

[21] *Гречанюк Н., Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов, с. 28; *Семин Г. И.* Севастополь. М., 1955, с. 330.

[22] Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции, с. 479, 506.

[23] Там же, с. 479, 482.

[24] *Чирва И.* Крым революционный. Киев, 1963, с. 8; Правда (№ 35), 18 апреля 1917 г.

[25] Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции, с. 480, 483; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М., 1931, с. 29.

[26] *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РКП(б). — Революция в Крыму. Сб. № 2, с. 7; *Цецорин А. А.* Большевики Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 — январь 1918 г.). Рук. дисс., с. 80. ГБЛ; Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции, с. 479.

[27] *Чирва И.* Крым революционный, с. 8.

[28] Ленин и Красный флот. РИО Морского ведомства. Л., 1924, с. 55.

[29] *Семин Г., Никитина А.* Посланцы Ленина. Симферополь, 1967, с. 10.

[30] Борьба за Советскую власть в Крыму (Март 1917 — апрель 1918 г.). Док. и матер., т. 1. Симферополь, 1957, с. 33.

[31] ЦГА ВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 256, л. 9. Резолюция делегатского собрания от 6 июня 1917 г.

[32] ЦГА ВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 203, л. 53; д. 256, л. 9.

[33] *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РКП(б). — Революция в Крыму. Сб. № 2, с. 8.

[34] Борьба за Советскую власть в Крыму, т. 1, с. 36.

[35] Там же, с. 39.

[36] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 1. М., 1970, с. 488; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958, с. 36.

[37] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., с. 77.

[38] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.). Сб. док., т. I. М., 1957, с. 210—211, 234.

[39] Борьба за Советскую власть в Крыму, т. 1, с. 45; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 576.

[40] Борьба за Советскую власть в Крыму, т. 1, с. 57.

[41] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 32, л. 4; Черноморцы в Октябрьской революции. — Морской сборник, 1933, № 11, с. 105.

[42] *Гавен Ю.* Октябрь в Крыму. — Революция в Крыму. Сб. № 1, с. 5.

[43] ЦГА ВМФ, ф. 181, оп. 1, д. 17, л. 393; ф. 95, оп. 1, д. 144, л. 80.

2. Борьба моряков Черноморского флота за установление Советской власти в Севастополе (с. 41—53)

[1] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 46, л. 68.

[2] ЦГА ВМФ, ф. 181, оп. 1, д. 17, л. 425.

[3] ЦГА ВМФ, ф. 29, оп. 1, д. 256, л. 51. Сообщение исполкома Севастопольского Совета от 26 октября 1917 г.

[4] Пролетарская революция, 1927, № 8—9, с. 166.

[5] *Платонов А.* Кануи Октября и Октябрьская революция на Юге. — Морской сборник, 1924, № 10, с. 23—24; ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 2, л. 18; Морской сборник, 1933, № 11, с. 107.

[6] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). Сб. док., т. II. М., 1957, с. 252, 40.

[7] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 46, л. 60; ф. 181, оп. 1, д. 46, л. 93.

[8] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 38, л. 1.

[9] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 33, 34.

[10] Там же, с. 31—32.

[11] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 14 об.

[12] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 38.

[13] *Измайлов Н. Ф., Пухов А. С.* Центробалт. М., 1963, с. 172.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 112, 114, 115.

[15] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 8—10.

[16] *Кириенко Ю. К.* Красная флотилия. М., 1965, с. 18—20.

[17] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 1а, л. 20а об.

[18] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 49—50.

[19] Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 160.

[20] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 582; ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 18, л. 2.

[21] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 52.
[22] Революция в Крыму. Сб. № 1, с. 71.
[23] Там же.
[24] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II. Симферополь, 1957, с. 287.

3. Моряки-черноморцы в боях за установление Советской власти на юге страны (с. 53—66)

[1] ЦГА ВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 4, 11.
[2] Там же, л. 10—11.
[3] Там же, л. 11; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 63, 64.
[4] ЦГА ВМФ, ф. 182, оп. 1, д. 1, л. 17—18; ф. 183, оп. 1, д. 24, л. 41.
[5] ЦГА ВМФ, ф. 182, оп. 1, д. 1, л. 42.
[6] Там же, л. 120.
[7] *Волошинов Л.* Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь, 1960, с. 99.
[8] *Болгари П., Зоткин Н.* и *др.* Черноморский флот. Исторический очерк. М., 1967, с. 98; *Поликарпов В.* Бурям навстречу. Симферополь, 1961, с. 67—70.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 143.
[10] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 24, л. 58.
[11] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 56.
[12] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 22, л. 329.
[13] *Любчиков М., Болгари П.* Моряки-черноморцы в борьбе за Советскую власть. М., 1957, с. 42.
[14] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 1а, л. 19 об.; д. 34, л. 13—15 об.
[15] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 18, л. 15.
[16] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 — фераль 1918 г.), т. II, с. 167—168.
[17] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 593; *Болгари П., Зоткин Н.* и *др.* Черноморский флот, с. 104.

Глава II. БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА СОХРАНЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В СВЯЗИ С ОККУПАЦИЕЙ УКРАИНЫ И КРЫМА ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ

1. Политическая обстановка в Севастополе и на флоте в феврале — апреле 1918 г. (с. 67—87)

[1] Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 434—435.
[2] Революция в Крыму. Сб. № 7. Симферополь, 1927, с. 267; ЦГА ВМФ, ф. 329, оп. 1, д. 27, л. 1; ф. 183, оп. 1, д. 37, л. 65.
[3] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 37, л. 70.
[4] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (Ноябрь 1917—1920 г.). Киев, 1963, с. 95.
[5] Там же, с. 96.

[6] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 80.
[7] Хроника революционных событий в Крыму за 1917—1918 гг. — Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 277—278.
[8] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 47.
[9] Исторический архив, 1961, № 6, с. 183.
[10] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 43; ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 55; Революция в Крыму. Сб. № 4. Симферополь, 1924, с. 101.
[11] Революция в Крыму. Сб. № 2. Симферополь, 1923, с. 34.
[12] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 51, 84.
[13] Там же, л. 81, 101.
[14] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 18, л. 151.
[15] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд. М., 1931, с. 151—152.
[16] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 88.
[17] *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму. — Революция в Крыму. Сб. № 2, с. 53; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 149; ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 88.
[18] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 88.
[19] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 153.
[20] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II. Симферополь, 1957, с. 77; История города-героя Севастополя. Киев, 1960, с. 71.
[21] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 88.
[22] Там же, л. 88, 89.
[23] Там же, л. 96.
[24] Там же, л. 104.
[25] Там же, л. 106, 76.
[26] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.), т. I. Сб. док. М., 1957, с. 292, 343.
[27] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II, с. 68; Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 269.
[28] Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 269.
[29] Там же.
[30] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 6.
[31] Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 276.
[32] *Ремпель Л. И.* Красная гвардия в Крыму. Симферополь, 1931, с. 123.
[33] ЦГА ВМФ, ф. 58, оп. 2, д. 359, л. 269, 276—277.
[34] *Ремпель Л. И.* Красная гвардия в Крыму, с. 224, 225.
[35] Там же, с. 225.
[36] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 363, 366.
[37] Там же, л. 379, 380.
[38] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 117, 118, 598.
[39] ЦГА ВМФ, ф. 58, оп. 1, д. 359, л. 276—277об., 289.
[40] ЦГА ВМФ, ф. 58, оп. 2, д. 359, л. 281; ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 398.
[41] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 41, л. 3.
[42] Там же, л. 4.
[43] Там же, л. 4—6.
[44] Там же, л. 6.

[45] Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 123; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 274.

2. Мероприятия Советского правительства по эвакуации Черноморского флота из Севастополя (с. 87—111)

[1] *Кровяков Н. С.* «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. М., 1955, с. 38—39; История СССР с древиейших времеи до наших дней в 2-х сериях в 12 томах, 2-я серия, т. VII. М., 1967, с. 349 (далее — История СССР.., т. VII).

[2] Документы виешней политики СССР, т. 1. М., 1959, с. 121, 122.

[3] *Людендорф Э.* Мои воспомииаиия о войие 1914—1918 гг., т. 2. М., 1924, с. 137.

[4] Аикета делегата VII съезда РСДРП(б). — Исторический архив, 1958, № 4, с. 31.

[5] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 16, л. 13.

[6] *Коновалов В.* Подвиг «Алмаза». Одесса, 1963, с. 234.

[7] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 30, л. 99, 101.

[8] Там же, л. 100.

[9] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине, с. 596.

[10] *Коновалов В.* Подвиг «Алмаза», с. 240—241.

[11] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 102.

[12] Октябрь на Одесщиие. Сб. статей и воспоминаний. Одесса, 1957, с. 35.

[13] *Коновалов В.* Подвиг «Алмаза», с. 237—238.

[14] Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 105.

[15] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 30, л. 143, 146; д. 28, л. 400.

[16] История СССР.., т. VII, с. 350; Докумеиты виешией политики СССР, т. 1, с. 214.

[17] История СССР.., т. VII, с. 351.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 49.

[19] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 107.

[20] Там же, с. 102; ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 3, д. 12, л. 24, 26, 27; ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 40, 30.

[21] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 41.

[22] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 2, д. 202, л. 2; д. 201, л. 53.

[23] Документы виешией политики СССР, т. 1, с. 240.

[24] ЦГА ВМФ, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 5.

[25] *Поликарпов В.* Бурям навстречу. Симферополь, 1961, с. 72.

[26] *Болгари П., Зоткин Н.* и *др.* Черноморский флот. Исторический очерк. М., 1967, с. 105.

[27] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 21, л. 37.

[28] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспомииания. М., 1958, с. 271.

[29] ЦГА ВМФ, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 7.

[30] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 10, 11.

[31] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине, с. 113.

[32] *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1918 гг. 2-е изд. М., 1932, с. 179—180.

[33] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II, с. 95.

[34] Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 113.

[35] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 54, 55.

[36] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 115.
[37] Там же, с. 114—115.
[38] ЦГА ВМФ, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 4—5.
[39] Там же, л. 4.
[40] ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 43—43об.
[41] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 130, оп. 2, д. 132, л. 18.
[42] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 35.
[43] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 6.
[44] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 16, л. 22—25.
[45] Там же, л. 28, 4.
[46] Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 606.
[47] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 41, л. 1.

3. Попытка Германии захватить корабли Черноморского флота при содействии украинской Центральной рады (с. 112—154)

[1] Хроника революционных событий в Крыму за 1917—1918 гг. — Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 279—282.
[2] Там же, с. 277—280.
[3] Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957, с. 161; *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры». М., 1962, с. 111.
[4] *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры», с. 111; Революция в Крыму. Сб. № 7, с. 280.
[5] *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма, ч. II, с. 86, 87.
[6] Крах германской оккупации на Украине. М., 1936, с. 31; *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем. М., 1938, с. 440.
[7] *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры», с. 114.
[8] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 21, л. 36; *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг., с. 440.
[9] ЦГА ВМФ, ф. 58, оп. 2, д. 359, л. 181 об. — 182; Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 242—243.
[10] *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг., с. 441; ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 431.
[11] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 426—427.
[12] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 248.
[13] Там же, с. 247.
[14] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 98.
[15] Там же, л. 86.
[16] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 6—17.
[17] Там же, л. 12; Борьба за Советскую власть в Крыму (Март 1917 — апрель 1918 г.). Док. и матер., т. 1. Симферополь, 1957, с. 264.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 50.
[19] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 2-е изд., с. 198.
[20] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 119—121.
[21] Там же, с. 598; ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 90.
[22] Там же, л. 35.

[23] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 66.
[24] Там же, л. 64.
[25] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 2-е изд., с. 193.
[26] Там же, с. 196.
[27] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 66.
[28] ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 68, 69, 71.
[29] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 67; Партийный архив Краснодарского края (далее — ПАКК), ф. 2830, оп. 1, д. 290, л. 8—9. Воспомииаиия П. З. Марчеико.
[30] ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 68; Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 124.
[31] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украиие, с. 126.
[32] *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1913 гг. 2-е изд., с. 186.
[33] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 126—127, 559; Революция в Крыму. Сб. № 2, с. 136.
[34] ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 274, л. 41.
[35] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 125.
[36] Там же.
[37] Там же, с. 598—599.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 111, л. 98. Письмо Н. И. Островской в ЦК РКП(б) от 8 мая 1918 г.
[39] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 67; ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 71.
[40] ЦГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 27, л. 477.
[41] ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 74об.
[42] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 103—104.
[43] Там же, л. 5—6.
[44] Там же, л. 107, 108.
[45] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 202, л. 49.
[46] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 105.
[47] ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 2, л. 146; д. 50, л. 76.
[48] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд. с. 224.
[49] Там же, с. 221; ЦГА ВМФ, ф. 397, оп. 1, д. 50, л. 76об., 77.
[50] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 127, 128.
[51] Пролетарская революция, 1925, № 2, с. 183—184.
[52] *Болгари П., Зоткин Н.* и *др.* Черноморский флот, с. 107.
[53] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 224—225.
[54] Пролетарская революция, 1925, № 2, с. 181; Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине, с. 128.
[55] Пролетарская революция, 1925, № 2, с. 181; Революция в Крыму. Сб. № 3. Симферополь, 1924, с. 190—191.
[56] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 225.
[57] Филиал ГАКК в г. Новороссийске, ф. 132, д. 17, л. 4. Воспоминания В. Ф. Гридииа; д. 18. Воспоминания Б. М. Подвысоцкого.
[58] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 128; Морской сборник, 1938, № 6, с. 70.
[59] Рукописный фонд Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-732. *Гамов Н. Д.* О потоплении Черноморского флота.

[60] *Марченко П. З.* Как погиб Чериоморский флот. — Красиое Черноморье (№ 138), 19 июия 1927 г.

[61] Пролетарская революция, 1925, № 2, с. 182.

[62] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украиие, с. 128.

[63] Борьба большевиков за власть Советов в Крыму, с. 165.

[64] Докумеиты виешией политики СССР, т. 1, с. 254, 275.

[65] *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 229.

[66] *Лорей Г.* Операции гермаио-турецких морских сил в 1914—1918 гг., с. 442.

[67] *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 230.

[68] *Граф Г. К.* На «Новике». Мюихеи, 1922, с. 397; Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 129.

[69] *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 231—232.

[70] Рукописиый фоид Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-732. *Гамов Н. Д.* О потоплеиии Чериоморского флота.

[71] Гражданская война. Боевые действия на морях, речиых и озериых системах, т. III. М., 1925, с. 27—28; Пролетарская революция, 1925, № 2, с. 185.

[72] *Ачканов Г.* Очерки Февральской и Октябрьской революции в Одессе. Одесса, 1927, с. 51, 52; *Жуков В. К.* Чериоморский флот в революции 1917—1918 гг. 2-е изд., с. 191.

[73] *Граф Г. К.* На «Новике», с. 397; *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг., с. 443.

Глава III. **МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЗАХВАТА СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В НОВОРОССИЙСКЕ**

1. Корабли Черноморского флота в Новороссийске (с. 155—176)

[1] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд. М., 1931, с. 235.

[2] Утверждения Р. Н. Мордвииова (Курсом «Авроры». М., 1962, с. 117), И. Е. Кузьмииа (Юность боевая. Воспомииаиия участников гражданской войны. Л., 1961, с. 448) и некоторых других авторов о торжествениой встрече флотилии Чериоморского флота новороссийцами 1 мая 1918 г. не соответствуют действительности.

[3] Филиал ГАКК в г. Новороссийске, ф. 132, д. 18, л. 26.

[4] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 235.

[5] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украиие (Ноябрь 1917—1920 г.). Сб. док. Киев, 1963, с. 133—134.

[6] Там же.

[7] Там же, с. 136.

[8] *Кукель В.* Потопление Чериоморского флота в июне 1918 г.— Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 156.

[9] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 194.
[10] Красиая газета (№ 3), 17 мая 1918 г.
[11] *Кукель В.* Потоплеиие Черноморского флота в июне 1918 г. — Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 157.
[12] *Лепетенко С. М.* Потопление Черноморского флота в 1918 г. — Морской сбориик, 1928, № 6, с. 103.
[13] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 238.
[14] Там же, с. 239—240.
[15] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 111, л. 98; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местиыми партийиыми организациями, т. III. М., 1967, с. 283—284.
[16] Красная газета (№ 1), 15 мая 1918 г.
[17] Октябрь на Кубани и Черноморье.— Буревестник. Сб. Краснодар, 1924, с. 132.
[18] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 111, л. 98—99; ПАКК, ф. 2830, оп. 1, д. 290, л. 26.
[19] ГАКК, ф. 1359, оп. 1, д. 13, л. 108, 107.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 111, л. 98—99.
[21] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 125.
[22] Там же, л. 264.
[23] Там же, л. 187.
[24] Красная газета (№ 10), 25 мая 1918 г.
[25] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 137; ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 196.
[26] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 36, с. 323, 324.
[27] *Гофман М.* Записки и дневиики. 1914—1918. Пер. с ием. Л., 1929, с. 244; *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и нижией Волге в 1918—1920 гг. М., 1961, с. 32.
[28] Хроника исторических событий иа Доиу, Кубани и Черноморье, вып. II. Март 1918 — апрель 1920 г. Ростов-иа-Дону, 1941, с. 53; *Горлов В. П.* Героический поход. Военно-исторический очерк о героическом боевом пути Таманской армии. 2-е изд. М., 1967, с. 41.
[29] *Горлов В. П.* Героический поход, с. 41; *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и нижней Волге в 1918—1920 гг., с. 28.
[30] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 111; *Лепетенко С. М.* Потопление Черноморского флота в 1918 г. — Морской сборник, 1928, № 6, с. 101.
[31] Борьба за власть Советов в Абхазии. Сб. док. и матер. Сухуми, 1957, с. 73.
[32] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 36—37.
[33] Докумеиты виешией политики СССР, т. 1. М., 1959, с. 285.
[34] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 124; Архив русской революции, т. XIV, с. 188, 184.
[35] Ленинский сборник XXXVI, с. 42; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 76.
[36] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 717.
[37] Там же, с. 306—307.
[38] История гражданской войны в СССР, т. 3. М., 1957, с. 141.

2. Усилия советской дипломатии путем переговоров с Германией спасти базировавшиеся в Новороссийске суда (с. 176—213)

[1] Документы виешней политики СССР, т. 1, с. 296; Красная газета (№ 2), 16 мая 1918 г.
[2] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 36, с. 320.
[3] Там же, с. 321.
[4] Документы виешией политики СССР, т. 1, с. 295—296.
[5] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 50, с. 81.
[6] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 116.
[7] Там же, л. 122, 176, 185; Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине, с. 134.
[8] Докумеиты виешней политики СССР, т. 1, с. 319—321.
[9] Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине, с. 132.
[10] Там же, с. 133—135; ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 178.
[11] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 136.
[12] Там же, с. 134; *Кукель В.* Потоплеиие Черноморского флота в июие 1918 г. — Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 159.
[13] *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 39.
[14] *Бонч-Бруевич В.* Владимир Ильич Леиии и Военио-Морской Флот. — Воеиио-исторический журиал, 1964, № 4, с. 10.
[15] Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 137—139.
[16] Там же, с. 139—140.
[17] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.. т. 50, с. 81.
[18] Владимир Ильич Леиин. Биографическая хроиика, т. 5. М., 1974, с. 490—491.
[19] Моряки в борьбе за власть Советов на Украиие, с. 141—142.
[20] ЦГА ВМФ, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 99—100. Подлиииик.
[21] Документы виешней политики СССР, т. 1, с. 331.
[22] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 16.
[23] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 209.
[24] Красная газета (№ 21), 7 июня 1918 г.
[25] Там же.
[26] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 206.
[27] Там же, л. 211.
[28] Там же, л. 208.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 11, л. 98; *Кукель В.* Потоплеиие Чериоморского флота в июие 1918 г. — Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 156—157.
[30] Красная газета, 26 мая 1918 г.
[31] Рукописный фонд Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-315. *Бойко Н. Г.* О потоплеиии миноносца «Громкий» 18 июня 1918 г.
[32] Советский флот, 7 марта 1958 г.
[33] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е изд., с. 261.
[34] Документы внешией политики СССР, т. 1, с. 351.
[35] Там же, с. 353.
[36] *Бонч-Бруевич В.* Владимир Ильич Леиии и Военно-Морской флот. — Воеиио-исторический журиал, 1964, № 4, с. 10.
[37] Владимир Ильич Леиии. Биографическая хроиика, т. 5, с. 526.

[38] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 144.

[39] Описанне делегатского собрания 11 июня 1918 г. см.: *Кукель В. А.* Правда о гнбели Черноморского флота 18 июня 1918 г. РИО Морского ведомства. Пг., 1923, с. 30—31.

[40] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 3. Протокол зкстренного заседания Новороссийского окружного Совета от 12 июня 1918 г.

В. К. Жуков в работе «Черноморский флот в революцин 1917—1918 гг.» (М., 1931, с. 255) приводнт следующне даиные: «за» — 76, «против» — 20 при 8 воздержавшихся.

[41] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 1-е нзд., с. 265—266; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 151—152.

[42] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 602.

[43] Там же, с. 147; *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 12, 18.

[44] Рукописный фонд Новороссийского нсторико-краеведческого музея, НА-315. *Бойко Н. Г.* О потоплении мнноносца «Громкий» 18 июня 1918 г.

[45] Приморский край (№ 32), 16 июня 1918 г.; ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 3. Протокол заседания Новороссийского Совета от 2 июня 1918 г.

[46] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 3.

[47] Там же, л. 5. Протокол экстренного заседания Новороссийского окружного Совета от 12 июня 1918 г.

[48] Там же.

[49] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 204, л. 16.

[50] Филиал ГАКК в г. Новороссийске, ф. 132, д. 17, л. 57.

[51] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 3; д. 212, л. 113.

[52] Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, с. 637; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 583, л. 267а. Телеграмма И. В. Сталина из Царицыиа в Москву В. И. Леннну от 17 июня 1918 г.

[53] Морской сборник, 1928, № 6, с. 111.

[54] Рукописный фоид Новороссийского нсторико-краеведческого музея, НА-315. *Бойко Н. Г.* О потопленни миноносца «Громкий» 18 июня 1918 г.

[55] ПАКК, ф. 2830, оп. 1, д. 890, л. 18; ГАКК, ф. 411, оп. 1, д. 306, л. 60; Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 25896, оп. 1, д. 50, л. 151.

[56] См. Советский флот, 7 мзрта 1958 г., а также воспоминания Н. Д. Гамова, Е. Т. Деркача, Б. М. Подвысоцкого, В. А. Кукеля и др. (Филиал ГАКК в г. Новороссийске, ф. 132, д. 17, 18).

[57] Рукопнсиый фонд Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-732. *Гамов Н. Д.* О потоплении Черноморского флота.

[58] *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 13.

[59] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 145.

[60] Документы внешней политикн СССР, т. 1, с. 360.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 94—95.

[62] Декреты Советской властн, т. II, с. 612; ЦГАСА, ф. 25896, оп. 1, д. 50, л. 190, 192.

[63] Декреты Советской власти, т. II, с. 612—615.

[64] ЦГАСА, ф. 25896, оп. 1, д. 50, л. 89.

3. Борьба Советского правительства за потопление Черноморского флота в Цемесской бухте
(с. 213—248)

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 345, л. 3, 5.
[2] Исторический архив, 1960, № 2, с. 39—40.
[3] Ленинский сборник XXXVII, с. 88.
[4] ЦГАСА, ф. 25896, оп. 1, д. 46, л. 77. В журнале «Пролетарская революция» (1936, № 7, с. 86) телеграмма ошибочно датируется 15 июня 1918 г.
[5] *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 15, 16.
[6] ПАКК, ф. 2830, оп. 1, д. 204, л. 60.
[7] ЦГА ВМФ, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 129, 140.
[8] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 10, 11.
[9] Декреты Советской власти, т. II, с. 617—618.
[10] Ленинский сборник XXXVII, с. 90.
[11] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 583, л. 267а.
[12] Владимир Ильич Ленин. Биохроника, т. 5, с. 538—539.
[13] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 6.
[14] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 153—154.
[15] Там же.
[16] *Лукин В.* Черное море в руках Германии. — Гражданская война, т. III. М., 1925, с. 18.
[17] Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 162.
[18] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 154.
[19] *Лепетенко С. М.* Потопление Черноморского флота в 1918 г. — Морской сборник, 1928, № 6, с. 113.
[20] ЦГА ВМФ, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 129; *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем. М., 1938, с. 445.
[21] Советский моряк, 1958, № 22, с. 15.
[22] Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 162—163.
[23] Там же, с. 163.
[24] Морской сборник, 1928, № 6, с. 114.
[25] Там же.
[26] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 155.
[27] Приморский край (№ 34), 19 июня 1918 г.; Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 165.
[28] Голос труда (№ 40), 20 июня 1918 г.
[29] Приморский край (№ 34), 19 июня 1918 г.
[30] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 155.
[31] Там же.
[32] ЦГА ВМФ, ф. 432, д. 201, л. 216.
[33] *Лукин В.* Уничтожение части судов Черноморского флота в Новороссийске в июне 1918 г. — Красный флот, 1923, № 3, с. 154.
[34] *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 20.

Утверждение В. П. Горлова: «Было решено суда рассредоточить на траверзе Дообского маяка, а эскадренному миноносцу «Керчь» — торпедировать поочередно все корабли» (*Горлов В. П.* Героический поход. М., 1967, с. 44) — не соответствует действительности.
[35] ГАКК, ф. 411, д. 309, л. 12, 13.

[36] *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., с. 278.
[37] *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 51.
[38] Там же.
[39] Там же, с. 58.
[40] Там же.
[41] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 156; *Граф Г. К.* На «Новике». Мюнхен, 1922, с. 423.
[42] Рукописный фонд Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-315. *Бойко Н. Г.* О потоплении миноносца «Громкий» 18 июня 1918 г.
[43] Там же.
[44] В ряде исторических и литературных источников ошибочно указывается, что «Громкий» ушел в Севастополь.
[45] *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем., с. 245.
[46] *Лукин В.* Черное море в руках Германии. — Гражданская война, т. III, с. 18.
[47] *Бонч-Бруевич В.* Владимир Ильич Ленин и Военно-Морской Флот. — Военно-исторический журнал, 1964, № 4, с. 11—14.
[48] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 213, л. 52. Воспоминания Л. В. Ивницкого.
[49] К сожалению, протокол этого заседания в архивах обнаружить не удалось, поэтому использовались косвенные источники.
[50] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 213, л. 52; д. 309, л. 12, 13.
[51] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 163.
[52] *Ачканов Г. П.* Очерки Февральской и Октябрьской революции в Одессе. Одесса, 1927, с. 59.
[53] Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 167—168; *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г., с. 22; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 157.
[54] Рукописный фонд Новороссийского историко-краеведческого музея, НА-732. *Гамов Н. Д.* О потоплении Черноморского флота.
[55] Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 169.
[56] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 157, 159—160.
[57] Там же, с. 160, 161; Филиал ГАКК в г. Новороссийске, ф. 132, д. 17, л. 40.
[58] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 163—164.
[59] Эту же ошибку допустил и В. П. Горлов в книге «Героический поход» (М., 1967, с. 45).
[60] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 164.
[61] ЦГА ВМФ, д. 342, оп. 1, д. 201, л. 224.
[62] ГАКК, ф. 411, д. 309, л. 12.
[63] Там же.
[64] Хроника исторических событий на Дону, Кубани, Черноморье, вып. II. Март 1918 — апрель 1920 г. Сост. Я. Н. Раенко. Ростов-на-Дону, 1941, с. 64.
[65] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 463—464.
[66] *Бонч-Бруевич В.* Владимир Ильич Ленин и Военно-Морской Флот. — Военно-исторический журнал, 1964, № 4, с. 14.
[67] *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем., с. 446—447; ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309, л. 22.

[68] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 212, л. 121.

[69] ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 309; д. 311а, л. 1; Граждаиская война, т. III, с. 20; Морякн в борьбе за власть Советов на Украине, с. 164.

[70] ЦГА ВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 201, л. 207.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (с. 249—257)

[1] Морской сборник, 1938, № 6, с. 76; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М., 1931, с. 299.

[2] *Хижняк И. Л.* Годы боевые. Красиодар, 1957, с. 190; *Горлов В. П.* Героический поход. М., 1967, с. 45.

[3] Владнмир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 573; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Красиодар, 1957, с. 276.

[4] *Гребельский З. В.* Деятельность Коммуиистнческой партии и Советского правнтельства по создаиию Советского Воеиио-Морского Флота (октябрь 1917 — март 1919 г.), с. 125, ГБЛ.

[5] ЦГА ВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 230. Предписание народного комиссара по морским делам И. И. Вахрамеева от 1 июля 1918 г.

[6] Граждаиская война, т. III. М., 1925, с. 47, 51; Моряки в борьбе за власть Советов иа Украине (иоябрь 1917—1920 г.). Сб. док. Киев, 1963, с. 270.

[7] Автор статьи «Верность боевым традициям» контр-адмнрал А. Руднев допускает неточность, утверждая, что эскадренный миноносец «Шаумяи» («Левкас») был поднят со дна моря (Годы борьбы и побед. Симферополь, 1967, с. 373).

[8] *Брежнев Л. И.* Ленииским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, с. 81.

[9] Матерналы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 83.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Тактико-технические данные кораблей Черноморского флота, затопленных в Севастополе, Новороссийске и Туапсе в апреле — июне 1918 г.

№ п/п	Класс и наименование корабля	Год вступления в строй	Водоизмещение, т	Мощность, м-мов, HP	Скорость, узлов	Вооружение артиллерийское, мм	Вооружение торпедно-минное	Экипаж
	Линейный корабль							
1	«Свободная Россия» («Императрица Екатерина Великая»)	1915	23 783	26 500	21	12—305/52, 20—130/60, 8—75, 4—47, 4 пул.	4 ап.	1 220
	Эскадренные миноносцы							
1	«Гаджибей»	1917	1 326	29 000	33	4—102, 1—40, 3 пул.	н 4 тр. 80 мм	125
2	«Громкий»	1915	1 460	25 500	34	3—100/60, 2—47 зен., 4 пул.	5 дв. н.	125
3	«Гневный»	1914	1 460	25 500	34	3—100/60, 2—47 зен., 4 пул.	5 дв. н.	125
4	«Калиакрия»	1917	1 326	29 000	33	4—102, 1—40, 3 пул.	4 тр. $\frac{н.}{80 м}$	125

5	«Капитан-лейтенант Баранов»	1909	802	6 500	25	2—120, 2—47, 3 пул.	3 н. / 50 м	5 / 95
6	«Керчь»	1917	1 326	29 000	33	4—102, 1—40, 3 пул.	4 тр. / н 80 м	125
7	«Лейтенант Шестаков»	1909	780	6 500	25	2—120, 2—47, 3 пул.	3 н. / 50 м	5 / 95
8	«Пронзительный»	1914	1 320	25 500	34	3—100/60, 3—47 зен., 4 пул.	5 дв. н.	125
9	«Фидониси»	1917	1 326	29 000	33	4—102, 1—40, 3 пул.	4 тр. / н 80 м	125
	Миноносцы							
1	«Заветный»	1905	350	5 500	25	1—75, 5—47, 2 пул.	2 н. / 18 м	4 / 68
2	«Летчик» («Котка»)*	1895	104	1 005	19	2—37	1 нос. 1 пов. н.	21
3	«Сметливый»	1902	240	3 800	26	1—75, 3—47, 2 пул.	2 надв. / 12 м	4
4	«Стремительный»	1902	240	3 800	26	1—75, 3—47, 2 пул.	2 надв. / 12 м	4
			35 843	246 105				

* Построен в Або. В 1895 г. переведен с Балтийского в Черное море. С 12 октября 1916 г. зачислен в список посыльных судов № 4. Приказом Саблина от 12 мая 1918 г. переименован в посыльное судно № 11.

Таблица 2

Иностранные транспорты Черноморского флота, затопленные в Новороссийской бухте в июне 1918 г.

№ п/п	Наименование корабля	Принадлежал до первой мировой войны	Водоизмещение, т
1	«Оксюз»	Франции	6 000
2	«Женироза»	Италии	5 600
3	«Сербия»	»	6 000
4	«Треавориан»	Англии	6 000
5	«Фредерика»	»	5 500
6	«Эльбрус»	Бельгии	6 400
	Итого		35 500

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сирченко И. Т.

С40 Выполняя приказ В. И. Ленина...: (Потопление Черноморского флота в 1918 г.) / Науч. ред. А. И. Мельчин. — М.: Мысль, 1979. — 277 с., с ил.

В пер.: 60 коп.

Автор на основе большого фактического материала с привлечением документов восьми центральных и местных архивов и воспоминаний активных участников и очевидцев событий освещает один из эпизодов истории иностранной военной интервенции и гражданской войны — борьбу Коммунистической партии и Советского правительства за предотвращение захвата Черноморского флота германскими империалистами в 1918 г., рассказывает о патриотическом подвиге руководимых коммунистами моряков-черноморцев, потопивших 18 июня 1918 г. по приказу вождя революции В. И. Ленина эскадру военных кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте.

$С\frac{10604\text{-}015}{004(01)\text{-}79}69\text{-}79$ 9 (С) 22

Сирченко Илья Тимофеевич

ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ В. И. ЛЕНИНА...

Потопление Черноморского флота в 1918 г.

Заведующий редакцией **В. С. Антонов**
Редактор **С. С. Игнатова**
Младший редактор **Е. Р. Зазульская**
Оформление художника **А. В. Львова**
Художественный редактор **И. А. Дутов**
Технический редактор **О. А. Барабанова**
Корректор **Ч. А. Скруль**

ИБ № 1129

Сдано в набор 4.06.79. Подписано в печать 31.10.79. А 08228. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 2. Школьная гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 14,7. Учетно-издательских листов 15,07. Тираж 75 000 экз. Заказ № 706. Цена 60 коп.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предварительные заказы на книги издательства «Мысль» принимают книжные магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.
Если вышедшей книги в магазине не оказалось, посылайте заказы в отдел «Книга — почтой» местного книготорга.

60к.